Виктор Селезнёв

КТО ВЫБИРАЕТ СВОБОДУ

САРАТОВ :

Хроника инакомыслия

1920-1980–е годы

Саратов
2009

ВИКТОР СЕЛЕЗНЁВ

КТО ВЫБИРАЕТ СВОБОДУ

САРАТОВ:

ХРОНИКА ИНАКОМЫСЛИЯ

1920-1980-е годы

Второе издание, исправленное и дополненное

Под редакцией кандидата исторических наук
В. М. Захарова

САРАТОВ

2009

Виктор Макарович Селезнёв
Кто выбирает свободу. Саратов: Хроника инакомыслия.
1920-1980–е годы. 2-е изд., исправл. и доп. Научно-популярное издание / Под ред. канд. ист. наук В. М. Захарова.
Саратов. 2009. - …с.

Эта книга знакомит читателя с историей антитоталитарного движения в Саратове и саратовском Поволжье. В ней учтены результаты архивных исследований, даны свидетельства современников и очевидцев.

Издание адресовано краеведам, преподавателям, студентам, всем, кто интересуется историей общественной мысли XX века.

ПАМЯТИ

ПАВЛА ЛЕТУВЕТА И ВИТАЛИЯ АЗЕФА –

ПРАВОЗАЩИТНИКОВ,
ИСТОРИКОВ,
ЖУРНАЛИСТОВ

Я выбираю свободу.

Так назвал свою книгу капитан
Виктор Кравченко,
отказавшийся после войны вернуться
в Советский Союз.

Я выбираю свободу,
Я пью с нею на «ты»,
Я выбираю свободу
Норильска и Воркуты.

Александр Галич. Я выбираю свободу.

ВСТУПЛЕНИЕ

I

Тьма – тьмущая кандидатских и докторских диссертаций сочинена о руководящей роли коммунистической партии Советского Союза: в гражданской войне, индустриализации, коллективизации, войне 1941 – 1945 годов, во всех пятилетках, в промышленности, сельском хозяйстве, профсоюзах, комсомоле, литературе, кино, спорте, балете, - словом, всегда, везде, во всем.

Темы эти были неисчерпаемыми и беспроигрышными: ну кто бы посмел хоть легонько усомниться в научной ценности мильон первого труда о родной партии! Только надобно было блюсти заданные правила игры в историю: вдохновляться последними решениями последнего партсъезда; факты подбирать лишь типические, то есть зримо, весомо доказывающие наши невероятнейшие победы (так искусный картежник ловко тасует карты); впрочем, не только не возбранялось, но даже поощрялось попутно упомянуть и об отдельных недостатках и трудностях, которые само собой, успешно преодолеваются. Но ни в коем случае нельзя было называть запрещенные имена: при Сталине – Троцкого, при Хрущеве – Сталина, при Брежневе – Хрущева, при Андропове – Брежнева, при Черненко – Андропова.

Этак года за два до кончины величайшего корифея всех наук, всех времен и всех народов сдавал я зачет по основам марксизма-ленинизма (так в ту бесовскую пору зачем-то маскировалась история КПСС) Берте Смирновой - начинающей, а посему особо ретивой преподавательнице этих самых основ. Досталась мне какая-то маленькая статейка Сталина, то ли две, то ли три странички, где Иосиф Виссарионович как всегда материл своего первейшего врага Льва Давидовича. Отвечаю: товарищ Сталин в этой статье разоблачает Троцкого…

И вдруг слышу истеричный вопль сверхбдительной особы: «Не называйте мне это имя!» Так и сказала - «это имя», не посмев вслух произнести фамилию подлинного вождя Октября, создателя Красной армии. Позвольте, да что же отвечать, если в статье кроме дикой брани по адресу Троцкого ровным счетом больше ничего и нет. Следует новое директивное указание: говорите мне только правильное, только идейно верное!

И, разумеется, нельзя было выразить хоть малейшее сомнение в истинности любого творения Основоположников. Когда в те же годы на историче-

ском факультете на семинаре по марксизму-ленинизму восхваляли великий труд Ильича «Развитие капитализма в России», вдруг поднимается поляк Богдан Бжезинский:

- По моему мнению, Ленин в этой работе был не прав.

Преподавательница Алевтина Васильевна Курсанова слегка побледнела.

- Богдан, вы этого не говорили.
- Нет, я это сказал, - упрямо повторяет Богдан. - Ленин здесь дает неправильное определение концентрации пролетариата.
- Останьтесь после занятия, Богдан. Мы с вами потом поговорим.

Хорошо еще, что никто из студентов не стукнул куда следует об этом; иначе было бы худо и ревизионисту Богдану, и преподавательнице, не сумевшей дать достойный отпор вражескому выпаду. Но самое интересное в том, что Богдан Бжезинский сказал сущую правду: Ленин, дабы завысить численность возлюбленного им пролетариата, зачислял в его ряды и сезонных рабочих, по сути крестьян, приезжавших в город на заработки!

Вот такая веселая история вершилась с нашей отечественной историей. Если был строжайший запрет на имена многих видных руководителей правящей партии (за скромный вопросик: «А с кем это наш Ильич отдыхал в Разливе в шалаше?», не в меру любопытный мог отправиться куда подальше этого самого Разлива), то что уж говорить о тех политических деятелях, кто отвергал коммунистическую доктрину, кто выступал против диктатуры кухарок и летучих тунеядцев.

Официальная пропаганда твердила изо дня в день: весь советский народ все теснее сплачивается вокруг любимой партии – после очередного или внеочередного ее съезда, исторического доклада или прискорбной смерти очередного дорогого вождя; и лишь кучка отщепенцев и сумасшедших, антиобщественных элементов не хочет ходить строем, не хочет жить в самом гуманном и демократическом государстве, «где так вольно дышит человек», как оповестил всех советских граждан незабвенный Лебедев-Кумач.

Полное единодушие всего советского народа – это миф, придуманный кремлёвскими вождями для отечественных простаков и наивно-доверчивых западных интеллигентов. Даже в самые беспросветные годы по совдепии гуляли анекдоты о коммунистической партии и о ее несменяемых до самой смерти вождях, о колхозном закабалении крестьян, куда более тотальном, чем при крепостном праве (в 1950 году участники фольклорной экспедиции Саратовского университета услышали в одном из сел такую частушку: «Трактор пашет, земля сохнет, / Всё равно колхозник сдохнет»); о грабеже народа, о космических амбициях правителей нищей страны, пересказывали друг другу передачи западных радиоголосов, доходивших сквозь вой коммунистических глушилок. Вольные разговорчики не могла до конца пресечь даже самая разветвлённая сеть штатных и добровольных доносчиков.

Саратовский электромонтёр М. П. Сенченко в 1945-1951годах пересказывал знакомым содержание передач западных радиоголосов, пока наконец кто-то не настучал на него[1].

Едва ушел в мир иной кремлёвский генералиссимус, как многие интуитивно почувствовали, что в Кремле началась свара за власть между сталинской сворой, что новые властители должны будут хоть как-то облегчить положение народа.

Шофер машинно-тракторной станции С. И. Лихачев 6 марта 1953 года (напомню, что в этот день главный сталинский диктор возвестил всему осиротевшему миру о смерти Сталина), не стал горевать о смерти великого вождя: «Что нам о нём плакать, пусть грузины плачут, он их освободил от налогов, а с нас всё равно дерут». Лихачев резонно предположил, что теперь могут снизить налоги, уменьшить суммы добровольно-принудительного займа[2].

А 8 марта, когда соратники еще не успели унести в мавзолей бывшего вождя, студентка и библиотекарь А. М. Брилон сказала подругам в библиотеке Саратовского горкома партии - нашла время и место для крамольных высказываний! - что «слышала от людей, будто американцы передают по радио, что у нас после смерти Сталина идёт разброд, а Молотов – волкодав и хочет взять власть в свои руки»[3].

Поток угрожающих антикоммунистических высказываний резко усилился после XX съезда партии, после устранения от власти группы Молотова-Маленкова-Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова (самая длинная русская фамилия, как острили в ту пору).

Студент Саратовского автодорожного института Б. И. Иванов в марте 1956 года среди товарищей критически высказывался о решениях XX съезда, о советском правительстве и о советской демократии, хвалил страны западной демократии[4].

Начальник сектора саратовской проектировочной конторы А. П. Клочков с 1956 года писал анонимные письма в «Правду», «Известия», американскому послу в СССР, призывая: «Народы мира! Мы, народы России, изнемогли и не можем сами освободиться от каннибалов коммунизма. <…> Бросьте на логово этих людоедов пять водородных бомб, и с коммунизмом будет покончено. Не медлите с разгромом коммунизма, иначе будет поздно»[5].

6 февраля 1957 года в столовой лагерного пункта была вывешена листовка: « Весь рабочий класс Советского Союз в связи с многолюдской [6] эксплуатацией человечества требует пересмотра социалистической системы и

---

[1] См.: 58-10. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской пропаганде и агитации. Март 1953-1991. Аннотированный указатель. Сост. О. Б. Эдельман. М.: Материк. 1999. С. 140.

[2] Там же. С. 118-119.
[3] Там же. С. 71.
[4] Там же. С. 450.
[5] Там же. С. 329.
[6] Так в подлиннике.

сбросить с плеч коммунистический строй… Долой власть советов! Долой коммунистов! Да здравствует молодёжь лагерей!» Автор листовки - заключённый Я. Т. Баулин[7].

Плотник на строительстве саратовской теплоцентрали П. П. Ганюшкин в общежитии резко критиковал советскую власть. Под его влиянием член партии Ю. К. Кочетков послал анонимное письмо в редакцию газеты «Коммунист», где описал в каких условиях живут рабочие. 15 января 1957 года Кочетков расклеил на стройке шесть листовок[8].

Н. И. Шоболов в декабре 1956 года и в апреле 1957-го отправил из лагеря знакомому два письма, где доказывал, что в СССР нет свободы, «и если сейчас в нашей стране было примерно процентов 80 судимых, то по последнему Указу РСФСР будет все 100 % судимых, и в целом наша страна окажется страной преступников и будет вся огорожена колючей проволокой, и это всё будет называться свободой слова, печати …»[9].

Электрик школы-интерната А. К. Рзянин 2 июля 1957 года в вагоне электрички называл Хрущёва кукурузником, восхищался материальным уровнем жизни в капиталистических странах и доказывал преимущество многопартийной системы[10]. Досталось коммунистической системе и от разнорабочего И. С. Глузды. Он публично ругал жизнь в СССР, Хрущёва и Булганина, возмущался подавлением венгерского восстания; говорил, что «у нас такая демократия, кого представит партия на выборы, за того и голосуй». Глузд слушал и давал слушать другим «Голос Америки»[11].

12 июля 1957 года В. В. Пантюхин в дежурной комнате милиции заявил, что не согласен с решениями июльского пленума ЦК КПСС, матерно ругал партию и правительство[12]. В письмах в редакции газет и журналов, в партийные и советские органы контролёр комбината В. Н. Нефёдов также осуждал решения того же пленума о снятии Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова[13].

Зек Ю. Богданов в апреле 1962 года послал воззвание в редакцию «Правды» и генеральному прокурору, называя большевиков «душителями всех демократических свобод, палачами» и прочими столь же прелестными именами[14].

Юрий Шкилонц, сидевший в тюрьме в Саратовской области, в июле 1963 года послал письма начальнику тюрьмы и тогдашнему первому секретарю партии Хрущеву, где осуждал бесчеловечную коммунистическую систему. А в ноябре того же года отправил письмо в ЦК КПСС, в котором заявил об отказе от советского гражданства. Вместе с Валерием Тарасовым разбросал по тюрьме двенадцать антикоммунистических листовок. Зек Николай

---

[7] Там же. С. 274.
[8] Там же. С. 313-314.
[9] Там же. С. 357.
[10] Там же. С. 377.
[11] Там же. С. 383.
[12] Там же. С. 375.
[13] Там же. С. 418.
[14] Там же. С. 632.

Шапошников в лагере не только ругал советскую власть, но и сделал себе татуировку: «Да здравствует президент Кеннеди! Долой Хрущева! Смерть коммунистам и чекистам!»[15].

Скачок цен 1962 года: разумеется, временный, разумеется, для блага самого же народа, как цинично вострубили кремлевские пропагандисты, вызвал новый всплеск всеобщего недовольства; рабочие Новочеркасска вышли на улицы города, требуя немедленной отмены грабительского постановления партии и правительства. Электросварщик А. П. Климов был возмущён повышением цен и сказал, что готов убить Хрущева[16].

Такие примеры можно множить и множить. Надо ли говорить, что смельчаки расплачивались статьёй 58-й.

Разумеется, далеко не все были столь нелестного мнения о самой лучшей стране в мире: кто-то искренне верил в пришествие царства коммунизма, кто-то попросту прислуживал власти, но очевидно коммунистическое враньё о тотальном единодушии всех советских граждан, об их несокрушимой вере в бессмертное учение Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина (после марта 1953 года из этой как будто навечно высеченной четвёрки последнее имя вдруг исчезло – словно его никогда и не бывало).

В то время, понятно, не было ни социологических исследований, ни опросов общественного мнения (сама мысль о них показалась бы контрреволюционной дерзостью), но многие, очень многие посмеивались над агитпроповскими болванками Однако кто из нас до публикации в 1992 году фундаментального исследования Людмилы Алексеевой «История инакомыслия в СССР. Новейший период» (впервые книга вышла за границей в 1984–м, в том самом гениально предугаданном Андреем Амальриком году - «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?») хорошо знал историю национальных, религиозных и правозащитных движений, догадывался об истинных масштабах политического и морального сопротивления тоталитарному режиму?

Сотни независимых групп, кружков, объединений, протестовавших против не прекращавшихся никогда репрессий, защищавших гражданские права, национальные права, права верующих. Поток захлестнувшего империю самиздата. Тысячи арестованных и осужденных, брошенных в психушки. А сколько самиздатчиков или читателей недозволенного так и не удалось выловить подручным неизвестного поэта и известного чекиста Андропова! Думаю, тут счёт пошел бы уже на десятки, если не на сотни тысяч человек.

Все группировки, так или иначе противостоявшие коммунистической тирании, напрочь отвергали любые насильственные действия: сопротивление было только мирным, только в рамках конституции, но достаточно энергичным и в конечном итоге оказалось очень действенным (хотя тогда выглядело абсолютно безнадежным: «Выпьем за успех нашего безнадежного дела!»). Пошел впрок трагический урок русской, да и не только русской, истории.

---

[15] Там же. С. 652.
[16] Там же. С. 600.

Уже при жизни моего поколения рухнул миф о монолитности коммунистической партии, моментально разлетевшейся на десяток конкурирующих друг с другом фракций, о несокрушимом единстве партии и народа (на демократических митингах в Саратове в 1990 году реял плакат: «Народ и партия едины, но по-разному едим мы!»), миф о кучке идеологических отщепенцев.

А 21 августа 1991 года почил коммунистический режим. Умевший только лгать, грабить и убивать. Начавший и кончивший путчем. Мнивший себя венцом развития всего человечества, высшим и последним этапом мировой истории.

Я проснулся в шесть часов
С ощущеньем счастья:
Нет резинки от трусов
И советской власти!

II

Что ни город, то свой норов, гласит народная пословица. Идейную крамолу преследовали, понятно, повсюду, но, пожалуй, особенно изощренно, фанатично – в Саратове. Если бы провести чемпионат мира по идеологической бдительности и запретительной лютости, то наш город, по – моему, опередил бы и Пекин, и Тирану и кастровскую Гавану. Город, в котором после 1991 года не только не убрали ни одного памятника главным палачам России, но еще и поставили за казенный счет памятник первому обкомовскому душителю свободы.

В мае 1989 года, когда по всей стране бушевала либеральная вольница, партначальство попыталось запретить фестиваль поволжских документальных фильмов. Потому что из Самары (тогда еще Куйбышева) посмели привезти ленту «Два митинга»: «У нас благополучный и послушный город, а вы хотите будоражить народ, на митинги зовете!» (скоро, очень скоро, митинговая стихия захлестнет и Саратов).

Летом 1991 года, и всего-то ничего оставалось тешиться властью обкомовцам, они, хотя не и посмели запретить художественный фильм «Анекдоты», разрешенный Москвой (рассказчика антисоветских анекдотов забирали в сумасшедший дом, где он повидал Ленина, Сталина, Чапаева и прочих легендарных личностей; а в финале картины в это же самое богоугодное заведение угодил тогдашний – и последний - генсек Горбачев), но дозволили посмотреть его саратовцам только в Доме офицеров.

И как тут не воздать должное обкомовским идеологам Валентину Черныху и Николаю Еремину [17]– более рьяным борцам с крамолой, чем даже их

[17] Валентин Матвеевич Черных (1909–1997) — третий секретарь Саратовского обкома КПСС. На фронте не был, зато, как уверяет группа его товарищей, «организовывал бесперебойную доставку грузов в осажденный (?) Сталинград» (Саратов. 1997. № 39. 16 февраля. С. 1). Запрещал в Саратове фильмы, спектакли, художественные выставки, книги, концерты артистов и музыкантов.

кремлевские патроны. И после самых либеральных партийных съездов раздавался их рык: бди!!

Это они, Черных-Ерёмин, отрежиссировали травлю Булата Окуджавы и его товарищей, выпустив против них на страницах «Советской России» свою свору – от героя СССР (энкаведешника) до токаря или пекаря; выдворили из города Елену Камбурову за песню на стихи Лермонтова «Белеет парус одинокий», усмотрев в оной песне призыв к эмиграции. Художественная редакция Саратовского телевидения тогда же записала концерт певицы. «Высокая поэзия, каждая песня – спектакль…»[18]. Обком, понятно, не пропустил такую крамолу.

И не сосчитать, сколько обкомовская лапа прикрыла спектаклей, фильмов, концертов, художественных выставок. Фильм Андрея Тарковского «Рублёв», чехословацкого «Лимонадного Джо» саратовцам удалось посмотреть лишь после того, как Черныха спровадили на заслуженный покой. Да что там «Рублёв» или «Лимонадный Джо»: вечные запретители не пустили на экраны своей вотчины вовсе уж безобиднейший фильм «Строится мост»; видимо, лишь за то, что в съемках картины в 1964 году в нашем городе участвовала труппа театра «Современник», того самого театра, коей обкомовцы считали чуть ли не главным очагом крамолы. Ерёмин так перебдительствовал, что его даже дважды вдарила центральная печать за излишнее административное рвение: редкий обкомовец удостаивался этакой чести!

Но златая обкомовская мечта о полнейшем единомыслии была столь же иллюзорной, как идейка вечного двигателя, как мысль заслать космонавтов - капеэсэсовцев (беспартийному люду выход в космос был намертво воспрещен) на Солнце. И в самые беспросветные годы далеко не все в нашем городе безропотно соглашались на роль винтиков тоталитарного механизма, далеко не все были уверены, что живут в самой свободной и самой счастливой стране мира.

Для подавления любого инакомыслия, малейшего уклонения от предписанных на этот момент официальных шпаргалок в карательном арсенале родной партии были судебные и несудебные расправы – исключение из комсомола или из партии (мой друг Евгений Калмановский в ту окаянную пору метко заметил, что лучше быть беспартийным, чем быть исключенным), увольнение с работы, запрет на профессию, шельмование в печати, психушки.

О преследованиях в Саратове инакомыслящих не раз сообщала знаменитая «Хроника текущих событий», за которой пятнадцать лет тщетно охо-

---

Николай Борисович Еремин (1924–1988) — всю жизнь функционер в комсомольско-партийных органах; в 1965–1974 гг. — заведующий отделом пропаганды обкома партии. В 1974 г. его из обкома вытурили в горком: видимо, сочли его зловещую фигуру чересчур неприличной для областного начальства.

Помню, как будущий партийный лидер начинал учиться на историческом факультете Саратовского университета. Он мелькнул два или три раза на лекциях по основам марксизма-ленинизма (эти лекции были общими для историков и филологов), и навсегда исчез в университетских командных высях.

[18] *Ольга Федоровна Карпакова.* Мы были первооткрывателями // Моё телевидение. Из истории Саратовского ТВ. Саратов: Киноиздательский центр «Саратовтелефильм» - «Добродея». 2007. С. 208..

тились штирлицы и пронины всех рангов; писала Людмила Алексеева в упоминавшейся «Истории инакомыслия в СССР». В последние годы этой теме посвящены безукоризненно выверенные документальные очерки Виталия Азефа, воспоминания и статьи других саратовских журналистов, публикации в московских газетах и журналах. Интереснейшие воспоминания «Время собирать камни» Александра Романова, приговоренного по 70 статье (кремлёвский заменитель 58-й) в 1970 году к шести годам по делу «Группы революционного коммунизма», напечатаны в журнале «Волга» (1996. № 5-6).

Термин «инакомыслящие» включает участников оппозиционных групп, хранителей и распространителей самиздата, всех, кто вольным словом так или иначе сопротивлялся тотальной коммунистической лжи.

Когда в 1997 году главный редактор газеты «Богатей» Владимир Горбачев предложил мне написать серию очерков об истории инакомыслия в Саратове, я знал лишь несколько сюжетов на эту тему. Для меня самого оказалось неожиданностью, сколько дел пришлось заводить кагэбешников для искоренения крамолы, сколько саратовских интеллигентов так или иначе отказывались жить по лжи, соглашаться с коммунистической пропагандой. После публикации первых очерков мне звонили знакомые или полузнакомые люди, называли новые имена, новые факты.

Сокращенный вариант очерков был опубликован в газете «Богатей» (1997. № 21; 1998. № 1- 14). Главы 20, 22-24 написаны вместе с Александром Романовым.

Однако до сих пор еще много неизвестного в истории противостояния власти и вольномыслящих в Саратове: первая предпочитала почти все замалчивать, у вторых не было возможности публично говорить правду. Нет пока сводной хроники независимых кружков и групп, хроники общественного движения, хроники репрессий.

Это – первая попытка подготовить такую сводку. Вряд ли она будет исчерпывающий. Но начинать надо сегодня, пока еще есть возможность расспросить живых свидетелей.

1

До и после залпа «Авроры»

Первым, кто грозил ссылкой «в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов», был, как известно, московский сановник Павел Афанасьевич Фамусов. Разумеется, не за политику, а за любовные шашни собирался он упечь свою ветреную дочь в волжский город, который и в грибоедовские времена глушью можно назвать только если уж очень осерчать.

В 1812 году в Саратов, как и в другие поволжские города, отправляли пленных французов [19].

Позже Саратов и впрямь стал местом ссылки – политической. Сюда выпроваживали из Петербурга и Москвы недоучившихся студентов и всякий прочий неблагонадёжный люд: народников, марксистов, социалистов-революционеров, анархистов; словом тех, кто во имя народного счастья спешил переустроить и обустроить Россию.

В Саратове революционеры, хотя и находились под надзором полиции, продолжали заниматься тем же самым, за что их и выпроводили из столиц: обычно сами нигде не работали (в свободном Советском Союзе их бы судили как тунеядцев), но создавали кружки, где учили рабочих азам своей политграмоты, почитывали, если верить их же байкам, пузатый «Капитал», в нелегальных типографиях печатали брошюры и листовки, агитировали в легальном обществе «Саратовский маяк», проводили партийные собрания и маевки, на которых поднимали красное знамя, хором под пивко или водочку распевали «Варшавянку» и «Замучен тяжелой неволей». И звали, звали: «Пусть сильнее грянет буря!»

Так в наш город попали и видные большевики - будущие штурманы октябрьской бури.

Мартына Лядова (он же - Мандельштам) исключили из 3-го класса московской гимназии, как он с гордостью оповещает всех в своей автобиографии, «с тройкой по поведению, за то, что обругал инспектора»[20]; а скорее всего, просто за хулиганство. В 1902 году его сослали на два года в Саратов под надзор полиции. Один из очень немногих представителей ленинской

---

[19] См.: *Никифоров Д.И.* Старая Москва. Описание жизни в Москве со времен царей до двадцатого века. Ч. 2. М., 1903. С. 109.

[20] Деятели СССР и революционного движения в России. Энциклопедический словарь Гранат. М.: Советская энциклопедия. 1989. С. 520.

гвардии, как их пышно именовала партийная печать, кто благополучно переживет сталинские тотальные зачистки 30-х годов.

Михаила Ольминского (Александрова) никто не ссылал, а он сам добровольно приехал в Саратов в 1914 году, когда его выгнали из статистического отделения петербургской городской управы. Печатался в "Нашей Газете". Успел помереть в 1933 году - еще до Большого террора.

Уроженец Саратова Георгий Ломов-Оппоков, если судить по его героической автобиографии[21], ничем иным, кроме как революционной деятельностью, никогда не занимался. Как в 13 (!) лет примкнул к социал-демократическим кружкам, так его и закружило в этом боевом вихре. В 1914 году Ломова из Таганской тюрьмы высылают в Саратов, где он редактирует легальную (!) большевистскую «Нашу Газету». Нарком юстиции первого советского правительства, самого образованного в мире, как то ли острил, то ли внушил себе очень уж переменчивый Горький. Расстрелян парттоварищами в 1937 году.

Ещё один уроженец нашего города - Алексей Рыков. За революционную деятельность в Казанском университете его вернули в Саратов под гласный надзор полиции. Народный комиссар внутренних дел первого большевистского правительства. После смерти Ленина - председатель Совнаркома. По делу выдуманного сталинистами «Правотроцкистского антисоветского блока» Рыков будет приговорен к расстрелу в 1938 году.

Степана Шаумяна за организацию забастовки бакинских рабочих не судили, а решили сослать в холодную Иркутскую губернию под гласный надзор полиции. Но по его ходатайству «ввиду болезни» (опять царский либерализм!) отправили 13 декабря 1916 года в теплый Саратов, где он смог «систематически лечиться».

Всего-то ничего пробыл пламенный революционер в нашем городе, но до чего горестно описывают его житье местные летописцы! Для лечения, мол, нужны были деньги (ну, ясное дело, не было при проклятом царизме бесплатной медицины, как при ихнем социализме), а где бедному политическому добыть оные [22].

После февраля 1917 года Шаумян уедет в Баку, где и закончит свою революционную деятельность: он будет первым в списке убиенных 26 так называемых бакинских комиссаров[23]. Позже, правда, окажется, что среди этих самых комиссаров вовсе не все были комиссарами, а 27-й бакинский

---

[21] Там же. С. 515-516.

[22] См.: *Малинин Г. А.* Памятники и памятные места Саратовской области. 3-е изд., испр. и доп. Саратов: Приволжское кн. изд-во. 1979. С. 190.

[23] На картине кремлёвского маляра И. Бродского увековечены «героические лица комиссаров с гордо поднятыми головами, злобные рожи целящихся в них людей в азиатских халатах, английские офицеры в пробковых колониальных шлемах…» На самом же деле народных комиссаров никто и не думал расстреливать: им просто по приговору суда отрубил головы туркменский палач. А судили народных заступников «с соблюдением норм законодательства по обвинению в государственной измене, сдаче Баку турецким войскам, поддержке внешнего врага – турок, в организации бессудных убийств, ограблений, организации межнациональной резни» (*Веллер М., Буравский А.* Гражданская история безумной войны. М.: АСТ Москва. 2007. С. 393).

комиссар чудесно спасется ну, конечно же, по чистой случайности[24]. Это был Микоян, тот самый кремлевский долгожитель, коему посчастливится прожить от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича. От начальника штаба главнокомандующего Прикаспийским краем генерал-майора А. Е. Мартынова узнаем, как чисто случайно спас свою драгоценную жизнь верный последователь Ленина-Сталина-Хрущева-Брежнева. Будущий народный комиссар внутренней и внешней торговли СССР всего-навсего «помог белой контрразведке выявить своих товарищей среди 600 беженцев. ”Самая сволочь из этих комиссаров был, но я ему слово офицера дал, что если поможет – сохраню ему жизнь”, - вспоминал Мартынов в эмиграции»[25].

Шальной революционный вихрь занес в Саратов и бродячего пропагандиста с фальшивым паспортом Виктора Ногина. Ногин, как узнаём из энциклопедического словаря, нигде не учился, был самоучкой [26]. Вероятно, за это его и назначили народным комиссаром торговли и промышленности того же первого самого образованного большевистского правительства. Впрочем, Ногин, будем справедливы, тогда же потребовал включить в правительство представителей всех социалистических партий. За столь предательское предложение товарищ Сталин без всякого сомнения прикончил бы его в 1937 году (и не футурологу ясно, что за 1917 годом неизбежно следует год 1937-й), если бы Ногин благополучно не умер в своей постели в мае 1924 года. Вот так невероятно повезло старому большевику, чьим именем будет назван город Богородск в Московской губернии, площадь и станция метро в столице; а еще больше пофартило его семье, которой достанется роскошная квартира в «Доме на набережной» и правительственная дача в Кратове. Ногин лишь посмертно буден обруган в сталинском «Кратком курсе».

Главный саратовский большевик, родившийся в Саратове, к своей скромной фамилии прибавил название нашего города (двойные фамилии для звучности брали многие провинциальные артисты) и стал именоваться Антоновым-Саратовским. За подпольные дела его не судили, как следовало бы (гнилой либерализм царского суда!), и сослали не в Саратов, а, наоборот, выслали из города в 1916 году вместе с его дружками П. Лебедевым и уже упоминавшимся Г. Ломовым-Оппоковым.

После октябрьского переворота (так сами большевики тогда называли свой путч) Антонов-Саратовский преуспел в кипучей борьбе со всяческими заговорами, которые создавала ЧК-ГПУ-НКВД. Он был членом специального присутствия Верховного суда СССР, приговорившего в 1928 году 11 обвиняемых по сфабрикованному шахтинскому делу «к высшей мере социальной защиты - расстрелу с конфискацией всего имущества каждого». Все подсудимые, как вещала в те дни «Правда», - «шпионы и контрразведчики, находившееся в непосредственной связи с разведывательными органами не-

---

[24] См.: Деятели СССР и революционного движения в России. С. 37.
[25] Черная книга имен, которым не место на карте России. / Составитель С. В. Волков. М.: Посев. 2005. С. 32-33.
[26] Там же. С. 565.

которых капиталистических стран…»[27] Господи, да назовите хоть одну эту самую страну!

Столь же достойно сыграл Антонов-Саратовский роль члена суда и когда разыгрывали в 1930 году суд над придуманной чекистами «Промпартией»: 5 человек получили ту же самую высшую меру большевистской социальной защиты – расстрел с конфискацией всего имущества[28]; и в следующем году на процессе мифической контрреволюционной организации меньшевиков[29].

Михаила Васильева-Южина (ну как же большевикам обойтись одной фамилией!) арестовали в Астрахани и выслали в Саратов под надзор полиции. Ближайший подручный Антонова-Саратовского по узурпации власти в городе в 1917 году, его сотоварищ по советским судебным спектаклям.

Даже официальная советская историография никогда не причисляла сестер вождя мирового пролетариата к выдающимся деятелям партии нового типа. Но сколько понаписано о жизни в Саратов Марии и Анны Ильиничны и мужа оной М. Елизарова! Понятно, они в нашем городе отнюдь не дремали, а вовсю готовили будущую пролетарскую революцию, о которой так долго и занудно твердили большевики. Неугомонных сестричек все ж таки арестовали в 1912 году. Марию выслали в Вологду, а Анну вообще выпустили.

Жилось ближайшим родственникам пролетарского вождя, открыто звавшего к свержению существующего строя, а также повешенного государственного преступника, совсем не худо. Они занимали великолепную (понятно, по советским меркам) квартиру из шести больших комнат: высоченные лепные потолки, просторная кухня, на Угодниковской улице, переименованной позже в их честь в Ульяновскую (по сей день улица так и называется). Когда к столетию Ленина в этом доме создавали музей его героических сестричек, то из прекрасной квартиры, превращенной большевиками в обычную советскую коммуналку, выселили три семьи.

***

Но вот грянула долгожданная буря, и почти все большевики помчались в столицы: возглавлять революцию и захватывать командные властные высоты.

А в Саратов победители, если они почему-либо не сразу кончали своих политических оппонентов, проигравших борьбу за власть, то отправляли их в ссылку: меньшевиков, правых эсеров, левых эсеров, анархистов. И не за какие-то там антиправительственные выступления, а просто за то, что они члены (или бывшие члены) запрещенных партий. Или просто думают не так, как отныне положено думать в первом пролетарском государстве. А чуть позже начнется очередной великий раскол среди самих торжествующих по-

---

[27] Приговор // Правда. 1928. № 155. 6 июля. С. 1.

[28] См.: Процесс «Промпартии» (25 ноября – 7 декабря 1930 г.). Стенограмма судебного процесса и материалы, приобщенные к делу. М.: ОГИЗ - Советское законодательство. 1931. С. 517, 526.

[29] См.: Процесс контрреволюционной организации меньшевиков (1 марта – 9 марта 1931 г.). Стенограмма судебного процесса, обвинительное заключение и приговор. 1931. М.: Советское законодательство. 1931. С. 465, 472.

бедителей, и Сталин пошлет в ссылку (пока в ссылку!) не покаявшихся оппозиционеров.

Тогда гулял такой анекдот. Троцкий говорит: со Сталиным очень легко (вариант: очень тяжело) спорить: я его цитатами, а он меня - ссылками.

Конечно, контора ГПУ-НКВД это вам не какая-нибудь царская охранка, всяких вольностей не допускала. Потому сосланные никаких газет не выпускали, брошюр и листовок не печатали, «Капитал» в рабочих кружках не читали, демонстраций или маевок не устраивали, «Варшавянку» не распевали и очистительную бурю больше на свою же голову не кликали. Кое-кто побаивался (и не без оснований!) даже встречаться со своими партийными товарищами.

В Саратове в 1931 году оказался не по своей воле Давид Рязанов - пламенный проповедник марксизма. Он был первым директором института Маркса-Энгельса, издавал сочинения основоположников, труды Лафарга, Плеханова, «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», был редактором и автором вступительных статей к множеству книг серии «Библиотека научного коммунизма».

В первые годы советской власти Рязанов иногда смел высказывать собственные суждения, за что заслужил в партии, по словам Ленина, печальную славу любителя «играть в оппозицию» [30]. Однако при Сталине эти игры заканчивались уже худо. Ссылку Рязанову в 1938 году заменили расстрелом, в Саратове его и прикончили, а книги с его предисловиями, в том числе и труды классиков марксизма, без пощады уничтожались советской цензурой.

В ссылку отправлялись не только члены тех или иных политических партий. Лидия Чуковская, дочь знаменитого писателя, в будущем - одна из самых бесстрашных поборников свободы в Советском Союзе, попала в 1926 году в Саратов только за то, что ее подруга напечатала на машинке Корнея Ивановича листовку рабочих-подпольщиков.

В Саратове гэпеушник прочитал новой ссыльной инструкцию: являться в их контору на отметку каждый понедельник, из города не уезжать ни на один день, удаление от города более чем на пять километров карается как попытка побега.

Старики, адрес которых дали Чуковской, едва узнав, что она ссыльная, наотрез отказались от такой гостьи: «Ищите себе других хозяев. Мы ссыльным не сдаем. У мужа стенокардия. Обыски начнутся, придирки. Стары мы в наши лета с ГПУ связываться» [31].

Лидию пригласили к себе муж и жена, левые эсеры, представители той самой партии, единственного союзника большевиков, когда те захватывали власть. Они снимали избу на спуске к Волге. Изба не отапливалась, там стоял такой мороз, что к утру внутренние щели между бревнами затягивало лед-

---

[30] См.: *Королева Н. В.* Примечания // *Берлин Исая.* Литература и искусство РСФСР // Звезда. 2003. № 7. С. 142.

[31] *Чуковская Лидия.* В поисках мировоззрения // Звезда. 1999. № 9. С. 99.

ком. Спала Чуковская на топчане, завернувшись в пальто, и клала на ноги, в качестве дополнительного обогревателя, кошку (не забыли скромную шестикомнатную квартирку сестричек Ульяновых?).

Саратов, куда ГПУ вышвырнуло Чуковскую из любимого Петербурга, города-аристократа, центра культуры и литературы, не мог, понятно, ей никак импонировать: «Зимою Саратов украшен сугробами, завален сияющим снегом. Летом - жара и пыль. Мелкие вихри пыли, волчки пыли крутятся посреди улицы; вечный хруст пыли на зубах; "пыль, пыль, пыль от шагающих сапог"; жалкие в своей мнимой величавости верблюды. Верблюжьи плевки возбуждают гадливость. Зной обостряет тоску, тоска отяжеляет зной» [32]. А вот еще одна картинка с натуры: «Ну и гнусный город Саратов, только теперь это вижу! Грязь непролазная; зима была очень снежная, а снега не убирают, льда не скалывают. Весь городишко плавает в грязи, в навозно-снежной жиже…»[33]

Даже «сидеть в Ленинградской тюрьме и слушать издали звоночки трамваев с Литейного моста – и то казалось мне легче, чем на здешней "воле"». «Действительно, я нахожусь в Саратове, но желанный мною Ленинград занимает в моей подлинной жизни больше места, чем этот постылый Саратов» [34].

Тогда же в саратовскую ссылку попал и ярый пролетарский критик - «напостовец» Г. Лелевич, закатывавший рулады во славу «основного метода марксистской эстетики, - первой «"научной эстетики", как ее называл Плеханов» [35]. Мнение Лидии Корнеевны о своем товарище по несчастью не очень-то лестное: «Я до сих пор думала, что бездарнее "Ленинградск<ой> Правды" нету газеты на свете, - оказалось, есть: "Саратовские Известия". В них изредка пописывает о литературе Лелевич <…> - абсолютно слепой и глухой к литературе человек»[36] (Из письма Лидии Чуковской к отцу).

В 1933 году гэпэушики затеяли очередную провокацию: придумали идейно-организационный народнический центр во главе с Ивановым-Разумником, историком русской общественной мысли, публицистом, литературным критиком. В организацию записали знакомых Иванова-Разумника по Царскому Селу, в том числе и писателя Алексея Скалдина (см. о нем главу «Кто это лезет под ноги? Кто мешает идти?»). Всех судили по делу «Ленинградской областной эсеровско-народнической организации»: кого кинули в изоляторы, кого отправили в ссылку.

Иванову-Разумнику досталась ссылка в Саратов. Он прибыл в наш город уже после великого перелома и великого голодомора: 13 ноября 1933 года

---

[32] Там же. С. 108.

[33] *Чуковский Корней, Чуковская Лидия.* Переписка. 1912-1969. М.: Новое литературное обозрение. 2003. С. 64.

[34] *Чуковская Лидия.* В поисках мировоззрения. С. 111.

[35] *Лелевич Г.* Отказываемся ли мы от наследства ? // Современная русская критика (1918-1924) Сборник (образцы и характеристики) Л.: Гос. изд-во. 1925. С. 127

[36] *Чуковский Корней, Чуковская Лидия.* Переписка. 1912-1969. С. 53.

(писатель тут вспомнил Чехова): в 13 часов дня, в вагоне № 13, с плацкартой № 13.

Город, как рассказывает писатель в книге «Тюрьмы и ссылки», только начал оправляться от ужасов голода, сыпного тифа и жуткого лета, когда трупы умерших от голода валялись по всем улицам. Саратовцы порассказали Иванову-Разумнику такое, перед чем петербургский голод 1919-1920 годов показался ему детской шуткой [37].

Семья его приятеля профессора университета А. А. Крогиуса помогла писателю найти жилье - в дряхлой избушке сапожника над обрывом Волги. Комната Иванова-Разумника была точной копией его тюремной камеры: семь на три шага; узкая кровать, столик, стул, этажерка; два покосившихся окошечка в двух стенах; тонкая фанерная перегородка, не доходившая до потолка (как опять не вспомнить квартиру сестер Ильича). А через дом находился музей великого правдолюбца Чернышевского [38].

И в этой комнатушке, от которой приходили в ужас саратовские знакомые Иванова-Разумника, он прожил почти три года.

Конструктор института «Гипрониигаз», один из родственников А. Крогиуса, запомнил Иванова-Разумника, когда тот в 1935 году приезжал к ним на пятую дачную (этот район и сегодня считается окраиной, а в ту пору был вообще за городской чертой), где Анна Яковлевна (с ее старшей сестрой мать этого родственника училась в гимназии) и ее подруга снимали по комнате у квартирной хозяйки.

Мальчику писатель показался худощавым и седоватым стариком; говорил он много и изящно.

Ссыльные обязаны были отмечаться у тетки (так Иванов-Разумник и его друзья называли ГПУ-НКВД) ежемесячно. Однако для писателя сделали исключения: ему приказали приходить в эту контору, получившую еще в ту пору прозвище «Серого дома», на регистрацию через каждые четыре дня. Хоть чем-то, да прижимала тетушка вольного литератора!

В Саратове в ту пору было в ссылке человек 15 меньшевиков, столько же правых и левых эсеров. Если не считать тех, кого услали в Вольск, Аткарск и другие города и местечки области. В 1936 году всех саратовских меньшевиков похватали и обвинили в организации подпольной меньшевистской группы.

После убийства Сталиным в Ленинграде своего сатрапа Кирова из бывшей столицы органы изгнали десятки тысяч петербуржцев с семьями: на сборы и ликвидацию имущества дали кому пять дней, кому десять. Из них полторы тысячи сослали в наш город.

В 40-е годы властители ссылали уже не в Саратов, а куда подальше.

Словом, как некогда любили говаривать в бывшем СССР: две ссылки - два лагеря - два мира.

---

[37] См.: *Иванов-Разумник.* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М.: Новое литературное обозрение. 2000. С. 255.

[38] Там же. С. 271.

А во время войны в Саратове очутились испанцы-республиканцы. Тут-то они, бежавшие из капиталистического ада, на личном опыте познали все прелести социалистического рая, за который они так неистово бились у себя на родине с мятежным генералом Франко, тем самым Франко, избавившем Испанию от коммунистического ига (как позже спасёт Чили генерал Аугусто Пиночет). Вот более чем красноречивые выписки из дневника 1942 года Рамоса (позже за этот дневник он угодит в ГУЛАГ):

«Был в саратовской столовой. Официанты в лохмотьях. Скатерти рваные, салфеток нет, посуды тоже нет. Кашу подают в жестянках от консервов, и эта каша совершенно непригодна для цивилизованного желудка».

«В столовую огромная очередь. Невольно думаешь о смерти на 45-градусном морозе. Люди согреваются социалистическом способом: обнимаешь того, кто перед тобой, а тот, кто позади, обнимает тебя. Потом начинается ритмическое и непрерывное покачивание то на одной, то на другой ноге».

«Спросил у своих соседей: почему не протестуете? Посмотрели на меня мрачно. А один сказал: это еще ничего, в 1928-м мы ели своих собственных детей, из них делали сосиски».

«Создаются очереди для получения самых невероятных вещей: чернил, замков, зубных щеток и т. п. Это страна очередей».

«Предпочтительнее расстрел в Испании, чем жизнь в Саратове»[39].

А комсомольский глашатай мировой революции Михаил Светлов этак простодушно удивлялся в своей неистовой «Гренаде»: «Откуда у парня испанская грусть?» Да загнали человека из европейской страны в советскую глухомань, как тут не загрустишь, если еще пулю в лоб не пустишь.

После войны власти отправляли в Саратов, если не в ГУЛАГ, эмигрантов-возвращенцев, наивно поверивших коммунистическим посулам.

В городе оказались мои добрые знакомые - русские из Югославии, не жалея сил боровшиеся там во время войны против немцев. Как они ждали прихода Красной Армии! Однако ворвавшиеся в Белград освободители начали свою освободительную миссию, как, впрочем, и повсюду, с насилий и грабежей. Но и это не поколебало слепой веры моих знакомых в великий и справедливый Советский Союз. Когда Сталин на смерть разругался с кровавой кликой Тито-Карделя-Джиласа-Ранковича, они вступили в подпольное движение, выступавшее против югославских правителей, за Информбюро, псевдоним нового усеченного Коминтерна, за великого Сталина. И только очутившись в Саратове, мои знакомые убедились, чего стоят все коммунистические ударные лозунги и кличи, призванные скрыть убогую советскую жизнь.

Из Франции в Саратов попал выдающийся художник Николай Михайлович Гущин (см. о нем в главе «Кому быть живым и хвалимым, Кто должен быть мертв и хулим…»).

---

[39] Цит. по кн. : *Сопельняк Б.* Голгофа XX века. Т. 1. М., 2001. С. 189.

2

«КТО ЭТО ЛЕЗЕТ ПОД НОГИ? КТО МЕШАЕТ ИДТИ?»

Четверть века он прожил при советской власти. И почти все эти годы – траля, аресты, тюрьмы, ссылки…

А как все замечательно начиналось!

В 1909 году молодого поэта и теоретика искусства Алексея Скалдина заметил сам Вячеслав Иванов - один из литературных вождей символизма. Благодаря его рекомендации стихи Скалдина появились на страницах знаменитого журнала «Аполлон»; с благословения Вяч. Иванова «и отчасти его иждивением был издан в 1912 г. единственный поэтический сборник "Стихотворения"»[40]. «Вход на "Башню" Вяч. Иванова и в журнал "Аполлон" стал для Скалдина входом в интеллектуальную и жизнь столицы»[41]; здесь он знакомится со многими известными писателями и художниками.

Скалдин пишет рецензии, философские статьи, фантасмагорический роман «Странствия и приключения Никодима Старшего».

Если Февральскую революцию Скалдин восторженно приветствовал, активно участвовал в создании Союза деятелей искусств, то иным было его отношение к октябрьскому путчу. Деятельность Союза деятельности была запрещена новыми властителями, а самому писателю уже в январе 1918 года пришлось спешно уехать в Саратов.

В нашем городе Скалдин публикует статьи, в которых он защищает классическое искусство, высокомерно отвергаемое пролеткультовскими идеологами, опьяненными борьбой с поверженным прошлым, грезившими о создании так называемой пролетарской литературы и культуры: «Ах, классовое искусство! Что может сравниться с ним в красоте! Ах, мы почти пролетарские художники! Ах, мы становимся ими совсем! Ах, еще одна минута, и мы сотворим классовые шедевры, ради которых имя наше останется в мире навеки».

Скалдину доверяют такие ответственные должности, как заведующего литературной секцией Саратовского изоотдела искусств, заведующего Художественным отделом Педагогического музея, заведующего Губернской

---

[40] *Царькова Т.С.* «… нить блестящая тонка» // А. Д. Скалдин. Стихи. Проза. Статьи. Материалы для биографии. СПб., Изд-ва Ивана Лимбаха. 2004. С. 10. Биографические сведения о Скалдине взяты из статьи Т. С. Царьковой.

[41] Там же. С. 11.

музейной секцией, а с декабря 1921 года он становится заведующим Радищевским художественным музеем. С 1922 года он отвечает за работу театров, цирка, кинотеатров, филармонии.

Но тогда же и начиналась оголтелая травля Скалдина. Участие его и Льва Гумилевского в вечере памяти Александра Блока большевистские ортодоксы назвали речами людей, «отставших от революции». В Саратове на Скалдина обрушились за то, что он не разрешал сносить церковные памятники, защищал классические пьесы в репертуаре театров. У него были не столько политические, сколько стилистические разногласия с советской властью, как много позже не без иронии скажет о себе Андрей Синявский.

Злобным прокурорским рыком зачиналась статья «Скалдовщина» в «Саратовских известиях»:

«Кто это лезет под ноги? Кто мешает идти?

Чья наглость, преступность, цинизм ползет грязным ручьем вокруг нас?

Кто и как умаляет удар бодрых, творческих сил?

Мы сейчас это покажем».

И показали. Было сфабриковано судебное дело: Скалдина обвинили в присвоении музейных ценностей и собирались приговорить к высшей мере социальной защиты, как у большевиков именовался расстрел. Но советский суд смилостивился, и Скалдину дали три года изоляции.

Друзья начинают хлопоты. Вяч. Иванов обращается к наркому А. В. Луначарскому, «встревоженный участью моего молодого, но уже старинного приятеля, книжку которого (стихотворения) я же сам и издал в 1912 г., АЛЕКСЕЯ ДМИТРИЕВИЧА СКАЛДИНА, от которого вдруг получено послание в стихах пометой: Саратов, тюрьма. Из послания явствует, что он тюрьме, в отдельной, тесной камере, подвергается принудительным работам. В Саратове он читал лекции по искусству. Всегда был безусловно аполитичен и к партии никакой не принадлежал». Судя по этому письму, режим в большевистских тюрьмах в это время был пока что сравнительно мягким, не таким лютым, как в 30-е годы.

Нарком помог, и 27 августа 1923 года Скалдин был освобожден. Он переезжает в Петроград, а потом в Царское Село, по дикой глупости и полному идиотизму новой власти переиначенное в Детское Село.

Январь 1933 года – новый арест Скалдина. На сей раз ему приписали участие в контрреволюционной эсеровско-народнической организации. Формальным предлогом для ареста были его посещения литературных собраний у Иванова-Разумника, известного историка русской общественной мысли, публикатора и комментатора сочинений Блока и Салтыкова-Щедрина (См. главу «До и после залпа “Авроры”»).

Алексей Дмитриевич «тщетно доказывал следователю, что никаких симпатий к народничеству не питает, и хотя живет в Детском Селе, в двух шагах от “главного идеолога народничества”, но не был у него полтора или два го-

да. “Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать”, - мог ответить ему следователь: аргумент неопровержимый…»[42]

Скорый приговор присно памятной «тройки»: «заключить в концлагерь сроком на 5 (пять) лет. Заключение в к/л заменить высылкой Казахстан на тот же срок». Больше Алексей Дмитриевич уже никогда не жить в своем любимом Царском Селе, Петербурге.

В Алма-Ате Скалдин пишет восемь романов, из которых ни один не дойдёт до нас.

В последний раз писателя заберут 28 июня 1941 года – по доносам его соседей: тогда НКВД хватал почти всех раньше судимых по политическим статьям. Скалдина обвинили «в клевете на граждан (?)» и выдали 8 лет лагерей. Даже точная дата его смерти не известна. По предположению Т. С. Царьковой, вскоре после «вынесения приговора 12 октября 1941 г. Скалдин мог быть расстрелян, как и многие десятилетиями гонимые “контрреволюционеры”»[43].

Иванову-Разумнику, однодельнику и доброму знакомому Скалдина, повезет больше: немецкие войска, вошедшие в Царское село 17 сентября 1941 года, спасут его от мёртвой чекистской хватки.

---

[42] *Иванов-Разумник.* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. С. 206.
[43] *Царькова Т. С.* «… нить блестящая тонка». С. 26.

3
Трижды судили, но не сломили

Петр Тимофеевич Гречкин, сын зажиточных крестьян села Красавка Балашовского района, с детства был калекой. Он потерял правую руку и глаз, попав в барабан молотилки[44].

В 20-х годах Петр учился на юридическом факультете Ленинградского университета, но закончить его не успел. Когда Гречкин узнал, что вся его семья арестована (может быть, как кулаки), он ушел из университета и начал бороться против беззакония, за освобождение своих родственников. Сколько он написал прошений в самые высокие советские инстанции!

Друзья, знакомые не раз советовали Петру: брось ты это безнадежное делу, семью не спасешь, а себя только погубишь. Но он снова и снова подает просьбу за просьбой, надеясь, что хоть где-нибудь его выслушают, что правда должна восторжествовать в стране победившего социализма.

Его борьба за справедливость кончилась, как и предсказывали друзья, печально. 12 июля 1929 года Гречкин был арестован Балашовским ОГПУ. В январе 1930 года «тройка» ОГПУ приговорила его за антисоветскуюс агитацию к высылке в северные края на 3 года. Потом, как вспоминают его друзья, был ещё один приговор: 10 лет заключения (спасибо родной Партии и Господу Богу: хоть с правом переписки!). Свой срок Петр отбыл на печально знаменитых Соловках и на столь же знаменитом Беломорканале.

Но и после десяти лет концентрационных лагерей Гречкин не угомонился, помогал людям искать правду, насколько это вообще возможно при коммунистическом режиме. Вернувшись на родину, он пишет малограмотным землякам жалобы и заявления, объясняя их права, помогая отстоять хоть какую-то справедливость. Люди были благодарны Петру за юридическую помощь, кормили его, берегли.

В 1962 году Гречкин выступил на базаре, когда собралось много народа, призывая бороться против советского режима, защищать попранные че-

---

[44] Сведения о Петре Гречкине взяты из рукописи «Город Владимир. Начало 1960-х годов» (Самиздат века. Минск; М. Полифакт. 1997. С. 59). В сборнике рукопись названа сочинением неизвестного автора. Однако, как узнаем из «Вестника РСХД» (1971. № 99. С. 122-135), ее автором был художник Юрий Иванов. С ссылкой на этот журнал Юрий Иванов указан как автор рукописи и в сборнике «ВСХСОН» (Париж. YMCA-PRESS. С. 8).

ловеческие права. Его, конечно, тут же арестовали. Но не нашлось ни одного свидетеля, готового подтвердить антисоветский характер его выступления! Властям пришлось судить Петра лишь за нарушение общественного порядка: его приговорили к восьми годам заключения.

В тюрьме Гречкину предъявили новое обвинение: в антисоветской агитации среди товарищей по камере. Советский суд объявил инвалида первой группы, больного гипертонией, «особо опасным рецидивистом» и приговорил его к десяти годам лишения свободы, из которых первые пять лет он должен был отбывать в тюрьме.

«Своим поведением в самых трудных условиях, на строгом режиме, это человек являл пример стойкости, образец духовной чистоты и честности по отношению к товарищам. Он знал, что не доживет до конца срока заключения, но не отчаялся, не опустился, ибо он верил», - сказал о Гречкине один из его товарищей, сидевший вместе с ним во Владимирской тюрьме.

Пётр Гречкин, убежденный противник коммунистического террора и произвола, умер во Владимирской тюрьме в 1966 году. Ему было 62 года.

4
«В сталинских застенках»

Он ушел в революцию во имя всемирного торжества социальной справедливости. Он искренно верил, что после ликвидации эксплуататорских классов грядет обещанное Марксом и Лениным царство свободы и братства всех людей.

Но вера в будущее счастье всего человечества не превратила саратовского писателя Виктора Бабушкина в слепого фанатика коммунистической идеи, не заслонила от него бед и бедствий своего народа. Он, с гордостью называвший себя большевиком-ленинцем (все наглеющие и все захватывающие опричники генсека были для него сталинистами), тревожно наблюдал, как зарождалось аллилуйское восхваление будущего генералиссимуса.

Виктор Бабушкин, возможно, разделявший взгляды антисталинской оппозиции (как мне говорил его внук Алексей Бабушкин, писателю были близки взгляды группы «Демократического централизма» Т. В. Сапронова), отвергал методы расправы усатого вождя со своими идейными оппонентами. На саратовской партконференции, как мне рассказывала его жена Анна Васильевна, председатель потребовал, чтобы все делегаты-оппозиционеры покинули зал. Тогда Виктор Федорович в знак протеста ушел вслед за ними. Анна Васильевна бросилась за ним: «Виктор, вернись, что ты делаешь?»

Его возмущал сталинский великий перелом сельского хозяйства, великое разорение деревни.

- Мои собаки живут лучше, чем колхозники, - с горечью обронил он както на охоте.

Даже к вождю мирового пролетариата – при всем искреннем увлечении его идеями – Бабушкин и его жена относились без священного трепета. Большой ошибкой Ленина они считали ликвидацию в партии всех фракций, любой оппозиции. Мысль, согласитесь, более чем вольнодумная для ортодоксальных большевиков.

В 1935 году Бабушкина арестовали, а книги его, как и положено, изъяли из библиотек. Позже, в 1937 году по наводке доносчика-стихотворца Вадима Земного, были репрессированы саратовские писатели Валентина Мухина-

Петринская и Иосиф Кассиль. Мухина-Петринская угодила в ГУЛАГ, а брат популярного детского автора был расстрелян 21 января 1938 года.

Следователям Ежова не удалось сломить Бабушкина, заставить его подписать клеветнические показания. И в тюрьме, и в лагерях он держался независимо, не склонил головы ни перед ретивым начальством, ни перед отпетыми уголовниками.

…Далеко не радостным было возвращение писателя в родной город. Он вынужден был жить в Энгельсе, потому что партийное руководство убоялось дать ему саратовскую прописку. Газета «Коммунист» долго не рисковала опубликовать хотя бы один рассказ Бабушкина. В печати его имя появилось лишь после смерти Сталина.

Словно зная, что времени у него в обрез, Виктор Федорович торопится писать, спешит рассказать о поучительной судьбе своего поколения, все принесшего в жертву революционному пламени. Он задумал книгу «В сталинских застенках» - о годах тюрьмы, лагеря, ссылки, обстоятельно говорил друзьям о своём замысле. До хрипоты спорил с теми, кто продолжал поклоняться тирану. Однако написать её, может быть, свою главную книгу, Бабушкин не успел: он умер 12 октября 1958 года.

На самом излете переменчивой и обманчивой хрущевской оттепели саратовские литераторы и жена писателя – Анна Васильевна (друг всей моей жизни, как он ее всегда называл) подготовили сборник воспоминаний, чуть больше двух печатных листов, о Викторе Федоровиче – «Последняя весна».

Даже по тем временам в сборнике не было никакой отчаянной вольности, не говоря уж о разоблачениях людоедского режима. Но пока рукопись «Последней весны» редактировалась в Приволжском книжном издательстве, пока она набиралась в типографии (сдана в набор 1 декабря 1964 года), свергнувшие Хрущева неосталинисты начали постепенный, трусливо негласный пересмотр решений XX и XXII съездов партии. Забрезжила брежневская сумеречная эпоха Малой земли и Большой лжи.

Идолопоклонники маленького человека с большими усами и узким лбом, последыши тех, кто так рьяно вычеркивал Бабушкина из жизни и литературы, с волчьей радостью накинулись на честную книгу о трагической судьбе честного писателя. Не единожды тягали меня как редактора в лито (псевдоним коммунистической цензуры) и в обком КПСС для задушевных бесед, требуя все новых и новых сокращений. Из каждой верстки сборника (а их было три или четыре вместо обычных двух) вылетели сначала набранные отдельные строчки, потом абзацы, а затем – и целые страницы.

Вениамин Богатырев вспоминал, как вернувшийся из лагеря Бабушкин просил передать в Москве письмо Федору Панферову; авось поможет напечататься ходивший тогда в советских классиках главный редактор «Октября». Но классик не смог (или не захотел) помочь: *«Так вот, есть такой списочек… И Бабушкин в него втиснут… Надо со списочка начинать…».*

Главный саратовский цензор А. Корнеев потребовал выкинуть упоминание о тайном списке запрещенных для печати имен.

- Разве в сталинское время не было таких списков?

- Да они и сейчас есть! – весело разгласил главцензор государственную тайну.

Из очерка Григория Коновалова вырубили размышления Бабушкина о великом отце всех народов, повергшие в шок обкомовское начальство:

«Сталину он не прощал всю жизнь его произвола, истребления старых коммунистов.

- Брось ты, - говорил он мне, - рисовать Сталина наивным младенцем, которого по очереди обманывали то Ягода, то Ежов, то Берия или Абакумов. Он же гений, о чём ты сам талдычишь вместе со всеми религиозными в политике людьми, он же наперёд знал на тысячу лет – и вдруг дал себя провести. Чушь! Посоветуйся со своим Денисом Крупновым, он тебе откроет глаза. Сталин губил тех, кто Ленина считал умнее его. В Ульяновске ты жил, видал, в каком запустении Родину Ильича держал его «верный ученик». Зато свою родину Гори ухетал по первому разряду. Избушку от непогоды спрятал в мраморную шкатулку. Да разве совестливый мог позволить такое? Дико ведь это – вот ещё беда-то и стыд в чём.

Виктор Федорович говорил о прошлом с отстоявшейся усмешкой.

- Мы, саратовцы, с винтовками ходили помогать царицынцам, отгоняли Деникина. Слышно было тогда о Ворошилове, Будённом, о Минине, а о Сталине не слыхать. Он – комиссар по хлебу. Ну и что? Спросишь, как же вы, старшие товарищи, спокойно смотрели, когда начали прославлять его как великого полководца гражданской войны? Да ведь, наверное, думал, пусть пошутят, поиграют, к тому же шутковал в этом деле наш Климент Ефремович из рабочих. В 1929 году он вострубил военную славу Сталину. Да, брат, если в казаки-атаманы играет мальчишка – ничего страшного нет, самое большое – окна перебьёт камнем. А когда дядя взрослый, да к тому же руки держащий на руле государства, примеривает к себе маршальские погоны, тут жди всякой чертовщины… А историки что? Быстро спроворят, это они умеют. Какой-то недурак сказал, что история – прислужница успеха».

Переполошили партийное начальство издевки Бабушкина над текстом советского гимна: *«В “Интернационале” все правда: “Никто не даст нам избавленья ни бог, ни царь и ни герой”. А тут: “Нас вырастил Сталин…” И как эти гимнюки, вроде не из простофилистых, проворные ребята перекрашивают правду… Ну, в стихах пусть, а ведь тут гимн…»* Знал бы Виктор Федорович, что и через полвека страна вновь будет вставать и засыпать под маршевые звуки все того же сталинского гимна – гимна палачей и стукачей, текстовку коего дважды переиначивал уже трижды гимнюк все того же СССР.

Полузасвеченная «Последняя весна» дошла до читателя в 1965 году. Все запрещенные страницы саратовские цензоры перепечатали и переслали московскому начальству и в Комитет по печати РСФСР: для принятия строгих мер против идейно-сомнительного издательства.

Почти четверть века в печати больше ни разу не упоминалось ни об аресте Бабушкина, ни о годах тюрьмы, лагеря, ссылки. Умолчал об этом, конечно, и лживый библиографический справочник «Писатели Саратова», вышедший уже в тот год, когда началась перестройка.

5
«Мы шли в крестовые походы на Лебедева – Кумача!»

15 июля 1941 года. Красная Армия отступает на восток, оставляя одну за другой советские республики. А еще вчера кремлевские пииты похвалялись: «И врагу никогда не гулять по республикам нашим!» При первых же боя с серьезным противником непобедимая и легендарная обратилась в бегство.

А у саратовских энкаведешников свои заботы. В городе судят группу молодежи: школьников Василия Сухарева, Николая Паржина, выпускника средней школы Бориса Ямпольского, учащихся театрального училища Владимира Беспрозванного, Альфреда Лехера, студента двух факультетов – историко-филологического и механико-математического - университета Анатолия Левиновского, студента автодорожного института Константина Стрижибикова, студента института механизации сельского хозяйства Бориса Дмитриева, студентов Юрия Забавникова, Цицына. Самый старший среди подсудимых – профессор института механизации сельского хозяйства Виталий Савичев.

Судят по 58 статье - самой известной в нашей самой свободной стране - пункты 10 и 11. Под пункт 10: «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти… а равно и распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания», как доходчиво пояснил Александр Солженицын, легко было подвести кого угодно и за что угодно: за дружескую (или даже супружескую) беседу с глазу на глаз, за частное письмо, дневниковую запись и т.д. Пункт 11 был отягощающим вину: организация!

Если никакой организации не было в помине, то ее придумывали сами чекисты. Чем и занимались старший следователь госбезопасности сержант И. Барышев и его сообщники. Только на суде многие из обвиняемых впервые увидали друг друга. Но одиннадцать человек в одной контрреволюционной организации – это, согласитесь, звучит солидно! Можно получить за усердие новое звание, новую должность, даже орден.

«16/1 40 г. Ямпольский Б. Я. проходя по улице декламировал п*а*рнографические стихи Есенина» (орфография и синтаксис сержанта НКВД). Ямпольский, как выяснилось, читал не только п*а*рнографа Есенина, но и упаднические стихи Блока, Надсона и прочих антисоветских поэтов.

Пока не замаячил на идеологическом горизонте нечто более опасное, как, скажем, «Доктор Живаго»», Есенин был для госбезопасности едва ли не главным литературным врагом новой власти.

Ирина Пиотровская, школьная подруга Ямпольского (ее допрашивали по его делу), на дне рождения у своего одноклассника Володи Добротина, прочитает стихи Есенина «Возвращение на родину»:

И вот сестра разводит,
Раскрыв, как библию, пузатый «Капитал»,
О Марксе,
Энгельсе…
Ни при какой погоде
Я этих книг, конечно, не читал.

Стихотворение отнюдь не запрещенное, но публично его исполнять очень даже не рекомендовалось. Кто-то донес, и шестнадцатилетнюю Ирину арестовали 6 июля 1941 года. А Добротина забрали лишь за то, что слушал контрреволюционные стихи. Энкаведешники зачислили девятиклассников в террористическую организацию, готовившую покушение на самого товарища Сталина. Ирина переживет гулаговский ад, а Володя погибнет в лагере.

Декламирование на улице есенинских стихов - это еще не самое ужасное, что позволял себе Борис, собиравшийся поступать в Литературный институт. Если поверить старшему следователю, то Ямпольский сочинил и повсюду декламировал стихи, «призывающие к свержению советской власти»:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

В тетради Ямпольского были записаны и пушкинские стихи, и свои собственные. А сержант НКВД, перегруженный важной государственной работой, никак не мог выбрать время, чтоб хоть по школьной хрестоматии ознакомиться с великим русским поэтом. Потому Борису пришлось отвечать не только за свои грехи, но и за пушкинские.

Так сержант-пушкинист Барышев и его столь же эрудированные соратники фабриковали обвинения против группы саратовских школьников и студентов.

А что же было на самом деле? К Борису Ямпольскому, мечтавшему стать писателем, знавшему наизусть море стихов, приходили его друзья: почитать, поговорить, узнать, обсудить. Вероятно, говорили и о политике; куда

же от нее денешься в нашей сверх политизированной стране; но главным для них была только литература.

Восхищались Маяковским, Пастернаком, Ахматовой, Цветаевой. И – это и была их роковая ошибка! – «шли в крестовые походы на Лебедева – Кумача» (Наум Коржавин), всенародного любимца - сталинского орденоносца и холуя. А покушение на авторитет автора полуофициального и полуграмотного гимна СССР «Широка страна моя родная», без сомнения, подрывало и ослабляло советскую власть и обороноспособность социалистической родины.

Кто-то из приятелей Бориса взял у него почитать сборник Лебедева – Кумача, испещренный его не очень лестными пометками о творческих достижениях песенного классика. И отнес сборник прямиком в НКВД. А там, поблагодарив доносчика, не поленились перефотографировать все зловредные замечания Ямпольского. И, следуя победоносному учению Карла Маркса: «Лучшее оружие критики – это критика оружием», порешили покончить все литературные споры в Сером доме[45].

Пришли, как положено, ночью, 27 апреля 1941 года. Сразу кидаются к книгам, листают и забирают. И Маяковского, объявленного Сталиным лучшим, талантливейшим поэтом нашей эпохи, и расстрелянного тем же Сталиным Бабеля. И беспартийного старика Державина, и комсомольско-партийный боевик «Как закалялась сталь». Потом Ямпольский догадался: выискивали его пометы.

Спросили, нет ли у него Лебедева – Кумача. Борис ядовито осведомился:

- А Джамбул не устроил бы?

На допросе Ямпольскому предъявили фотоснимки страниц из сборника Лебедева – Кумача. Логика пещерная: раз ты глумишься над советским поэтом – певцом нашей прекрасной отчизны, «где так вольно дышит человек» - значит, ты враг советского народа.

Борис спорил: но я же люблю Маяковского, талантливого советского поэта, не чета полуграмотному куплетисту. Но следователя не собьешь с взятого курса: судить–то будем не за Маяковского, а за Лебедева – Кумача.

И все-таки одних ехидных помет маловато для обвинения, надо поискать чего-нибудь покрепче. Да, нашли в доме фотографию злейшего сталинского врага – Льва Троцкого. Вы говорите, что это не Иудушка Троцкий, а верный ленинец Луначарский? Просто похожи – пенсне, бородка? Разберемся…

Еще одно грозное обвинение Ямпольскому: в подвале своего дома хотел устроить (или устроил?) подпольную типографию. Правда, в доме № 144 по Московской (тогда – улица им. Ленина) и подвала-то никогда не было, но для следователя Барышева это сущий пустяк. Борис, мол, дома даже листовки печатал, хотя никаких листовок ему на следствии не показали.

---

[45] По мнению Бориса Ямпольского и Владимира Левиновского, младшего брата Анатолия Яковлевича, друга и подельника Ямпольского, на любителей поэзии донес подпольный священник и провокатор Борис Викке. См.: Беседа В.Я. Левиновского с Б.Я. Ямпольским. 8 октября 1995 года. Нью-Йорк // По прихоти судьбы… Альманах. Составители : С. Блох, В. Ройтман. М.: Три квадрата. 20006. С. 153-161.

Главарем антисоветской группы назначили Бориса Ямпольского. Это он отказался «написать что-либо о вожде ВКП(б)»; обвинял «Советское Правительство в различных преступлениях перед Советским народом»; давал установки «антисоветской деятельности своим соучастникам»; «Руководящая роль ЯМПОЛЬСКОГО Б.Я. в сколачивании вокруг себя морально разложившейся молодежи из учащихся средних и высших школ в обработке ее в антисоветском направлении подтверждается и другими материалами» (стиль НКВД).

Добиваясь от Бориса признания своей вины, Барышев устроил ему недельную пытку бессонницей. Позже Ямпольский вспоминал: как только он «начинал дремать, открывается дверь: «На ”я” есть?» Это в общей камере так спрашивают, а он в одиночку заглядывает и спрашивает»: «На ”я” есть?» Я должен ему сказать: ”Ямпольский”. – ”Соберись, пойдем к следователю”».

Приводят Бориса к Барышеву, а тот занимается своими делами. За всю ночь ни одного вопроса! Отпускают Ямпольского только перед самым подъемом. Только он ложится спать, его будят: «Встань, поднять постель».

15 июля 1941 года все одиннадцать обвиняемых были приговорены к длительным срокам заключения. Двадцатилетний Борис Ямпольский получил свои десять лет. Отсидел их от звонка до звонка.

Ровно через тридцать лет Ямпольский будет одним из главных участников дела о самиздате (см. главу «Большая идеологическая охота 1971 года»).

Сегодня не осталось в живых никого из участников сфабрикованного НКВД дела 1941 года.

6
«Мальчишки рано чуют запах фальши…»

Продолжается война с немцами. Продолжается и война кремлевских вождей с собственным народом.

… 1948 год. На комсомольском собрании в 18 средней школе идет прием в ряды верного помощника и боевого резерва партии. Борису Анохину задают обычные рутинные вопросы. Вдруг с места срывается отпетый активист – и имя у него подходящее: Марат, и истошно вопит:

- Анохину не место в нашем ленинском комсомоле! Он был участником контрреволюционной организации!

Все замерли: на наших глазах разыгрывался жуткий эпизод из советского боевика про вездесущих врагов народа. Надобно немедля схватить змееныша, ползущего в ленинский комсомол!

Но, славу Богу и МГБ, кончилось тогда для Бориса все благополучно. На следующее собрание пришел компетентный товарищ из компетентных органов и сказал, что у них к Анохину никаких претензии нет (привычная туманная формулировка госбезопасности). Так я впервые услышал, что в нашей школе орудовала вражеская организация.

…15 октября 1943 года первый секретарь Саратовского обкома ВКП(б) П. Комаров под грифом «сов. секретно» посылает докладную записку секретарю ЦК ВКП(б) Г. Маленкову: «Саратовский обком ВКП(б) - сообщает, что в городе Саратове имеется тайная детская группа. На сборах велись антисоветские контрреволюционные разговоры; суть их сводилась к тому, что якобы в настоящее время происходит отход от завоеваний революции. С получением этих данных об антисоветской деятельности группы органами УНКГБ начато следствие. О дальнейшем ходе следствия сообщим дополнительно» [46].

---

[46] См.: *Виноградова Галина.* Детский ГУЛАГ // Литературная газета. 1997. № 46. 12 ноября. С. 7

Дети – контрреволюционеры? Совсем что ли, свихнулось партийное начальство?

…Гелий Павлов был из тех мальчиков, которые ничего не принимают на веру. Читал и перечитывал основоположников марксизма – ленинизма, знакомился со стенограммами партийных съездов (только за хранение этих стенограмм – официально изданных в СССР! – можно было схлопотать срок), тщательно сравнивал первую и вторую программу большевистской партии (их-то не рекомендовали читать студентам, потому что по этим программам можно было легко проследить, как кардинально и конъюнктурно менялись партийные установки; за хранения программ, которых никто, понятно, официально не запрещал, могли забрать в НКВД), знал строжайше утаиваемое сталинской верхушкой даже от членов своей же партии ленинское «завещание» (ну это уж махровая антисоветчина!). И убедился в термидорианском перерождении советской власти, в предательстве идеалов революции.

Мальчик точно понял агрессивную суть советской внешней политики, замаскированную демагогией о международном пролетарском единстве: «В 1939 г. Советский Союз напал на Финляндию. Под видом помощи братьям-украинцам и белорусам присоединил чужие земли. Присоединил Львов, который всегда был польским городом» [47].

Павлов понял то, что многие не хотели или боялись замечать: сталинский социализм – социализм для партийной бюрократии – не похож на обещанный основоположниками мир всеобщего счастья. Во время войны, когда обычные граждане стояли в длиннющих очередях, чтобы отоварить свою пайку по продуктовым карточкам, мать Гелия приносила из обкома копченую колбасу, ветчину, растворимый кофе и прочие не ведомые простому народу деликатесы. Мальчик с детской отвагой решил для себя два главных вопроса русской общественной жизни. Кто виноват? – Сталин! Что делать? – Свергнуть Сталина! А для этого, как учил Ленин, нужно создать подпольную организацию революционеров.

В 1943 году Гелий предложил своим школьным друзьям Сигизмунду Шварцу, Борису Анохину, Герману Куликову, Святославу Ильину вступить в «Общество юных революционеров», чтобы бороться со сталинским режимом, восстановить в стране справедливые ленинские нормы, построить настоящий социализм.

Павлов был убежден: «Мы отошли от идей коммунизма. Наша задача состоит в том, чтобы произвести в стране революцию и построение коммунизма. Перед этим надо свергнуть у нас Сталина, а в Германии - Гитлера»[48].

Когда следователь спросил Сигизмунда Шварца, как они собирались вершить революцию, тот ответил: «ОЮР со временем должно перерасти в партию. Его члены должны быть всюду: среди крестьян, рабочих и военных. Ставили задачу заиметь членов своей партии и из числа высшего командования армии страны: генералов, полковников и т. д. При помощи войск, кото-

---

[47] *Азеф Виталий.* Мальчик против … отца народов // Саратовские вести. 1995. № 207. 5 октября. С. 3.
[48] Там же.

рые в определенное время должны быть подтянутыми в те места, где наиболее активно выступят рабочие и крестьяне, намечалось захватить наиболее важные пункты: Кремль, телеграф, радио и почту. Затем по радио передать народу, кто мы такие есть и чего хотим для народа, и ряд декретов»[49].

Полвека спустя я спросил у Святослава Ильина, с которым вместе учился в 18 школе, а потом в университете на филологическом факультете, были ли для него неожиданностью политические разговоры его друга Павлова, его предложение вступить в подпольную организацию:

- Представь себе, нет, я был готов к этому. Конечно, увлекала революционная романтика, но главным для меня, для всех нас была борьбы с несправедливостью, борьба с тиранией.

Юные революционеры срывали портреты усатого вождя. Расклеивали и бросали в почтовые ящики листовки с призывом свергнуть сталинскую диктатуру: «Колхоз – замаскированное крепостное право»; «Социалистические республики – колонии сталинской империи»; «В СССР – не диктатура рабочего класса, а диктатура партии над рабочим классом»; «Смерть кровавым фашистам Гитлеру и Сталину! Да здравствует ленинская демократия!». Однажды Павлов подбросил в обком партии листовку: «ВКП(б) – банда шкурников и карьеристов». Эти политические формулы 1943 года еще десятки лет было смертельно опасно вымолвить вслух в стране советов.

Конечно, как много лет спустя напишет Павлов в неопубликованной статье «Не жертвы - борцы», он и его друзья в общем представляли, что их ждет: *«Мы, оюровцы, были не столь наивны, чтобы рассчитывать, что именно мы свергнем Сталина. Задолго до ареста Светик Ильин сказал, что нам нужно готовиться к тюрьме, и мы все с ним согласились. Думается, к работе ОЮР эпиграфом можно поставить слова Киплинга: ”Бороться, бороться, хоть нет на победу надежды. Что может быть в жизни прекрасней подобной игры!”»*[50]

Энкаведешники не могли поверить, что школьники сами додумались до столь опасных мыслей, что им никто ничего не подсказывал, что ими не руководил кто-то из взрослых. Когда взяли оюровцев, арестовали заодно мать и двоюродную сестру Павлова, мать Шварца: они-то, мол, и были истинными организаторами антисоветской группы!

В письме к Виталию Азефу Гелий рассказал, что его допрашивали «чаще всего ночью, помногу часов, кричали, как на лошадь, стучали кулаком по столу, оскорбляли, угрожали. В частности, угрожали, что если не подпишу протокол, расстреляют маму и двоюродную сестру. Следователи часто ночью были пьяными, особенно часто пил во время допроса Петров, пил вино и на моих глазах. Чего только им по пьянке в голову не взбредало!»

Шантажировали Павлова даже расстрелом. Однажды Петров зачитал Гелию смертный приговор. Целые сутки мальчик ожидал расстрела. Лишь на

---

[49] *Азеф Виталий.* В двенадцать мальчишеских лет // Саратовские вести. 1992. № 10. 16 января. С. 4.
[50] *Азеф Виталий.* Мальчик против … отца народов // Саратовские вести. 1995. № 207. 5 октября. С. 2.

следующее утро следователь объявил, что смертный приговор отменяется. Хороши, однако же, чекистские забавы!

По моим сведениям, саратовские борцы со сталинской тиранией были самыми юными революционерами в нашей стране.

Оюровцев судили и осудили по той же 58 статье. «Есть такие проворные дети, которые успевают схватить 58–ю очень рано. Например, Гелий Павлов получил ее в 12 лет (с 1943 по 1949 год сидел в колонии в Заковске)»[51], - читаем в «Архипелаге ГУЛАГ» (Солженицын чуть ошибся: Павлову было тогда 13 лет).

Многие годы ничего не было известно о судьбе Гелия Павлова. В одной из сибирских газет даже мелькнуло сообщение, что сразу после лагеря он умер от туберкулеза.

Весной 1992 года Святослав Ильин, сидевший с Павловым за одной партой в саратовской школе и отсидевший с ним в одном лагере, случайно встретил своего друга в Москве. Святослав узнал его по глазам – они ничуть не изменились за эти полвека: живые, горящие, пытливые.

После лагеря Гелий окончил в Томске педагогический институт. Учился отлично, после получения диплома оставили работать в институте. А потом вежливо попросили уйти по собственному желанию: помешал кому-то этот странный и беспокойный человек, да еще с контрреволюционным прошлым.

Начались скитания по сибирским городам бывшего гулаговского узника, который нигде не вписывался в советский трудовой коллектив. Выгоняли с убойными формулировками: «За политические ошибки», «За антикоммунистическое воспитание».

В 1976 году Павлову удалось прописаться к жившей в Москве матери. А работу нашел только в небольшой районной библиотеке.

Гелий давно распрощался с наивными детскими мечтами о всемирном коммунистическом рае, с верой в мудрейшего и добрейшего дедушку Ленина. Поддерживал демократическое движение, переписывался с Солженицыным. Хотел создать всемирное общество рациократов: считал, что миром должен править разум.

Летом того же 1992 года с Павловым произошел очередной нервный срыв, и он оказался в лечебнице имени Кащенко. И вот финал: несколько строчек криминальной хроники в одной из московских газет. Ночью в палате для душевнобольных одному пациенту приснился дурной сон, он проснулся и задушил Гелия, спавшего на соседней койке.

Вряд ли мы когда-нибудь точно узнаем, как на самом деле закончил свой жизненный путь один из самых юных героев антисталинского сопротивления. Официальная версия очень уж удобна следователям: поскорее списать в архив лишнее уголовное дело; да и выгодна администрации: роковая случайность, мы-то не причем. Словно советские психиатры никогда и не были боевыми подручными карательных органов в их общей борьбе с диссидентами.

---

[51] *Солженицын А. И.* Малое собр. соч. М.: ИНКОМ НВ 1991. Т. 6. С. 287.

А Святослав Ильин умер 26 февраля 1995 года. О себе, о своих школьных и лагерных друзьях, о догадливых и отчаянных мальчишках 1943 года он рассказал в стихах:

Познал я рано власти прессинг,
Уж с детства был я бунтарем,
Удары сталинских репрессий
Прошлись по мне своим кнутом.
И где-то там, в сибирских далях,
Где речкой Томь всё плыть и плыть,
Мои друзья и я познали,
Что значит «контриком» прослыть.

7

«Когда наш мудрый вождь умрет…»

Эти строки Александр Морозов написал в 1946 году - в лагере Верхний Добин. Кому в ту пору могло хотя бы присниться, что бессмертный вождь и учитель всего прогрессивного человечества вдруг возьмет, да и уйдет от нас в мир иной, как самый простой смертный Арестовали Морозова в военном училище 13 ноября 1942 года, найдя его дневник и антисталинские стихи.

Александр Морозов, родился в 1924 году в селе Крутец Саратовской области в крестьянской семье. Он рано, очень рано, начал видеть сияющий разлад меж бравурным пустословием кремлевских трубадуров и печальной действительностью. В школьных учебниках, в газетах подросток читал восторженные рассказы о счастливой колхозной жизни, о том, как колхозы избавили крестьян от подневольной доли и вечной нужды.

А в их семье, сколько Александр себя помнил, всегда не хватало хлеба. И не только том самом тридцать третьем году, когда вымирали целые села. Его мама пекла картофельные пышки и свекольные сладянки, от которых у мальчика буквально кружилась голова (а отнюдь не от грандиознейших успехов в колхозном строительстве, как вещал товарищ Сталин). В ход шли лебеда, просяная шелуха. «То и дело менялись председатели колхоза. Были они чужие. Привезут откуда-то – рвань-рваньем, а уезжает в новой шубе, в красиво расшитых хромом фетровых бурках»[52].

Стихи Морозов начал сочинять лет с тринадцати. И не о сказочной стране всеобщего благоденствия Муравии, не о коммунистической партии, ведущей народ в светлую заоблачную даль, а о безысходной крестьянской доле, о голодоморе, организованном большевиками. Вождя мирового пролетариата Морозов с мальчишеской горячностью проклинал как узурпатора.

Следователи потом будут упорно допытываться, как он дошел до таких крамольных мыслей, кто внушил ему антисоветские взгляды. Они искали конкретного подстрекателя и никак не могли уразуметь, что сама реальная

[52] *Морозов А.* Девять ступенек в небытие // Волга. 1989. № 1. С. 112.

жизнь и навела Александра его на трезвые размышления о сути коммунистической власти.

Первые дневниковые записи Морозов датированы августом 1939 года, когда правители Германии и Советского Союза подписали пакт Молотова-Риббентропа, развязавший по сути Вторую мировую войну. Подросток «выражал сомнение в возможности длительного мира между коммунистами и фашистами и спрашивал: надолго ли этот договор о ненападении? И тут же давал ответ: самое большее, на два года». «В начале войны я спрашивал: что ждет меня в 1941 году? А в 1942-м? Может, расстреляют?»[53].

Увы: Морозов точно предсказал и судьбу советско-германского пакта, и свою собственную. Его, правда, не расстреляли, но посадили в том самом 1942 году и приговорили по нескольким пунктам 58 статьи к 10 годам лагерей и 5 годам поражения в правах. Лагеря не сломили Морозова. Вернувшись с Колымы в 1951 году, он продолжал сочинять стихи о пережитом, о жизни на воле, которая по сути мало чем отличалась от лагерной. И стал потихоньку записывать свои воспоминания о годах за колючей проволокой.

Революционная бдительность в селе была на много градусов выше, чем городе. Только устроится бывший зэк на какую-нибудь работу, как бац - поступает донос: сидел по 58 статье! И тут же его увольняют.

Когда брежневские танки утюжили Пражскую весну, раздавив призрачные надежды на социализм с человеческим лицом, Морозов протестовал против кремлевской интервенции; написал письмо в защиту преследуемого властями Александра Солженицына. За эти особые мнения, никак не совпадавшие с генеральной линией партии, его в 1969 году изгнали из районной газеты - «по политическому недоверию».[54]

В 1985 году Морозов посылает свои мемуары тогдашнему главному редактору «Нового мира» Герою Советского Союза Владимиру Карпову. 2 апреля 1986 года приходит ответ. Герой Советского Союза прочитал рукопись «с волнением и глубоким сочувствием к Вам за все те беды, которые выпали на Вашу долю. Написана Ваша рукопись достоверно и просто, но в этой простоте есть своя выразительность». Однако после комплиментов – категорический отказ, потому что «сегодня, в сложных международных условиях, при той идеологической борьбе, которую приходится вести нашей печати, публикация книги такого рода вряд ли целесообразна»[55].

Господи, да как же публикация правдивых воспоминаний помешает борьбе с мировой реакцией? Мой одноклассник Женя Петров как-то выдал замечательное изречение: «Как только я начинаю читать газеты, как сразу же резко обостряется международное положение». Карпов даже не догадывался, что он и оглянуться не успеет, как страну захлестнёт бурный поток публикаций, за которыми еще вчера КГБ охотилось как за махровой антисоветчиной.

---

[53] Там же. С. 110.

[54] *Морозов Александр.* Из автобиографии // Поэзии узников ГУЛАГа. Антология. Составитель С.С. Виленский. М.: Международный фонд «Демократия», Материк. 2005. С. 605.

[55] Правда – победа совести. Уроки одной переписки. Публикация *Александра Морозова*. Вступительная заметка *Виталия Азефа* // Саратовские вести. 2006. № 164. 1 ноября. С. 3.

Дождались своего часа и воспоминания Морозова: их напечатает журнал «Волга» в1989 году в первых четырех номерах. А в 1991 году мемуары выйдут в Приволжском книжном издательстве.

Стихи, рассказы, рецензии Морозова публиковались в центральных журналах и газетах, в областных – саратовских и магаданских, в коллективных сборниках («Трудный колос» - Новосибирск, «О чем поет народ Отчизны» - Москва). В Магадане издали два его сборника стихов - «Из огня да в полымя» (2001) и «Память» (2002).

Четыре стихотворения Александра Морозова были включены в капитальный том «Поэзии узников ГУЛАГА», подготовленный узником сталинских лагерей Семеном Виленским. Но Морозов этой книги не дождался. Том был подписан в печать в апреле 2005 года, а Александр Григорьевич умер в феврале этого года[56].

[56] См.: *Азеф Виталий.* ГУЛАГ слезам не верил // Саратовские вести. 2006. № 154. 14 октября. С. 5.

8
«И черный флаг с кровавою полоской осветит путь нам в праведной борьбе!»

Почти шестьдесят лет ничего не было известно о судьбе нашего земляка – одного из организаторов и руководителей знаменитого Норильского восстания 1953 года против коммунистической тирании. Даже его отчества никто не знал.

… В конце мая 1953 года заключенные Норильска объявляют забастовку, протестуя против расстрелов своих товарищей, против невыносимых условий существования. Свыше 20 тысяч человек прекращают работу на рудниках и заводах горно-металлургического комбината и на стройках города. Более двух месяцев на башенных кранах развеваются черные флаги с красной полоской, как знак траура, а на лагерных бараках реют лозунги «Свобода или смерть!».

Десятки участников восстания в сборниках воспоминаний «О времени, о Норильске, о себе …» (редактор-составитель Г.И. Касабова) рассказывают о тех трагических днях, о том, как безоружные заключенные оказались сильнее сталинских палачей. «Республика заключенных», как назвал это время один из участников героического восстания, фактически стала концом гулаговской системы.

Многие авторы сборников с восхищением вспоминают об одном из организаторов этого мирного восстания - Владимире Недоросткове.

В лагере Недоростков, решительный сторонник демократии, вступил в Демократическую партию России. Владимир входил в состав русского подпольного центра в лагере, был членом забастовочного комитета 4 лагерного отделения, его избрали одним из шести представителей заключенных на пе-

реговорах с лагерной администрацией и московской комиссией, срочно прилетевшей в Норильск для усмирения восстания.

Владимир был и поэтом. Тетрадка с его стихами передавалась из рук в руки, вдохновляя узников на борьбу.

Владимир Петрович Недоростков родился в 1915 году в селе Дьяковка Комсомольского района (теперь – Краснопартизанский район) Саратовской области. Инженер-экономист с высшим образованием, а в то время вузовский диплом был еще в цене, не то что в последние советские годы. Воевал с немецкими фашистами.

Но главным врагом России Владимир всегда считал коммунистическую партию – вдохновителя и организатора массовых репрессий, голода, душителя свободы, душителя культуры своего народа.

Как рассказал в 2006 году участнику Норильского восстания Льву Нетто и мне председатель совета ветеранов Дьяковки Николай Воропаев, Недоростков после войны служил в Западной Украине, сумел там установить связи с бандеровцами, бившихся и с нацистами, и с коммунистами. Опасаясь преследования госбезопасности, Владимир уехал из Львова в Дьяковку.

6 сентября 1947 года Недоросткова арестовали в его родном селе. В то же время в Дьяковке были схвачены его сестра Люба и брат Алексей, школьник Виктор Переверзин, агент конторы «Заготживсырье» Роман Абубекеров, учительница средней школы Таисия Чернуха, рабочий Таловского совхоза Михаил Кудрявцев, участковый ветеринарный фельдшер Федор Чернявский, Иван Максюков, Михаил Бубликов, Михаил Вязовитин. Взяли и отчима Недоросткова - сторожа Ивана Филатова; не для того ли, чтобы извести всех родственников Владимира?

Если верить этим сведениям, которые нам предоставило управление ФСБ по Саратовской области, в селе действовала под руководством Недоросткова антисоветская группа в 12 человек. Была ли и впрямь в Дьяковке подпольная антисталинская группа, или МГБ сфабриковало ее, зачисляя туда чохом всех родственников, друзей и приятелей Недоросткова, сегодня сказать трудно, не имея доступа к следственным делам. МГБ (в то время было министерство государственной безопасности) так запугало тогда жителей села, что и спустя 60 (!) лет многие в Дьяковке опасались даже произнести имя Недоросткова.

Большинство подсудимых обвинили в убийстве начальника Комсомольского районного отделения МГБ Гусева, в проведении антисоветской агитации, в антисоветской деятельности, а Недоросткова – еще и в незаконном хранении огнестрельного оружия.

12 декабря 1947 года военный трибунал войск МВД Саратовской области приговорил Недоросткова, Переверзина, Максюкова, Абубекерова к 25 годам лишения свободы. Ивана Филатова, которому так и не смогли пришить убийство эмгэбешного начальника, трибунал обвинил «в проведении антисоветской агитации и скрытии террористического акта» и выдал те же 25 лет (через пять дней после оглашения приговора он умрет в саратовской тюрьме

№ 1 от паралича сердца, как будет официально объявлено). Сестра Люба получила всего-навсего 4 года – за «проведение антисоветской агитации», а ее брат Алексей – на год больше за «недонесение о достоверно известном преступлении»: совсем детские сроки по сталинским меркам! Вязовитин, приговоренный к 10 годам, не проживет после суда и полгода: по официальной версии он умрет 5 апреля 1948 года от воспаления легких в исправительно-трудовой колонии Саратовской области.

… Председатель московской комиссии начальник тюремного управления МВД полковник Кузнецов многое пообещал узниками: лагерь переводится на обыкновенный режим бытового лагеря, снимаются номера с одежды, убираются решетки с окон, уменьшается рабочий день до 8 часов и т. д. Кузнецов на переговорах с посланцами заключенных даже согласился пойти на превышение своих полномочий и в ближайшие дни подготовить новые инструкции.

Но тут, как вспоминает Григорий Климович, вмешался Владимир Недоростков:

«- Подводить черту еще рано. Любая инструкция только тогда будет чего-нибудь стоить, когда она полностью исключит возможность возрождения того произвола, который творился здесь, в Горлаге. Что толку нам от всех тех благ, которые вы предоставляете, если и дальше наша жизнь будет всецело зависеть от капризов начальника лагеря и если и впредь начальник лагеря при помощи надзирателей и взятых себе к себе на службу подонков будет бить нас, издеваться над нами… Считаем необходимым, чтобы впредь заключенных в штат придурков зачислял не начальник, а мы сами. И это должно быть ясно оговорено в инструкции.

- То есть, - перебил Недоросткова Кузнецов, - вы настаиваете, чтобы мы разрешили вам самоуправление?

- Не совсем так, - возразил Недоростков. – Мы лишнего не требуем. Мы добиваемся самой малости. Всего ничего. Только лишить администрацию лагеря возможности творить здесь произвол, используя для этого разного рода подонков, как это было раньше. Это законное требование»[57].

Недоростков потребовал реабилитации всех заключенных, которые виновны лишь в том, что они думают не так, как думают представители власти.

Владимир удерживал некоторых зеков, звавших к вооруженной схватке с охранниками, от столь опрометчивых действий: это, по его мнению, привело только к кровавой бойне.

Когда московская комиссия, притворявшаяся поначалу миротворцем, решила силой сломить сопротивление узников, по радио почти каждые десять минут раздавался призыв: «- Не слушайте этих наглых провокаторов – Грицяка и Недоросткова!»; «- Смело выступайте против этих безродных бандитов – Грицяка и Недоросткова!»[58] (В ту пору несколько лет кряду клейми-

---

[57] *Климович Георгий.* «8 июля следственные органы приступили к фабрикации уголовного дела об антисоветском заговоре в Горлаге» // О времени, о Норильске, о себе…Воспоминания. Книга 6. М.: *Поли* Equa. 2005. С. 213-214.

[58] Там же. С. 262.

ли «безродных космополитов»; ну а малость образованные столичные чины решили по этому же образцу противопоставить хороших бандитов, то есть наших, социально близких начальству, плохим бандитам - безродным).

Эмгэбешники открыли огонь по безоружным заключенным, убив и ранив несколько десятков человек. Арестовали членов забастовочного комитета и активистов.

В камеру, где на строгом карцерном содержались руководители восстания, *«внесли и бросили на цементный пол Недоросткова и Грицяка. У Недоросткова не приливала кровь к конечностям. Пальцы его рук и ног были черными. Он надрывно стонал и просил пить. Но ни однокамерники, ни мы и все остальные ничем ему помочь не могли. Воду здесь давали только один раз в сутки, а передачи из камеры в камеру были категорически запрещены»*[59].

Советская власть так ненавидела Владимира Недоросткова, что уже после 1953 года, когда начали освобождать и реабилитировать узников сталинских лагерей, снова судят непримиримого борца против коммунистического режима. Приговор от 12 декабря 1947 года отменили, но дело направили на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. 24 марта 1956 года судебная коллегия Саратовского областного суда приговорила Недоросткова к 20 годам лишения свободы, то есть ему выдали на 5 лет меньше, чем при Сталине. Новый срок получил тогда же и Виктор Переверзин, которого, напомню, в 1947 году приговорили к 25 годам лишения свободы.

Новый хрущевский виток советского либерализма: 12 августа 1960 года срок Недоросткову сокращен еще на 5 лет, то есть он должен был отсидеть только 15 лет. Но уже 16 сентября того же года – минуло чуть более месяца! – его условно досрочно освобождают.

О дальнейшей судьбе Владимира Недоросткова, одного из руководителей Норильского восстания, десятки лет ничего не было известно. Только совсем недавно, благодаря члену Московского «Мемориала» Льву Нетто, он был участником Норильского восстания, председателю Саратовского «Мемориала» Льву Дельцову, председателю городского отделения партии «Яблоко» Михаилу Наместникову, члену этой партии Алексею Битюцкому удалось узнать некоторые подробности о жизни Недоросткова в Дьяковке до ареста, о его судьбе после освобождения из лагеря.

В Саратове мы нашли Таисию Снопову – дочь героя Норильского восстания против советской тирании. Таисия Владимировна и рассказала нам о своём отце.

Выйдя на свободу, Недоростков уехал на Кубань, где работал главным бухгалтером в плодоовощном совхозе, расположенном недалеко от станицы Кущёвской Краснодарского края. Совхоз считался богатым, собирал большие урожаи фруктов; их самолётами отправляли в город-герой Москву, чтобы советская столица демонстрировала всему прочему миру советское изобилие и процветание.

---

[59] Там же. С. 272.

В 1962 году Таисия Владимировна вместе с мужем и сыном приехала к отцу на Кубань. Недоростков обрадовался гостям, водил их по селу, показывал сады, плантации.

Как вспоминает Таисия Владимировна, отец очень любил петь. Самыми близкими для него песнями были украинские «Чёрные очи», «Дивлюсь я на небо; и «Сижу за решеткой в темнице сырой…». Последняя – как память о годах за колючей гулаговской проволокой.

В 60-е годы Недоростков приезжал в Дьяковку, встречался с земляками.

Посылал дочери письма, неизменно украшенные его затейливыми рисунками.

Умер один из руководителей Норильского восстания 5 июня 1968 года в селе Троицком Крымского района Краснодарского края. В свидетельстве о смерти указан диагноз: цирроз печени, порок сердца. Ему было 53 года.

9
«Долой правительство Маленкова – Молотова !»

Саратовский театр оперы и балета. Едва отзвучала увертюра, еще не успел открыться занавес, как в наступившей тишине кто-то выкрикнул с верхнего яруса:

- Долой советскую власть! Долой правительство Маленкова – Молотова! Да здравствует дружба с народами Югославии! Да здравствует Четвертый интернационал!

Первые два призыва понятны и без комментария, а остальные поясню. В ту пору в Югославии правила фашистская кровавая клика Тито-Ранковича-Карделя-Джиласа (сталинский ярлык), посему дружить с этой страной строго-настрого запрещалось. А Четвертый интернационал – это международная организация, созданная Львом Троцким для борьбы против сталинизма в рабочем движении.

Зрители на миг оцепенели. Не ослышались ли? В советских фильмах и спектаклях даже самые отпетые враги коммунизма не смели возглашать этакие чудовищные по наглости и цинизму лозунги!

Сотрудники в штатском и их добровольные помощники – достойные питомцы Павла Власова, Павки Корчагина и Павлика Морозова - уже мчались наверх: поскорее схватить живого врага народа! Конечно же, он был схвачен и познал всю силу народного гнева, всю мощь народных кулаков и тумаков.

…Одноклассники давно и с удивлением замечали: Валя Поляков знает куда больше, чем они; называет книги, которые никто из них не только никогда не читал, но и никогда не слыхал. Цитирует Гегеля, Ницше, рассказы-

вает о философах, писателях, политических деятелях, об исторических событиях, исчезнувших из школьных программ.

У отца Вали, преподавателя истории в педагогическом институте, дома было много книг по истории, философии, политике, в том числе давно изъятые из библиотек труды Троцкого, Каменева, Зиновьева, Бухарина, других оппозиционеров. Отец приносил из обкома материалы, предназначавшиеся только для узкого круга доверенных лиц.

Всю эту литературу Валя досконально штудировал, сравнивал, делал выводы. Сталин убивал не врагов народа, а своих личных соперников в борьбе за власть, оппонентов, куда более эрудированных, чем недоучившийся тифлисский семинарист. А газетная шумиха о фантастических стахановских рекордах, о невиданном расцвете всего народного хозяйства – дикое вранье: не зря же перестали печатать контрольные цифры сталинских пятилетних планов, предпочитая потчевать трудящихся мифическими процентами.

Разговаривать с Поляковым было необыкновенно интересно. Он так и сыпал десятки цифр, сопоставлял их и анализировал. На глазах разлеталось агитпроповское вранье о могучей советской экономике.

Печальные истины, груз трагических открытий, о которых не каждому расскажешь, не выплеснешь на бумагу, давил, видимо, на Полякова, усиливая его отклонение от общепринятой нормы. Впрочем, кто наверняка знает, что такое норма? Врать всю жизнь стране или жене – это нормально, а выкрикнуть правду – безумие?

В школе Валентин учился хорошо, потом поступил на исторический факультет педагогического института. Но чаще его видели на филологическом факультете университета, где он слушал лекции великого филолога и историка Юлиана Григорьевича Оксмана. Часами сидел на сборах сатирической группы, репетировавшей очередной капустник. Группа – сатира же! – находилась под колпаком у партийного начальства. После истории в оперном театре сюда будут приходить из компетентных органов и допрашивать ребят о Полякове.

На филологическом факультете привыкли к этому странному человеку, выглядевшему намного старше своих лет. Сидит всегда в пальто, небритый, напряженно о чем-то размышляет, и вдруг говорит, продолжая какую-то цепочку своих мыслей: «Бухарина, Зиновьева, Каменева, конечно, проще всего было расстрелять»; «Лео Троцкий был прав!». Или: «Если бы Ленин был жив, он бы тоже был предателем». И опять молчит. Глупостей никогда не говорил – этим занимались другие.

Валентин сразу же понял, что сталинская денежная реформа 1947 года - просто-напросто очередной грабеж народа. В сберкассе открыто возмутился: «Что это за деньги!» Понятно, его забрали в милицию, где кулаками учили любить советскую власть. Любопытно, что сказал бы Поляков, доживи он до тотальной обдираловки всего народа гайдаровскими либералами и путинскими чекистами!

Еще раз Валентин попал в милицию, когда он поздно вечером срывал газеты со стендов (в те годы купить их в киосках было практически невозможно – советский тотальный дефицит!), чтобы дома внимательно проанализировать, разобраться, что к чему. И опять его жестоко избили.

Выступление Полякова в оперном театре не было неожиданностью для тех, кто его близко знал. Не мог промолчать, открыто не выступить этот человек, нацеленный на борьбу за правду, за свободу.

После смерти Сталина Валентин решил: настал час правды, пора призвать народ к борьбе против тиранического строя. Тогда-то – шла весна 1954 года - он и выкрикнул во всю силу своего голоса многократно продуманное, выстраданное, задушевное:

- Долой советскую власть! Долой правительство Маленкова-Молотова! Да здравствует дружба с народами Югославии! Да здравствует Четвертый Интернационал!

Полякова арестовали и поместили в психлечебницу.

Самое поразительное: почти все его призывы (кроме клича о Четвертом интернационале) были точно реализованы. Не успели советские граждане и опомниться, как исчезло родное советское правительство Маленкова – Молотова, а фашистская клика Тито вновь обернулась в дружественную коммунистическую партию. И только советская власть протянет подольше - еще почти четыре десятилетия.

Больше ничего достоверного о судьбе автора этих воистину провидческих призывов узнать не удалось.

10
«Кому быть живым и хвалимым, Кто должен быть мертв и хулим…»

Борис Белов, студент филологического факультета, жил не в мире политики, а в мире искусства, в мире литературной науки. Темноволосый, курчавый, похожий на блоковского денди (даже хромал он с аристократическим изяществом), Борис мог часами, а пожалуй, и сутками, читать друзьям, приятелям, знакомым (лишь бы слушали!) стихи запрещенных или полузапрещенных в ту бесовскую пору Пастернака, Мандельштама, Багрицкого, Сельвинского, Блока, Хлебникова.

Рассказывал мне о разгромленной и преданной забвению формальной школе, о книгах и идеях Тынянова, Эйхенбаума, Шкловского, Гуковского.

У Бориса, почитателя и знатока живописи, была превосходная коллекция картин, среди них – полотна выдающегося художника Николая Михайловича Гущина. Художник, долгое время живший во Франции, где о нем писали монографии, хранили его картины в Лувре, после войны вернулся в Советский Союз. Ему повезло: отправили не в лагерь, как многих романтиков-возвращенцев, а только в Саратов, даже выделили комнатушку в старом доме, дозволив трудиться реставратором в Художественном музее.

Борис дружил с Николаем Михайловичем, помогал, поддерживал его. Позже, когда художник умер и обкомовские идеологические стражи запретили внести гроб в музей, запретили гражданскую панихиду, Белов прочел над могилой Гущина свои стихи, протестуя против власти, гробившей и угробившей прекрасного художника. Запомнились строки: плывут по небу облака, шумят березы,

И никто не сможет помешать
Этой их гражданской панихиде!

Но это уже будет спустя полтора десятилетия. А пока возвращаемся на филологический факультет последних сталинских лет.

Профсоюзные и комсомольские деятели подозрительно присматривались к Белову. Верно учуяли бдительные – не наш человек! Партиец Валерий Ястребов сочинил фельетон для областной газеты «Молодой сталинец». Мол, ходит по советскому вузу некая странная личность. Правда, ни в какой антиобщественной деятельности вроде бы не замечен, аморальных поступков не совершает (излюбленные обвинения того времени), однако интересуется черт знает чем, но только не нашей боевой и кипучей современностью. Фельетон набрали (Борис показывал мне гранки, которые ему дали в редакции), но, к досаде доносчика и к счастью Белова, не опубликовали: нашлись в редакции порядочные люди.

Всегда остроумные, иногда злые, эпиграммы Белова и на студентов, и на преподавателей, мгновенно расходились по факультету, восторженно принимались его почитателями, но явно не нравились начальству. Вот как он отметил студента-историка Ненахова – махрового догматика, выступавшего на всех диспутах против малейших уклонений от социалистического реализма:

Для начала, для примера,
Обругал Панову Веру;
А потом нам стал втирать очки
Насчет Пановой Верочки.

А таким Борис увидел Юрия Давыдова, будущего автора книг по философии и эстетике:

Деревьев он не замечал,
Хоть и плелся по жизни лесом,
Был как Козенко либерал,
И как Ненахов – мракобесом.

Станислав Горшков, факультетский поэт и композитор, любимец первокурсниц нескольких поколений, был удостоен такой эпиграммы:

Зачем удивляться, товарищ Горшков,
Что ваших стишков
Обычно совсем не читают;
Ведь каждому ясно, товарищ Горшков:
Не боги горшки обжигают!

Об однокурснике Голубеве, будущем громиле дипломной работы Бориса:

Голубчик в полном смысле слова,
Потомству память сбереги:
И глазки цвета голубого,
И голубиные мозги!

Герои злой, но остроумной эпиграммы: Виктор Гура, всю жизнь изучавший творчество вешенского классика и вора, и Олег Ильин:

Ты видишь странную фигуру
У чьих-то башмаков и гетр,
То рядом с Шолоховым – Гура,
Литературный миллиметр.
Он мало каши съел и супа,
В чем, может быть, и не его вина,
Но рядом с ним в какую лупу
Увидеть можно Ильина!

Не миловал Белов и преподавателей; однажды даже дерзко сравнил себя с почтенным профессором Скафтымовым (концовку эпиграммы я, к сожалению, не помню):

Скафтымов и Белов лихой,
Вы сходны меж собой:
Белов – хромаешь ты ногою,
Скаафтымов – головою.

Сполна рассчитались с Борисом, когда пришла пора защиты дипломной работы.

Странное поветрие наблюдалось на факультете: внезапное появление загадочного вируса пламенной любви к современной советской литературе у тех, кто изучал русскую классику. Пятикурсники, метившие в аспирантуру, неожиданно выбирали для дипломной работы романчик, поэмку или пьеску свежеиспеченного сталинского лауреата. Это весьма поощрялось начальством: «Внимание – современности!; «Ближе к жизни!»; и сулило отличный шанс пробиться душой и телом в передовую советскую науку.

Борис Белов, серьезно и увлеченно занимавшийся в пушкинском семинаре Юлиана Григорьевича Оксмана, оказался, увы, не столь ловким и сообразительным. Шедевры социалистического реализма Борис ни при какой погоде, конечно же, не читал, и предпочёл красному «Флагу над сельсоветом» императорского «Медного всадника». Да еще додумался, поправ предписанный канон, написать диплом как историко-литературный и текстологический комментарий к пушкинской поэме.

Ну и сечка-рубка была на защите! Били преподаватели, с яростным остервенением добивали однокурсники: с чего бы это Белов выкаблучивается, мнит себя чуть ли не гением?

Впрочем, напиши Борис диплом даже по всем принятым правилам, его всё равно бы не помиловали. Если в Советского Союзе задумали кого-нибудь съесть, будьте уверены, съедят и не поперхнутся.

Пришлось дипломную работу переписывать по стандарту и защищать ее вторично. После учиненного разгрома об аспирантуре, куда его собирался рекомендовать Оксман, можно было забыть. Через несколько лет кафедра советской литературы во главе с П. Бугаенко с великим усердием (даже в обком бегал заведующий кафедрой) протаскивала - и протащила - в аспиранту-

ру самозванца Анатолия Артюхина, выдававшего себя за участника боев с немцами и где-то раздобывшего медаль «Партизан Великой Отечественной войны»; зато мнимый боец видимого или невидимого фронта услужливо расхваливал самый прогрессивный в мире метод социалистического реализма. Питомец той же кафедры – кандидатша наук Аза Жуйкова, авторша статьи против Булата Окуджавы (см. главу «Птицы и гончие») [60].

Белов писал отличные стихи, сатирические куплеты для замечательного эстрадного актера Льва Горелика, для московских эстрадных программ. Но от филологии его отучили на всю оставшуюся жизнь.

Умер в США.

11
«Нам комиссары в семинаре не нужны!»

- 75-летие со дня рождения Александра Блока – это страшная дата. Физически Блок мог бы дожить до нашего времени – ему было бы только 75 лет. Но как бы он разбирал пьесы Сурова, читал «Новый мир», здоровался с Симоновым, Сурковым… В этих условиях он не смог бы жить.

Так 17 декабря 1955 года Юлиан Григорьевич Оксман начал публичную лекцию «Памяти Александра Блока» на филологическом факультете Саратовского университета. Еще не осуждены на XX съезде сталинские преступления, еще почти четыре десятилетия до падения коммунистического режима, а опальный профессор в переполненной аудитории рассказывает о том, как этот режим уже в первые годы убивал великую национальную культуру.

---

[60] Вот одна из сценок приема экзаменов в аспирантуру факультета. Спрашивают девушку, у которой нет никакого блата: «А что Белинский писал на такой-то странице такого-то тома?» Потом внимают Прозорову - будущему начальнику факультета и будущему академику какой-то академии (недавно был сражён новостью: сей великий муж сумел скрестить филологию с биологией, прорвавшись в академию естественных наук!). На четко отрепетированные вопросы получают столь же четко отрепетированные ответы.

Лекция трижды прерывалась аплодисментами. Аплодировали великому филологу и оратору XX века. Свободному и мужественному человеку, не боявшемуся говорить правду, когда почти все лгали; смевшему заниматься подлинной наукой, когда холопское большинство фальсифицировало историю и литературу.

В 30-е годы Оксман был заместителем - фактически директором Пушкинского Дома (директором числился ленинский соратник Л. Б. Каменев, расстрелянный в 1936 году), возглавлял подготовку пушкинского юбилея 1937 года. Роковой для отечественной истории год встретил в тюрьме. Лубянские пушкиноведы с подачи корифея всех наук обвинили ученого во вредительстве: подумать только, он смел настаивать на тщательном комментировании академического полного собрания сочинений Пушкина!

После гулаговской десятки Оксман две пятилетки прожил в Саратове – по сути в ссылке, в Москве и Ленинграде работать он не мог. В 1963 году его изгоняют из Института мировой литературы – цитадели официальной науки, а в 1964 году вторично исключают из Союза советских писателей. Его научное сотрудничество с зарубежными исследователями секретарь ЦК КПСС Л. Ильичев и заместитель заведующего идеологическим отделом того же ЦК Д. Поликарпов расценили как «вредную, антиобщественную деятельность». После смерти Оксмана 15 сентября 1970 года его имя было запрещено упоминать в научной литературе.

Тогда, в самом конце сталинского правления, слушая лекции Юлиана Григорьевича, завораживавшие лавиной интереснейшей информации, емкими и неожиданными оценками, парадоксальными гипотезами и концепциями, кто из нас мог догадаться, что так вольно говорит человек, чудом уцелевший в лагере, человек, которому грозит новый арест (в ту пору пошли массовые посадки по второму кругу).

Оксман яростно крушил едва ли не на каждой лекции, едва ли не на каждом семинаре Дмитрия Благого, главного советского пушкиниста, увенчанного, разумеется, сталинской премией (большой портрет его книги «Творческий путь Пушкина» филологи несли как священную реликвию, как портреты кремлевских вождей, на всех праздничных демонстрациях), и всегда воздавал должное отвергнутым официальной наукой Тынянову, Эйхенбауму, Шкловскому.

Юлиан Григорьевич мог позволить себе на семинаре цитировать – явно восхищаясь – статью неизвестного нам тогда Евгения Замятина (блестящий и убийственный разбор пролетарского «Железного потока») или читать у себя дома большой группе студентов стихи расстрелянного Николая Гумилева. Как–то преспокойно обронил на семинаре о самозванном графе и сталинском любимце: «Алексей Толстой был большим циником и поэтому стал большим советским писателем».

На пушкинском семинаре речь велась не только о веке минувшем. 8 апреля беспросветного 1952 года Юлиан Григорьевич рассказывал нам и участникам семинара по Маяковскому о своих встречах с поэтом. Он говорил не

об идолоподобном трубадуре большевистской революции, а о живом, не очень уверенном в себе человеке («Внешней бравадой он хотел прикрыть эту неуверенность, портившую ему жизнь»), о его трагическом конце («Вопросы о смерти Маяковского исключены из обсуждения для широких слоев. Особой неожиданности в смерти Маяковского не было»).

Партийцы – «маяковцы» воспылали классовым гневом на этакую буржуазную клевету на их бронзового кумира и отблагодарили профессора за его необычный рассказ привычным доносом в определенные инстанции.

Петербургский ученый, мысливший широко и свободно, думавший о будущем литературной науки, не таивший своего отнюдь не благоговейного мнения о саратовских коллегах (на лекциях так прямо и говорил: «Эти провинциальные доценты Евграфовы», подразумевая, понятно, первого факультетского марксиста и щедрениста Евграфа Ивановича Покусаева), не мог, понятно, надеяться на их особую симпатию. Он, вольный и непредсказуемый, взрывал их служебный комфорт, непривычно и неоправданно, по их меркам, завышал планку требований к научным исследованиям, весело и яростно громя их компилятивные доклады и статья.

А факультетские преподаватели, привыкшие чеканить шаг по последней передовице «Правды», не могли принять трудов Оксмана, усматривая в них – и не без основания! – покушение на марксистско-ленинские догмы. Особенно остервенело нападали Е. Покусаев и прочие факультетские марксисты на его капитальное исследование о письме Белинского к Гоголю (через несколько лет эту работу признают гордостью отечественной науки), где впервые тщательно реконструировался по сохранившимся спискам текст письма, пересматривалось по существу его ленинская оценка как революционного документа (об этом не раз писал ученик и друг Оксмана историк В. В. Пугачев).

Можно только догадываться, какой бурный поток доносов катился в Серый дом от потомственных доярок и шахтеров обоего пола!

Черной зимой 1953 года, когда после сообщения ТАСС о врачах-отравителях на свободной от свободы одной шестой части суши забушевал с невиданной яростью антисемитский ураган, партбюро филологического факультета по всем правилам политического сыска занялось фабрикацией дела Оксмана. Повсюду рыскали партищейки, выискивая компромат на профессора и на участников его семинара.

Доцент Е. Покусаев на лекциях по русской литературе XIX века негодующе возглашал, что на нашем факультете – подумать только! – проповедуются меньшевистские взгляды: убийственный криминал по тому дикому времени. Поскольку у прочих факультетских преподавателей подобной роскоши, как собственные взгляды, отродясь не водилось, было яснее ясного, в кого метил бдительный советский доцент. Покусаев публично возмущался, почему участники семинара Оксмана читают всяких там формалистов, а не революционного демократа Чернышевского.

5 марта, уже после первого скорбного сообщения о смертельной болезни кремлевского душегуба (об этом наш курс возвестила, театрально сдер-

живая рыдания, член факультетского партбюро профессорша М. Боброва), но еще до известия о его полной кончине, о чём осиротевшая страна узнает только 6 марта в 6 часов утра по московскому времени, Юлиан Григорьевич неожиданно сказал на очередном семинарском занятии: сегодня доклада не будет, я хочу дать характеристику всем участникам семинара (ни до этого, ни позже он не давал научную оценку сразу всем своим студентам). Спокойно говорил о сильных и слабых сторонах каждого из нас.

И добрался до Геннадия Андрианова: тот, как узнал Оксман, помчался на местную Лубянку с редкой книгой, которую ему дал почитать профессор. Юлиан Григорьевич публично и бесстрашно отхлестал добровольного провокатора и доносчика: «Я ученый, историк литературы, и имею право хранить в своей библиотеке любые книги, какие мне необходимы для работы… Нам комиссары в семинаре не нужны, нам нужны работники!» В ту пору можно было поплатиться только за одно противопоставление надсмотрщиков-комиссаров и работников.

Тогда мне казалось: Оксман решил давать нам характеристики для того, чтобы открыто проучить сексота. Лишь много лет спустя догадался, что учитель прощался с нами. Ожидая ареста, он хотел остаться в нашей памяти мужественным и честным бойцом с предательством, ложью, трусостью, демагогией.

К великой досаде всех партийных и беспартийных гончих и ищеек, всех платных и бесплатных доносчиков, нежданно-долгожданная смерть генерального палача (9 марта 1953 года, в день его похорон, Покусаев прочитает незабвенную лекцию о великом вкладе бессмертного корифея в сокровищницу мировой литературоведческой мысли, где распишет среди прочего одно из гениальных сталинских изречений: эта штука – сказочка нижегородского бродяги и пролетарского буревестника - посильнее, чем «Фауст» Гете!) помешала им до конца раскрутить дело Оксмана.

Когда Юлиан Григорьевич умер 15 сентября 1970 года, в «Хронике текущих событий» (№ 16) был опубликован некролог о великом ученом и мученике коммунистической системы.

***

Через 25 лет после смерти Оксмана в нашей стране отмечалось 100-летие со дня великого ученого. Время улюлюкания и запретов миновало, пришло время хвалить.

Через четыре с лишним года к юбилейной дате поспел сборник «Юлиан Григорьевич Оксман. в Саратове. 1947-1958» (ответственный редактор Е. П. Никитина. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж». 1999), подготовленный наследниками тех, кто пытался расправиться с Оксманом в 50-е годы.

Ни слова в сборнике о перманентой травле Юлиана Григорьевича в Саратовском университете, о постоянных доносах штатных и нештатных агентов, о провокационной кампании, начатой против профессора и участников

его семинара черной зимой 1953 года. Почти половину саратовского срока Оксман был незаконно лишен профессорской должности и ставки, его низвели на ассистента – дальше некуда! Вот таким был «счастливый период» в жизни Юлиана Григорьевича!

Составители сборника сочинили легенду, будто бы КГБ охотилось за письмами Оксмана. В. К. Архангельская выдает сенсационную новость: «часть писем Ю. Г. Оксмана» к Т. М. Акимовой «была востребована (?) органами Государственной безопасности». Во-первых, известная фольклористка Т. М. Акимова отродясь не была известной диссиденткой. Во-вторых, кагэбешники занимались чем угодно, но только не поисками переписки Оксмана. А в-третьих, как рассказывают, изрядно перетрухнувшая Т. М. Акимова по своей феноменальной трусости, свойственной едва ли не всем саратовским филологам, сама - добровольно! – помчалась в Серый дом сдавать письма Юлиана Григорьевича.

Последний раздел сборника, куда составители тиснули статейки своих приятелей и приятельниц, никакого отношения, даже формального, к юбиляру не имеет, а две сочиненьица вообще за гранью литературной науки.

Изумляет, даже по меркам так называемой саратовской научной школы, удалое обращение фактами и датами. Даже жизнь любимого учителя его верные биографы и любимые ученики - дважды! – сократили на три дня!

12
Битва «Бокса» со «Сталинцем»

Гениальную идею Козьмы Пруткова о введении единомыслия в России вождь мирового пролетариата обосновал теоретически, придумав главный постулат своей партии: принцип демократического централизма – безоговорочное подчинение всех нижестоящих лиц или организаций всем вышестоящим. Понятно, демократизма тут не было ни на грош, зато централизма хоть отбавляй. Если же выражаться без большевистской премудрости, по-простому, по-народному: ты начальник – я дурак, я начальник – ты дурак.

Однако ж даже в сталинские годы кое-кто пытался оспорить сей фундаментальный принцип родной партии.

Наш милый, лысый
Пашка Летувет!
Редактор «Бокса»
И остряк бывалый!

Скандальней «Бокса»
Не было газет…
Десятки номеров
Мы выпускали в свет
Освистывая пресный факультет.

Эти строки – из распространявшейся в списках на факультете поэмы Юрия Шкоды «Филфак». Вольной поэмы, кое-где по-юношески наивной, а где-то меткой и проницательной, поэмы о том, как храм науки превращен то ли в казарму, то ли в желтый дом, как советская казенщина подрубает на корню все надежды и мечтания молодежи. Знакомьтесь, вот незабвенные портреты тогдашних прислужников науки, первым номером идет доцент Александр Петрович Медведев, чтец литературы XVIII века:

Вот кафедры гробница впереди,
Вот сам декан,
Сладкоголос, как лира,
Он рапортичку греет на груди,
А сам с тоской
Бубнит про Кантемира.
О, если б знал об этом
Кантемир –
Он ни за что бы
Не писал сатир.

Вот Бугаенко.
Популярен он.
Газетный стиль
Себе усвоив ловко,
Он, как цитата старая,
Силен
Добротной и дешевою
Штамповкой.

Поклон наш Бах.
Ее не всяк поймет.
Курс у нее
Запутанный и вязкий,
Старославянский
Бах у нас ведет,
Но вот плутует
Бах не по-славянски.

Понятно, чему могли выучиться студенты у этаких столпов отечественного просвещения:

Нас связывает с миром
Лишь одно -

Литературы тусклое окно.
Там мнений нет –
Там есть лишь установки,
Там мыслей нет –
Там есть набор цитат,
Нет вдохновенья –
Только заготовки
И сверх того –
Раздутый аппарат,
Там частокол
Надуманных героев,
Ограда
Утвержденных свыше схем
На нас ложатся
Каменной стеною,
Не всем понятной,
Но тяжелой всем.

И убийственная концовка:

Но ты, филфак,
Ты будешь жить всегда
Живым кладбищем
Молодости нашей.

По сей день недоумеваю: почему названные и не названные ирои поэмы не подняли бучу, не начали общественную проработку, точнее, публичное шельмование ее автора. Какая была бы выигрышная тема для череды комсомольских и партийных собраний, какой отличный повод продемонстрировать свой холуйский советский патриотизм!

Этому царству казенщины и мертвечины и противостоял «Бокс», газета - живая и остроумная, ироничная и злая. Не боявшаяся никаких авторитетов, не признавшая никаких запретов.

Слово «Бокс» расшифровывается как «Боевой орган комсомольской сатиры». Так называлась стенная газета бюро ВЛКСМ филологического факультета университета. По всем писаным и неписаным советским правилам игры редакция обязана была блюсти указания партийного и комсомольского начальства.

Но во главе «Бокса» оказался Павел Летувет, едва ли не единственный некомсомолец на всем факультете. Фронтовик, сибиряк, знавший многое о сталинских лагерях и бедах советской жизни. Умевший парировать нападки любого начальства, спасать редакцию, которую не единожды пытались разогнать.

Не собираюсь зачислять участников «Бокса» в политические оппозиционеры, но все те, кто выпускал газету, явно скептически воспринимали сталинский пропагандистский бум, посмеивались над официальными заклина-

ниями, лозунгами, призывами. Когда «боксёры» встречали Новый год, Лева Орлов провозгласил явно насмешливый тост за дальнейшее процветание советского сельского хозяйства.

Орлов сочинил и открыто читал эпиграмму на секретаря комсомольского бюро факультета Людмилу Губанову:

Ты грандиозна, как высотный дом,
Сам Лысенко едва ль тебя умнее,
Желанна, как очередной заем,
И непонятна, как война в Корее.

Эпиграмма, достойная 58 статьи: антисоветская агитация и пропаганда.

Губанова, фанатичный демагог и бюрократ, видевшая чуть ли не в каждом студенте потенциального преступника (в ней, по-моему, погиб отличный начальник советского концлагеря), была штатным персонажем «Бокса». Ее ненависть к людям была явно на грани безумия; позже она и в самом деле попадет в психлечебницу.

Однажды Губанова нагрянула в комнату, где готовился очередной номер газеты, и начала в ждановском стиле извергать поток указаний, как надо писать и что надо рисовать. «Боксеры» вежливо, но категорически предложили ей удалиться. Начальство и сатира – две вещи несовместные!

Не миловала газета и секретаря факультетского партбюро Барабанова – занудливого чтеца лекций по педагогике. Его изобразили, как возчика бочки воды. Подпись под рисунком гласила, «что хотя повторения и мать учения, но грустно все-таки, если лекции по педагогике воплощают ЭТУ мать, а не учение» (автор подписи – Павел Летувет).

Доставалось от «Бокса» и прочим сеятелям подобной мудрости. Анекдотические изречения четы Медведевых без комментария печатались в газете.

В каждом номере редакция била по советской казенщине и рутине:

Расчеты, подсчеты, таблицы и схемы
Заели нам сердце совсем,
И с часу на час превращаемся все мы
В живое подобие схем.
(Юрий Шкода).

И – верх дерзости! - «боксёры» замахнулись даже на университетскую парткомовскую многотиражку. Публикует «Сталинец» не шибко грамотные вирши комсомольского активиста-филолога Голубева, а «Бокс» перечитывает их под рубрикой «Издранные сочинения местных авторов». Многотиражка недоумевает: «За какие недостатки ”охаивается” стихотворение?»; «Стихотворение как стихотворение». Стенная газета еще раз перепечатывает это творение, уже под рубрикой «Стихотворение как стихотворение».

Редактор «Сталинца» партиец В. Салосин порешил покончить эту литературную дискуссию могучим сталинским ударом. 20 мая 1952 года университетская газета печатает редакционную статью «Смех… ради смеха». Вся статья – против «Бокса». «Наглядным примером того, что талантливый кол-

лектив ”Бокса” увлекается смехом… ради смеха является рисунок (гоголевский выпуск), где показана свинья, поедающая подпись под газетой – ”редколлегия”. Рисунок смешон, но что это значит? Этого не смогла объяснить даже его автор – студентка Л. Иванова». И впрямь – кто же поедает веселую редколлегию?

«В том же гоголевском номере редколлегия поместила карикатуру на секретаря факультетского партбюро тов. Барабанова и секретаря комсомольской организации тов. Губанову, изобразив их в виде перессорившихся между собой героев повести Гоголя ”О том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем”. Глядя на рисунок, приходишь в недоумение. Как могло случиться, что эта карикатура, политически неверная, могла появиться на страницах ”Бокса”?»[61]

Противопоставление коммунистической партии и ее верного помощника – недурственное политическое обвинение в 1952 году!

Заканчивалась статья, как и положено, требованием разобраться с зарвавшейся редакцией сатирической газеты.

Но редакция и не думала сдаваться, не желала выпускать газету по приказам и рецептам полу-физика, полу-философа.

«Последние номера прошлого учебного года и, в особенности, сентябрьский номер газеты убедительно показывает, что редакция даже не попыталась исправить ошибки» - единственно верное замечание из редакционной статьи «Сталинца», напечатанной 20 сентября все того же 1952 года под прокурорским заголовком «Клевета вместо сатиры».

После оглушительных обвинений: «противопоставление себя коллективу», «изображение жизни факультета в кривом зеркале», «Все это сплошная клевета на нашу молодежь», «Сталинец» умозаключает, что «”Бокс” не является ни боевым, ни комсомольским», и задает - якобы «невольно»! – риторический вопрос: «может ли прежняя редколлегия ”Бокса” и дальше редактировать факультетскую сатирическую газету?»[62]

Более одного ответа на этот вопрос, разумеется, быть не могло: редакцию должно разогнать, а потом и посадить. Но, вопреки советской логике, так и не раскаявшийся «Бокс» устоял, а сталинский доносчик и провокатор после смерти вождя всего прогрессивного человечества и разносной статьи в вышестоящей газете [63] полетел с поста редактора университетского «Сталинца».

---

[61] Смех… ради смеха / Сталинец. 1952. № 21. 20 мая. С. 8.
[62] Обзор печати. Клевета вместо сатиры // Сталинец. 1952. № 29. 20 сентября. С. 2
[63] См.: Обзор печати. Старые ошибки повторяются // Коммунист. 1953. № 147. 24 июня. С. 2.

13
Обком бьет в колокол

Владимир Ильич, ей – Богу, нисколечко не шутил, называя кино для нас, то бишь для их партии, важнейшим из всех искусств. Зато уж и бдили за важнейшим искусством пуще всего.

Отсчет истории саратовского киноклубного движения можно вести с 1954 года, когда инженер-химик ОКБ завода щелочных аккумуляторов Леонид Гуревич и конструктор Борис Петров организовали на заводе киногруппу. Приобрели на студии кинохроники аппаратуру и начали снимать первые сюжеты.

Показали свои киноопыты режиссеру Владимиру Басову, когда он снимал в Саратове «Первые радости». Режиссер одобрил, дал молодым энтузиастам полезные профессиональные советы.

Потом в киногруппу вошли экономисты Оскар Бурый-Шмарьян, юрист Эммануил Рысь (через несколько лет он станет ведущим телеоператором в

Москве), руководитель драматического кружка во Дворце культуры «Мир» Михаил Раль, студент геологического факультета университета Владимир Геллер, инженер Юрий Михайлин, студентка консерватории Нина Буравцева.

Руководители обкома ВЛКСМ поддержали кинолюбителей. Помогли провести в цирке концерт, весь сбор от которого пошел на покупку кинопленки, выделили помещение во Дворце культуры «Мир».

Все поначалу было чудесно. Сняли документальный фильм об областном фестивале молодежи, его первый вариант (три части, 30 минут) смонтировали уже в сентябре 1957 года.

Мало того. Создается учебная студия, а в ней секции – режиссерско-актерская, художественно-постановочная, сценаристов, операторов. И все это бесплатно, или, как тогда выражались, на общественных началах.

После занятий секций собирались все вместе, обсуждали новости мирового кинематографа, литературные и театральные события. Радовались, что вместо помпезных и лживых картин на экраны все чаще выходят честные и правдивые фильмы о реальной жизни, о невыдуманных людях, об их заботах и бедах. И, конечно же, восхищались итальянским неореализмом – новым тогда словом в мировом кино.

Как многие в ту оттепельную пору, кинолюбители надеялись: скоро можно будет открыто сказать всю правду о нашей современности, о нашей истории. Публикацию романа «Не хлебом единым» Владимира Дудинцева считали опознавательным знаком времени, надеждой на окончательный расчет со сталинским прошлым.

Комсомольское начальство вроде бы должно было радоваться, да похваляться бескорыстным творческим энтузиазмом молодежи: не в каждой же области снимают кино! Ан нет, растревожились обкомовские вожаки, учуяв какой-то подозрительный душок (любимое партсловцо!). Слишком независимо держатся, чересчур уж восхищаются идейно-ущербным итальянским неореализмом (советская кинокритика в то время пламенно, но тщетно наставляла неореалистов на единственно верный путь соцреализма). Не аукнется ли обкомовцам гнилой либерализм, попустительство сомнительному вольнодумству? Не перекинется ли к нам пламя восстаний в Варшаве и Будапеште?

В начале декабря 1957 года состоялось официальное открытие киноклуба в Дворце культуры «Мир». После концерта университетской художественной самодеятельности – просмотр короткометражного фильма «Пляска скелетов» американского режиссера Уолта Диснея. Знал бы автор пародийной ленты, какие пляски начнутся много лет спустя в далеком волжском городе! (В наше время в крестовый поход против «Последнего искушения Христа» рванулись не только отцы церкви и госдумовские недоучки, но даже вроде бы просвещенные кинематографисты).

Отродясь не видевший ничего подобного секретарь комсомольского обкома по пропаганде А. Кузнецов первым вдарил в колокол: идеологическая

диверсия! Кинематографическая контрреволюция! Идейное разложение советской молодежи!

Расследованием дела о киноклубе лично занялся первый секретарь обкома партии Г.А. Денисов (или, как его сокращенно именовали саратовцы, просто гад). Он, член ЦК КПСС, одним из первых прилетевший в Москву спасать Хрущева во время разборки с так называемой антипартийной группировкой, не потерпит в своей вотчине никакой идеологической диверсии.

Подключили к делу доблестных чекистов: а вдруг фильм (его копии были на всех киностудиях страны) аж из самого Голливуда доставлен агентами ЦРУ в Саратов для разложения нашей всегда здоровой и веселой молодежи?

Члены бюро обкома партии смотрели «Пляску скелетов» и единогласно негодовали. Да ведь этот киноклуб, занимающийся пропагандой антисоветчины и американщины, – угроза советскому строю! Как клуб Петефи в Венгрии! И приказали обкому комсомола: немедленно разобраться и наказать!

И пошли бесконечные идеологические проработки кинолюбителей по известному сценарию: как вы докатились до жизни такой? Почему вы против партийности в искусстве?

Рассказывают, когда обкомовскому секретарю вежливо заметили, что творчеством Диснея восхищались Эйзенштейн, Пудовкин, Довженко, тот немедленно потребовал их адреса, дабы, вероятно, хорошенько вразумить заблуждающихся отечественных режиссеров. Правда, сделать это было не так легко, потому что тому времени классиков уже не было на этом свете…

По советской традиции порешили дело не раздувать, а только примерно наказать председателя киноклуба Леонида Гуревича. Будущего автора замечательных документальных фильмов и известного кинокритика огрели сперва строгачом, а затем, по личному приказу Денисова, и вовсе вытурили из боевых рядов ленинского комсомола. Киноклуб же разогнали как антисоветскую организацию. А Кузнецову, позабывшему старинное правило: «Доносчику – первый кнут», обком КПСС вкатил строгий выговор с занесением в учетную карточку.

Позже А. Кузнецов займет пост заместителя начальника областного КГБ по политической часть, то есть кагэбешного политрука. Перед ним откроются куда более действенные возможности для перевоспитания заблудшей молодежи в коммунистическом духе. Кстати, путь из обкома комсомола до органов госбезопасности был самый короткий – достаточно было перейти 10-15 метров на другую сторону улицы.

Корреспондент «Комсомолки» загорелся идеей рассказать об этой антикинематографической истории, но редакция ему не разрешила, поскольку погромом верховодил член ЦК КПСС Г. А. Денисов. Местные власти, страхуясь от возможной напасти, долго мешали открытию в городе и фотоклуба: а вдруг и там заведется крамола?

Казалось бы, наказали всех, кого надо и кого не надо. Однако и этого обкомовцам мало. 7 января 1958 года они принимают грозное постановление

под грифом «Сов. секретно» с припиской: «Снятие копии и выписки из настоящего постановления категорически воспрещается» (стиль обкома КПСС).

Читаем в этом постановлении, что «группа политически неустойчивых лиц (Гуревич, Раль, Рысь, Геллер) организовала так называемый молодежный ”клуб кинолюбителей”, под маркой которого протаскивала идеологически вредные взгляды, чуждые социалистической идеологии». Эти политически неустойчивые лица «отрицали необходимость партийности в литературе и искусстве, преклонялись перед искусством и образом жизни в западноевропейских странах и США, возводили клеветнические измышления на советскую действительность, пропагандировали так называемый ”легкий жанр и аполитичность в искусстве”. А кончили они демонстрацией ”запрещенной американской кинокартины”»[64].

Совершенно секретное постановление, о котором, понятно, ничего не ведали сами кинолюбители, долго еще влияло на их судьбу в Саратове.

Но самое анекдотическое еще впереди. Отбушевали идеологические тайфуны, утихли обкомовские пляски вокруг «Плясок скелетов». И лет через десять запрещенный партийным обкомом тот самый диснеевский фильм преспокойно демонстрировался для всех советских граждан в зеленом зале «Победы». О, партия родная! Воистину неисповедимы твои решения и свершения!..

14
Ведьмы выходят на охоту

Когда из Кремля раздавался очередной исторически-истерический клич, звавший весь советский народ в поход то против формализма, то против космополитизма, то против абстракционизма, то против наплевизма, пензенские писатели, разумеется, единодушно одобряли мудрость родной партии, клеймили вражеские идеологические вылазки против социалистического реализма. Но при этом говорили: а в нашей писательской организации ничего подобного никогда не было, нет и не будет.

Да и атмосфера в Пензе, хотя бы по саратовским меркам, была куда более либеральной. Первый секретарь обкома партии не считал для себя зазорным придти на собрание писателей. А когда в Саратове чествовали Григория Коновалова – лауреата Государственной премии РСФСР, певца его величества рабочего класса, только третий обкомовский секретарь, тот самый Черных, почтил своим присутствием это официальное торжество.

---

[64] *Азеф Виталий.* Скелеты Диснея против важнейшего из искусств. Как 40 лет назад американский мультфильм покусился на социалистическую идеологию // Саратовские вести.1998. № 8. 16 января. С. 3.

В Саратове, не довольствуясь бранью по адресу невесть где обитающих матерых ревизионистов, всегда искали и находили местных ведьм – для показательного примера и наказания. Если же ведьм не было, то их выдумывали.

В 1957 году партия решила, что отдельные писатели, воспользовавшись оттепельной гласностью, чересчур уж пораспустились, пора призвать их к порядку, вернуть в социалистическое стойло. Прозвучал сигнал к травле первого независимого тогда альманаха «Литературная Москва» и романа Владимира Дудинцева «Не хлебом единым». Романа, где впервые после многолетнего молчания была сказана правда о враждебности бюрократической системы свободному творчеству; романа, где героем выступал не могучий рабочий коллектив, а талантливый изобретатель-одиночка, которого травят и сажают.

На III пленуме Союза писателей СССР шумно громили крамольный роман, уверяя, что он льет воду на мельницу международной реакции. На пленуме, как объявил ответственный секретарь Саратовского отделения Союза писателей М. Котов, «приводились факты, с какой лихорадочной поспешностью и злорадством хватается желтая пресса за некоторые произведения советских литераторов, вроде романа В. Дудинцева, обращая их против лагеря мира и демократии»[65].

По всем городам и весям Советского Союза прокатился всенародный погром антинародного романа. Яростно его добивали в Саратове на собрании писателей и литературного актива в конференц-зале газеты «Коммунист». Одно худо: не видно в зале живой мишени для партийного гнева.

Но вот на трибуну поднимается Олег Ильин – кандидат в члены Союза писателей, преподаватель филологического факультета университета. Летчик-штурман, даже на фронте отказавшийся от чести считать себя коммунистом. Бунтарем Олег не был, но никогда не хотел принимать на веру общепринятые формулировки.

Выступая на факультетском диспуте, еще при жизни великого корифея всех наук, Ильин усомнился в верности какого-то положения из его бессмертного шедевра «Марксизм и вопросы языкознания». Отвергал бредовое советское открытие – «оптимистическая трагедия».

В тот день Олег отказался примкнуть к хору хулителей Дудинцева. Осторожно сказал, что пока не будет давать оценку роману. Прикрылся ленинский цитатой, не ахти какой озаряющей, как, впрочем, и все изречения этого классика, но подходящей к той ситуации. Дескать, должно быть две доски, красная и черная – одна для наших достижений, другая для наших недостатков. То есть критик защищал азбучную истину: писатель имеет право на изображение не только положительных, но и отрицательных сторон жизни.

Выступление, как видим, далеко не самое дерзновенное даже по скромным меркам тех лет. Но как мгновенно вскинулись гончие: вот она, живая добыча! На глазах у изумленных участников собрания Ильин тут же перево-

---

[65] *Котов М.* На широкую дорогу! Заметки литератора // Коммунист. 1957. № 146. 23 июня. С. 3

площается чуть ли не в главного врага советской литературы и советского народа, пособника мировой реакции. Его терзают и рвут на части догматик Михаил Котов и, конечно же, ретивейший, как всегда в таких ситуациях, поэт Исай Тобольский[66] .

23 июня 1957 года Котов публикует в «Коммунисте» программную статью «На широкую ногу!». Выискав «серьезные идейные просчеты» у тишайшего и правовернейшего Вениамина Богатырева «и даже пасквиль» у Валентины Мухиной-Петринской (она-то, отсидевшая в сталинском лагере, и впрямь могла выдать что-нибудь критическое); отчитав члена редколлегии альманаха «Новая Волга» литературоведа Е. Покусаева за либерализм (его выступление на собрании «не отличалось на этот раз четкостью формулировок, достаточной принципиальностью»), начальник литературного цеха уличает Ильина в теоретической несостоятельности: «Очень много и сурово говорилось по адресу таких авторов и на нашем саратовском собрании. Однако это ничему не научило молодого критика, кандидата в члены Союза Олега Ильина. Выступая в прениях по итогам пленума, он фактически пытался обосновать право писателя на одностороннее, преимущественно негативное изображение действительности и, таким образом, объективно отрицал главное в нашей литературе – утверждение нового, передового»[67].

Бабахнул по Ильину и университетский «Ленинский путь» (бывший «Сталинец»), квалифицировав его выступление, как «путанное, политически незрелое».[68]

В 1957 году по такому обвинению-доносу уже не сажали, но с работы могли выгнать запросто. Говорят, Покусаев с большим трудом отбился от обкомовцев, требовавших убрать Ильина из университета. Платить пришлось «четкостью формулировок, достаточной принципиальностью». Покусаев публикует статью, где уверяет читателей в художественной никчемности романа «Не хлебом единым», в никудышности главного героя, уподобляя его Акакию Акакиевичу.

Осенью 1958 года, когда стихийно-организованный гнев советской общественности перекинулся на еще более опасного врага – на «Доктора Живаго», Олег Ильин в том же конференц-зале «Коммуниста» бьет по новой цели, причем бьет даже с излишним усердием, ругая и то, что вроде и не положе-

---

[66] Исай Григорьевич Тобольский (1921–1995) — саратовский поэт; за антисемитскую поэму «Исповедь» получил премию журнала «Огонек». В «Исповеди» он раздраконил своего ближайшего родича, посмевшего променять наш социалистический рай на ихний капиталистический ад:

И ни в каких притонах Тель-Авива
Тебе, Натан, не скрыться от меня, -

грозил Тобольский своему родственнику, вернее, бывшему родственнику, от коего поэт отрекся как от предателя своей неисторической родины, навечно припечатав его как «безумца» и «трусливого громилу».

Заместитель главного редактора журнала «Волга» критик Михаил Котов не без ехидства спросил его:

-Исай, а откуда ты так хорошо знаешь притоны Тель-Авива?

Поэму опубликовала на своих страницах главная газета СССР, напечатало издательство той же «Правды» в библиотеке «Огонька» (1970)

[67] Там же.

[68] За высокую идейность и принципиальность! // Ленинский путь. 1957. № 21. 8 июня. С. 2

но было ругать: поэмы Пастернака «Девятьсот пятый год» и «Лейтенант Шмидт».

Однако и после этого Ильин позволял себе некоторые вольности. На заседании кафедры советской литературы, где он в единственном числе представлял вторую часть нерушимого блока коммунистов и беспартийных, Олег не единожды называл «чушью собачьей» писания пробивных и бездарных советских литературоведов.

Умер в 1984 году.

15
«Империи и кассы, страхуя от огня, вы видели в Пегасе троянского коня!»

Саратовские писатели всегда шли впереди коммунистического прогресса, бдили бдительнее самых бдительных, кидались на тушение любого пожара за полчаса до его начала. Расскажу об одном таком профилактическом тушении. Правда, для этого придется перенестись на несколько лет вперед, в 1969 год.

Московский поэт Лев Щеглов (он печатался на популярнейшей в ту пору юмористической полосе «Литературной газеты»; той самой 16 странице, где, как метко сказал мой друг Евгений Калмановский, полностью опровергалось все то, что утверждалось на предыдущих 15 полосах) по личным обстоятельствам решил некоторое время пожить в Саратове. Как почти все москвичи, он представлял провинцию если не райским уголком, то уж наверняка тихим и мирным пристанищем, где не ведают о столичной круговерти и гонке.

Но там, в Москве, фрондирующих писателей – тех, кто почитал излишней партийно-отеческую заботу о литературе, тех, кто был не в восторге от советской действительности – было предостаточно. Их, конечно, предупреждали, зажимали, но все же терпели. А в Саратове Щеглов оказался единственной белой вороной в писательской черной стае. Вожаки стаи и кинулись на него.

Щеглов принес рукописный сборник очень иронических и очень сатирических стихов «Анатомический театр» в Приволжское книжное издательство, надеясь как-нибудь напечатать стихи, усыпив бдительность начальства и цензуры. Он попросил одного из редакторов как-нибудь внушить руководителям издательства, что в сборнике, мол, ничего такого антисоветского нет, только кой-какая ирония и больше ничего.

Редактор честно сказал Щеглову: «Лева, увы, я могу вам помочь лишь советом – уезжайте поскорее из этого города». Совет оказался куда как своевременным.

Когда поэт передал другой экземпляр того же сборника в шундиковскую «Волгу»[69], то уже через полчаса – оперативность, которой позавидовал бы сам Штирлиц, любимейший герой Брежнева-Андропова, – рукопись лежала на столе у компетентных критиков из компетентных органов. Опасаясь разделить судьбу своего сборника, Лев вскоре добровольно, не по этапу, покинул наш город.

Главной заботой руководителей местного отделения Союза писателей всегда было не пущать в свои сомкнутые боевые ряды чужака, возможного сеятеля смуты. Горе начинающему автору, ежели он хоть в малой степени обнаружит склонность к вольномыслию: ходу ему уж точно никуда не будет. Неписаный девиз саратовских писателей: лучше бездарь, чем бунтарь!

Любовь Краваль не то что политикой не интересовалась, но, по-моему, даже газет никогда не читала. Писала стихи о любви без огляда на советский канон: *«Куба, Куба… А что мне Куба? / Мне бы губы…»* Посмеивалась не столько над захваченной Кастро страной, провозглашенной советскими пропагандистами островом свободы, сколько над неумолчным звоном в стихах и прозе в честь свежеиспеченного верного дружка кремлевских владык: *«Куба и Конго, / Гуннов гонка…».*

Не помышляя ни о какой акции протеста, не подозревая, что в ее творчестве можно усмотреть нечто недозволенное, Краваль принесла свои стихи в отделение Союза писателей.

Большего подарка для тогдашнего вождя местных письменников и придумать было нельзя. М. Котов, полагавший, что русская поэзия закончилась Маяковским, Исаковским и Твардовским, денно и нощно бившийся с поэтами нового поколения, увидал превосходную мишень для своих желчных истерических нападок. На каждом собрании, на каждом диспуте Котов и его

---

[69] Николай Елисеевич Шундик 1920–1995) — прозаик и драматург; чукотский учитель, только в 1965 г. приехавший в Саратов, а с 1966-го — главный редактор литературного журнала «Волга»; в 1976-м, став функционером СП, переехал в Москву. В 1969 г. подписал известное «письмо одиннадцати» заслуженных мракобесов СССР, опубликованное в «Огоньке» и угробившее «Новый мир» Александра Твардовского.

подпевала Тобольский поминали не очень добрым словом Любу и ее возмутительные строки про Кубу.

А тут еще объявился студент – филолог Ефим Водонос: открыто называл живых советских классиков «немазаными телегами», кумир для него лишь Андрей Вознесенский:

А мы шестидесятники
Задиристо-здоровые,
Прорабы и десятники
На магистралях нового.
Слащавой рифмы гладенькой
Рамки ненавистны нам,
За это нас прапрадеды
Ругают формалистами.
Век электронной точности
Баюкал нас,
В автомобилях гоночных
Рвемся на Парнас…
А там немазаные скрипят телеги,
Да Вознесенский празднует
Грядущего разбег.
Мы нигилисты древнего,
Нигилисты хлама,
Мы будем ритмов времени
Писать кардиограммы,
Чтобы каждый миг с планеты
Труху старья сгонял,
Как реактивный ветер
Сегодняшнего дня!

Стихи, конечно, наивно-мальчишеские, однако вражеского в них не сыскать даже органам порядка; но как же не бить такого нигилиста, славящего только Андрея Вознесенского! Ведь по Вознесенскому в нашем городе в те годы проверяли политическую благонадежность работников идеологического фронта.

На собрании в студии телевидения старший редактор литературно-драматической редакции Д. Степанидин, полковник в отставке и драматург от станка и сохи, твердолобый коммуняга, всячески браня Вознесенского, читает по книге его стихи и все дико перевирает. Ему из зала ассистент режиссера Владимир Давыдов подсказывает, как нужно правильно прочесть стихи. Полковник-коммунист-драматург искренне возмущен: «Вы видите, я даже по книжке ничего не могу разобрать, а он эту заумь наизусть знает!» Спустя некоторое время Давыдова под каким-то предлогом, но явно за слишком уж хорошее знание вредных стихов Вознесенского вытурили из телестудии.

Исай Тобольский на улице хвастался, какой он достал великолепный сборник Вознесенского, а на собрании писателей истошно проклинал тот же самый сборник: «На что мы только тратим бумагу!»

Когда в Саратов приехал корреспондент «Советской России» В. Хмара, в Союзе писателей ему подсказали, где в нашем городе гнездо нигилизма и снобизма. Корреспондент идет в университет, где в доверительных беседах со студентами прикидывается большим любителем всего нового в литературе, выуживая их поэтические опыты.

19 мая 1961 года Хмара публикует статью «"Шестидесятники" рвутся на Парнас» - политический донос на Краваль и Водоноса. Конечно, донос – излюбленный жанр партийной печати, но клеймить в газете нигде не публиковавшиеся стихи считалось неприличным даже по советским понятиям.

Обвинив Краваль и Водоноса в безыдейности, в оторванности от нашей замечательной действительности, обозвав тех, кому нравились их стихи «эстетствующими молодчиками», корреспондент заканчивал статью по сути призывом изгнать их из университета: «Можно ли смириться с этой воинствующей обывательщиной? Смогут ли такие люди воспитывать у нашей молодежи уважение, любовь к высокопартийной советской литературе?»[70]

Нигилистам противопоставлялся очень бойкий и пробивной и не очень грамотный певец бессмертных коммунистических идей Василий Шабанов, рвавшийся в стихах в родимую деревню, а в жизни дорвавшийся до советской столицы и до ЦК ВЛКСМ: ныне почитается как классик местным отделением бондаревского союза писателей.

Статья «"Шестидесятники" рвутся на Парнас» была мгновенно перепечатана парткомовским «Ленинским путем», а через некоторое время, под нажимом обкома ВЛКСМ – и «Зарей молодежи».

Поскольку к Любе Краваль какие-то оргмеры принять было трудно (заочница, паспортистка в гостинице, явно не боец идеологического фронта), то с тем большим остервенением накинулись на Ефима Водоноса и комсомольско-партийные функционеры, и преподаватели, и самый строгий декан всех времен и народов С. Бах. Университетский парткомыч Н. Еремин вошел в административный раж: очистить факультет от подобных людей!

На филологическом факультете созвали так называемое открытое партийное собрание, где, если верить газете «Коммунист», «решительно осудили безыдейные поэтические упражнения Ефима Водоноса, Любови Краваль и некоторых других, их обывательские взгляды на жизнь, искусство и поэзию»[71]. Однако не все участники собрания отнеслись к статье Хмары как к руководящему документу, за что и получили нагоняй от областной газеты.

Деканша Бах придумала многоходовую комбинацию, точнее, махинацию, как без политического скандала, втихую избавиться от неугодного студента: завалить Водоноса сперва на самом идеологическом экзамене по ист-

---

[70] *Хмара Виктор.* Письма из Саратовского университета. «Шестидесятники» рвутся на Парнас. // Советская Россия. 1961. № 117. 19 мая. С. 4.

[71] *Калашников А.., Нефедова В*. Не в том направлении // Коммунист. 1961. № 136. 10 июня. С. 3.

мату (марксистская отмычка ко всему и вся на белом свете), потом на втором, третьем, и можно преспокойно, на законном основании отчислить его из университета за неуспеваемость. И никакого пятна на чести идейно-верного факультета, если бы выгнали Ефима с волчьим билетом.

Однако «на первом же экзамене (истмат) заболевшая преподавательница забыла предупредить заменявшую ее, а когда вспомнила, я уже гулял с пятеркой в зачетке. Далее пошли пятерки по русской и зарубежной литературе. На политэкономии упрежденные о намечаемой ”акции” ребята устроили обструкцию доценту Петрову, видя, что он грубо валит меня, хорошо подготовленного. Он отступил: все стало слишком очевидным»[72].

Так вольнодумный студент, сдав сессию почти на одни «пятерки», сорвал махинацию деканши.

Через год университетский комитет комсомол опять попытался расправиться с Водоносом, не побоявшимся сказать Бах, что та пользуется услугами доносителей. Но и этот раз у комитетчиков сорвалось!

Много лет спустя та же самая деканша в кампании факультетских выпускников горько сетовала: «Нет, не тот теперь пошел студент, не тот… Серый какой-то народ. Вот раньше были личности так личности!»

Выучить Ефима Водоноса и Любу Краваль партийности и холопству воспитатели-каратели так и не смогли. Сегодня Водонос – заведующий отделом русского искусства Радищевского музея, член Союза художников России, заслуженный деятель искусств России, член Академии российского искусства и Академии свободной художественной критики, автор капитальных трудов об отечественной живописи. Краваль много лет разгадывает тайны биографии Пушкина по рисункам поэта. В Москве издательство «Наследие» в серии «Пушкин в XX веке» выпустило ее книгу «Рисунки Пушкина как графический дневник».

* * *

О схожей истории, приключившейся в нашем городе во времена «оттепели», читаем в очерке Виталия Азефа «Тайна» 42-й комнаты» [73]. Студентки педагогического института поэтесса Зина Смолякина, Маргарита Чечетко и Люба Подосинникова придумали ВЧИН: Все, что интересно. В комнату общежития к Зине приходили ее друзья, все, кто хотел как можно больше узнать об отечественной поэзии. Проводили вечера, посвященные Ахматовой, Цветаевой, Пастернаку, Ахмадулиной, Вознесенскому, Евтушенко. Сочинили веселый гимн и даже устав ВЧИНа.

Ну это уже зря, потому что большевики больше всего боялись хоть какого-то подобия организации (Помните пламенный клич Ильича: «Дайте нам организацию революционеров и мы перевернем весь мир»?) Никого, по счастью, не посадили, но разгром учинили по полной программе.

---

[72] Цитирую, с согласия Ефима Водоноса, его неопубликованный очерк «Николай Борисыч» - понятно, о незабвенном Еремине.

[73] СОВФАКС. 1991. № 16. Апрель. С. 3. Опубликовано под рубрикой «Однажды в хрущевскую ”оттепель»».

Много лет спустя Маргарита Чечетко напишет : «Мы были дети ”оттепели”. Мы хотели немногого: знать то в нашей культуре, что было от нас скрыто, никаких политических и крамольных целей не преследовали. Мы отстаивали свое право на сомнение, на самостоятельность суждения и читали вслух Ахматову и Гумилева. Но в те годы и этого было, как видно, много, и этого нам не простили».

***

Во второй половине 50-х годов выпускник филологического факультета Станислав Горшков, поэт и композитор, задумал и создал в университете что-то вроде литературно-музыкального объединения, куда входили несколько кружков: театральный, хоровой, литературный. Десятки студентов записались в кружки, репетировали пьесы, разучивали песни, читали стихи.

Никакой «контры» тут и близко не водилось, однако ж университетский комитет ВЛКСМ, с подачи парткомычей, не на шутку переполошился: почему это студенты как вольные пташки играют и поют без всякого идеологического пригляда, без руководящих и направляющих указаний?

По объединению выстрелил угодливый «Сталинец», и добрая затея Станислава Горшкова приказала долго жить. Не захотели студенты петь и плясать под дудку начальства.

16
Птицы и гончие

Один из ключевых эпизодов знаменитого поэтического фильма Марлена Хуциева и Геннадия Шпаликова «Застава Ильича», запрещенного Хрущевым и Ильичевым [74] в 1962 году и допущенного до кинопроката в 1965-м в сокращенном варианте и под названием «Мне двадцать лет»: чтение стихов в Политехническом музее. Выступают Булат Окуджава, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Роберт Рождественский. Шестидесятники, еще не ведающие, что они шестидесятники.

А в переполненном зале – их молодые современники, восторженные, честные, смелые, умные, доверчивые, наивные. Последние романтики, верящие, что власть Слова сильнее слова Власти. Подпевающие «Сентиментальному маршу» Булата Окуджавы.

---

[74] Тогда широко распространялась эпиграмма:

Как прежде рубим мы с плеча,
Хоть это все давно не ново,
И нет «Заставы Ильича»,
А есть застава Ильичева.

Когда по прямому указанию ЦК партии сокращали «Заставу Ильича», авторов заставили вырезать едва ли не половину этих кадров. Да что же идейно ошибочного или, упаси Бог, вражеского, высмотрели бдительные правители в прочитанных стихах?

Берегите нас, поэтов. Берегите нас.
Остаются век, полвека, год, неделя, час…

Прославил Окуджаву в шестидесятые годы магнитиздат. Только напрочь эмоционально глухие могли не понять и не принять песни про весёлого барабанщика, Лёньку Королёва, Ваньку Морозова, о полночном последнем троллейбусе, о дежурном по апрелю и комсомольской богине, о любви и мире, о надежде и отчаянии. Многие строки, строфы запоминались мгновенно и помнились всю жизнь, помогая устоять, выжить, не сдаться. По ним выверялись совесть и честь, свобода и правда каждого из нас.

Впервые в Саратов Булат Окуджава приехал в 1960 году [75]вместе с группой (тогда это, кажется, именовалось бригадой) авторов «Литературной газеты». В ту пору его мало кто знал; потому-то ни общественность не взволновалась, ни начальство не встревожилось. Без шума приехал, без шума и уехал.

Зато второй приезд поэта в наш город вызвал шквал восторга всех любителей поэзии и бурный гнев партийного начальства.

Берегите нас с грехами, с радостью и без.
Где-то, юный и прекрасный, ходит наш Дантес.
Он минувшие проклятья не успел забыть,
Но велит ему призванье пулю в ствол забить.

Зимой 1965 года Саратов встречает поэтов популярного журнала «Юность»: Владимира Гнеушева, Евгения Храмова, Алексея Зауриха, Юрия Полухина. В этой вполне достойной компании и Булат Окуджава – с литподонками он никогда вместе не выступал. Официальный руководитель группы – заведующий отделом критики журнала Станислав Лесневский.

На вечера поэзии приходят все, кто хочет услышать живое слово, свободное от официальных догм и фальшивой патетики. Конечно, больше всего ждут стихов и песен Окуджавы.

Он исполняет старые и новые песни, читает неопубликованное стихотворение «Берегите нас, поэтов» (его напечатает только в 1967 году «Звезда Востока» - в знаменитом третьем номере, посвященном ташкентскому землетрясению; московские литераторы дали журналу безвозмездно свои произведения), метко и без оглядки на штатных и нештатных информаторов отвечает на вопросы. Когда Окуджаву в филармонии спросили, кого он подразумевает в стихах о черном коте – Сталина или Хрущева, он ответил:

- Ни Сталина, ни Хрущева, потому что они уже не у власти.

Был очень доволен, когда выдающийся пианист и уникальный библиофил Анатолий Катц принес ему сборник «Веселый барабанщик», вышедший в 1964 году, самолично перепечатанный на машинке и изящно пере-

[75]*См.: Азеф Виталий.* Окуджава: саратовский след// Саратовские вести. 2006. № 168. 7 ноября. С. 3.

плетённый, да еще дополненный многими стихами Окуджавы: вот как меня издают! Через несколько лет этот сборник – как самиздатовский! – станет добычей известных органов.

Подобные же сборники, с любовью перепечатанные и переплетенные, принесли на подпись Булату Шалвовичу и выпускники исторического факультета университета Лиля Кроль и Юрий Болдырев[76].

На всех вечерах продавал сборники стихов директор букинистического магазина Юрий Болдырев – знаток и фанатичный собиратель русской поэзии, в том числе, разумеется, и запрещенной, будущий единственный публикатор Бориса Слуцкого.

Сотрудники университетской многотиражки, выходившей тогда под названием «Ленинский путь», решили посвятить гостям города больше половины полосы – «Встреча с поэзией». Были набраны стихотворение Окуджавы «Как научиться рисовать», стихи Гнеушева, Храмова, Зауриха. Снимок: Окуджава дает автографы.

Завершалась полоса факсимильным прощанием: «Дорогие товарищи! Мы рады вновь, на страницах Вашей газеты, встретиться со студентами СГУ – всегдашними и верными друзьями поэзии. Желаем Вам счастья, неостывающей молодости, песен! Нам очень понравился Саратов! До новых встреч!» И подписи всех гостей.

Булат Шалвович, отлично знавший нравы и повадки провинциальных ревнителей идейной непорочности советской литературы, отговаривал журналистов от рискованной затеи: «Зачем вам это нужно? Мы-то уедем, а вам здесь жить и работать».

Когда ответственный секретарь университетской газеты Нина Ущева, она-то и готовила и пробивала публикацию «Встреча с поэзией», уже собиралась в типографии подписать номер за 6 февраля 1965 года, ее неожиданно вызвали в чистилище – обком КПСС. Кто-то из бдительных уже поспел просигнализировать о полосе! Инструктор сектора печати посоветовал, а если точнее, приказал отложить пока что «Встречу с поэзией».

Где-то плачет наш Мартынов, поминает кровь.
Он уже убил однажды, он не хочет вновь.
Но судьба его такая, и свинец отлит,
И двадцатое столетье так ему велит.

… Пока поэты читают свои стихи, а тысячи саратовцев ходят на вечера поэзии, за кулисами разыгрываются события совсем непоэтические, о чем я весной 2001 года узнал от Станислава Лесневского.

Главный саратовский идеолог третий секретарь обкома Валентин Черных, рьяный охотник за идейной крамолой, запрещал даже дозволенные Москвой фильмы, и его верный подручный – заведующий отделом Николай Еремин, чем меньше он что-либо понимал, тем больше лютовал, порешили дать могучий отпор заезжим стихотворцам: черт-те что себе позволяют, душок какой-то ненашенский.

---

[76]См.: *Азеф Виталий.* Окуджава: саратовский след-2 // Саратовские вести. 2006. № 177. 25 ноября. С. 4.

А вели себя гости в нашем городе прямо-таки возмутительно. На одном из вечеров Лесневский взял, да и выступил против партийного руководства искусством:

Недорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Всё это, видите ль, слова, слова, слова.
Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа –
Не всё ли нам равно? Бог с ними.
Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи …

Литераторов вызывают для идеологической накачки в обком партии. Как вы смеете читать антипартийные, антинародные стихи? Позвольте, да это же Пушкин написал! Но Черных и Еремин, нимало не смутившись, продолжают гнуть свое. Ну и что, не всего же Пушкина можно читать со сцены. Партийные жрецы категорически потребовали: сомнительного Пушкина выкинуть, «Берегите нас, поэтов…» - запретить, да и вообще основательно перетрухнуть всю программу. Строжайше предупредили: иначе будут неприятности.

Гости, разумеется, отказались выполнить вздорные партуказания. Тогда с ними расплатились чисто по-саратовски.

В политехнический институт мчится инструкторша Октябрьского райкома КПСС: надо же срочно натаскать комсомольских активистов, подучить их, какие следует задавать вопросы, чтобы сбить спесь с московских поэтов.

Главный бой по обкомовской диспозиции задумано дать в конференц-зале областной газеты «Коммунист». Я был очевидцем этого провалившегося реванша.

Против ослушников выпускают разгневанную тройку: вечного заместителя редактора областной партийной газеты Якова Горелика[77] (эх, давно

[77] Яков Григорьевич Горелик (1919–1999) — саратовский журналист; работал в областной газете «Коммунист» заведующим отделом сельского хозяйства, затем — заместителем главного редактора. Во время инсценированного Сталиным «дела врачей» в соавторстве с О. Лебедевой опубликовал фельетон «Фальшивый профессорский блеск» о выдающемся деятеле отечественной медицины Леониде Сигизмундовиче Шварце, представив его как шарлатана, автора «вредных бредней». По словам фельетонистов, профессор в своих лекциях «часто превозносил и выпячивал буржуазных еврейских националистов и таких матерых преступников, как Вовси, Коган, опираясь на их мнения, на их “авторитеты”» (Коммунист. 1953. № 39. 15 февраля. С. 2).

быть бы ему редактором, ежели бы не роковой пятый пункт!) – полного профана в поэзии (и не только в ней) и большого мастака в демагогии; поэта Исая Тобольского, крушившего в оные годы с хорошо отрепетированным пафосом и Дудинцева, и Пастернака, и Вознесенского с Евтушенко; детского прозаика Екатерину Рязанову, тщетно надеявшуюся компенсировать малую художественность своих книг их идеологической стерильностью.

Московских литераторов обвиняют в идейной ущербности их творчества, в искажённом изображении нашей замечательной советской действительности. Яков Горелик грозно напоминает московским гостям о судьбе Пастернак*а* (Пастерн*а*ка, поправляет учителя-обличителя Алексей Заурих); Екатерина Рязанова выкрикивает нечто маловразумительное об абстрактном гуманизме (идеологический ярлык того времени, наш слишком конкретный социалистический гуманизм символизировал людоедский афоризм Горького: «Если враг не сдаётся, его уничтожают!»), об абстрактности стихов.

Официальным руководителем группы, напомню, был критик Станислав Лесневский, но в этот час разбушевавшегося погрома, как и было заранее продумано, поднимается Булат Окуджава и как в бою принимает огонь на себя. Хладнокровно, без ярлыков и брани, он парирует демагогические выпады саратовских обвинителей. Я бы охотно ответил, говорит Окуджава, на ваши критические замечания, но они слишком абстрактны, и поэтому мне нечего на них ответить. В этом зале мы видим тех, кто не принимает нашу поэзию; и видим тех, кто её любит, кто солидарен с нами. Но я не вижу ни одного равнодушного лица, а это для нас самое главное.

Зал горячо аплодирует любимому поэту. Задуманный Черныхом-Ереминым разгром Окуджавы и его товарищей стал их победой, победой поэзии и свободы над злобой и рабством.

Берегите нас, поэтов, от дурацких рук,
От поспешных приговоров, от слепых подруг.
Берегите нас, покуда можно уберечь.
Только так не берегите, чтоб костьми нам лечь.

***

Но областное партначальство не удовольствовалось столь гостеприимной встречей поэтов в редакции газеты. «Коммунисту» приказано выдать разгромную статью. Не собираюсь воспевать тогдашнюю редакцию областной газеты, но никто из журналистов не согласился выполнить обкомовский политический заказ. Отказался исполнить приказание заместителя главного редактора Горелика и выступить против талантливых и честных поэтов и сотрудник отдела культуры поэт Владимир Бойко; а ему вроде бы по должности полагалось писать подобные статьи. Когда Черных приказал Горелику изругать Окуджаву, заместитель главного редактора вызвал Бойко и велел

ему выполнить обкомовский наказ. Володя наотрез отказался: «Как же я могу бранить поэта, который только что так дружески надписал мне сборник своих стихов?»

Однако ж, если родная партия скомандовала «Фас!», как же не отыскать в университетском городе верного исполнителя! 6 февраля 1965 года многотиражка «Ленинский путь» вышла без материала «Встреча с поэзией», снятого, как помним, в последний момент по прямому обкомовскому указанию. Зато 7 февраля на страницах «Коммуниста» печатается статья «Поэты на эстраде». Автор-исполнитель – кандидат филологических наук, преподаватель филологического факультета СГУ Аза Жуйкова. Та самая, которая лет за десять до описываемых событий заклеймила первую в Советском Союзе посмертную публикацию Марины Цветаевой - в знаменитым альманахе «Литературная Москва».

Статья, канцелярская по стилю и холопская по содержанию, написана в популярнейшем советском жанре политического доноса. Главный партийный удар, ради которого и затевалась статья, - по стихам и песням Булата Окуджавы. Ученая авторша повторяет обвинение своры придворных критиков, что «Б. Окуджава как мыслитель, как носитель каких-то концепций просто слаб, что гуманизм его абстрактен и лишён отчетливого социального смысла». Ну, ихнюю теорию абстрактного и конкретного гуманизмов мы уже проходили.

Впрочем, как в почти любом доносе, в статье Азы Жуйковой не все полная лжа. Кандидатша филологических наук, конечно же, нисколько не привирает, когда не видит в творчестве разносимых ею поэтов ни глубокого исследования «процесса формирования коммунистической морали», ни образа «нового героя – строителя коммунизма». Этакими глупостями уже в то время никто из мало-мальски одаренных и честных литераторов не увлекался.

А 21 февраля того же года «Советская Россия» публикует письмо в редакцию «Ловцы дешевой славы» - расширенный и ещё более злобный вариант доноса Жуйковой. Авторов семеро, подобраны как для президиума партийной или профсоюзной конференции: 1 (один) Герой Советского Союза (Д. Емлютин), он же – бывший энкаведешник, директор облкниготорга [78]; 1 (один) плотник (Н. Долгова) – с завода крупнопанельного домостроения; 1 (одна) лаборантка (Ф. Зальцман) – неизвестно откуда, может, с номерного завода; 1 (один) слесарь (В. Гунько) - место работы опять загадка; 1(один) студент политехнического института (А. Ратинер); 1 (одна) студентка педагогического института (Л. Каштанова); 1 (один) доцент университета (А. Юрко). Демонстрация всенародного гнева!

---

[78] Дмитрий Васильевич Емлютин (1907-1966) – кадровый работник НКВД, полковник. Герой Советского Союза. Руководитель брянских партизанских (или диверсионных) отрядов. В последние годы жизни – директор облкниготорга Когда после свержения сталинистами Хрущева вместо президиума партии ЦК над родиной вновь воссияло политбюро, светящийся от счастья Емлютин вбежал к редакторам Приволжского книжного издательства: «Товарищи! У нас снова есть политбюро!» Одна из редакторш равнодушно бросила: «Ну и что?» Смертельно обиженный герой едва не заплакал от этакой обиды.

Шестерки из обкомовской семерки бьют по стихам и Е. Храмова, и В. Гнеушева: «Гнетущей затхлостью повеяло и от стихотворения В. Гнеушева ”Отцы-мертвецы”». Но больше всего вертухаи в ярости от стихотворения Окуджавы «Берегите нас, поэтов»: «От кого беречь?» Да хотя бы от вас, товарищи доносчики! «Оказывается, и сейчас, по мнению Окуджавы и Гнеушева» – да Гнеушев не автор этих стихов! – «за каждым поэтом ходят дантесы и мартыновы». Если бы только дантесы и мартыновы!

И нет у посмевших приехать в Саратов поэтов – вот уж беда так беда! – ни одного стиха «о космонавтах, о событиях в Конго, о Кубе, и оказалось, что “король-то голый”».

Концовка коллективного доноса написана в прокурорском стиле незабвенного 37 года: у капеэсэсовских наемников «вызывает серьезные возражения, что высокую трибуну перед народом получают далеко не лучшие представители советской литературы, и что звучат с эстрады порой не самые зрелые их произведения, а двусмысленные стишки, рассчитанные на дешёвую славу у определённой части аудитории».

Понятно, сочиняли донос не плотник со слесарем и даже не герой с лаборанткой, а кто-то из обкомовских подручных, однако поражает безоглядная готовность многих советских граждан, хотя вроде бы пора и попривыкнуть, по первому же зову подмахнуть любую дичь, состряпанную партийными поварами. Да еще и гордиться своей подписью под сим доносом, своим разоблачением недругов партии и советского народа. Доцент исторического факультета СГУ Анатолий Иванович Юрко даже похвастался мне в университетской библиотеке: вот как мы здорово выдали этим столичным поэтам! Судя по всему, он и сочинил этот донос[79].

Вряд ли задумывались эти партийные марионетки о будущем, о суде истории, не понимали, что они плюют в вечность. Но - мне отмщение, и аз воздам.

На страницах шундиковской «Волги» - спустя почти три года! - добивал Окуджаву Борис Манжора – лучший музыковед среди тромбонистов и лучший тромбонист среди музыковедов, как острили музыканты; понаторевший в погромных компаниях (несколько лет спустя не без его горячего участия выдворяли из Саратова Елену Камбурову). Приговор тромбониста-музыковеда: «Играть на гитаре Б. Окуджава не умеет. Это то самое бряцание, которое известный наш гитарист С. А. Сорокин на страницах ”Советской культуры” назвал не искусством, даже не ремеслом, а примитивным “занятием”. Выступать с “музицированием” на таком низком уровне можно не иначе, как только сразу делая расчет на нетребовательность аудитории». А песня

[79] Анатолий Иванович Юрко (1921-1984) – с 1952 г. работал в газете «Коммунист». В 1962 г. перешёл в университет на кафедру истории КПСС, где через год защитил кандидатскую диссертацию о партийном руководстве печатью. Автор статей о руководящей и направляющей роли КПСС. Нештатный инструктор райкома, позже – обкома партии.

Версию о возможном авторстве А. И. Юрко доноса в «Советской России» предложил А. Е. Крылов – главный редактор альманаха «Голом надежды. Новое о Булате», где творчество и биография поэта изучается такой же искренней любовью и научной тщательностью, как в былые годы академическое литературоведение занималось Пушкиным.

о Леньке Королеве, по разумению строгого музыковеда-тромбониста, «это не что иное, как перепев известной песенки ”Здравствуй, моя Мурка” во всей ”прелести” ее ”блатной” выразительности» [80].

Вот так-то, Булат Шалвович! Не пустим вас больше в самый правоверный град всея Советского Союза!

Только так не берегите, как борзых – псари!
Только так не берегите, как псарей – цари!
Будут вам стихи и песни, и ещё не раз…
Только вы нас берегите. Берегите нас.

Далеко не все саратовцы согласились с единственно верным мнением литературоведов и музыковедов в штатском. Иная точка зрения, разумеется, глубоко ошибочная, даже, пожалуй, ревизионистская, прозвучала в письме, подготовленном директором «Букиниста» Юрием Болдыревым и подписанном многими саратовскими интеллигентами: большинство из них через несколько лет будут участниками самиздатовского дела и окажутся «У позорного столба» газеты «Коммунист» (см. главу «Большая идеологическая охота 1971 года»).

Письмо, посланное в редакцию «Советской России», как легко догадаться, не было опубликовано. Зато, по информации из неофициальных источников, его прочитали и заклеймили на бюро обкома КПСС.

***

Двадцать лет спустя. Булат Окуджава снова в Саратове. И впервые – без литературной бригады или группы.

На традиционный вопрос, что он думает о Саратове, смеясь отвечает: что же я могу думать о городе, который так прекрасно встретил меня в 1965 году.

Спокойно говорит о Владимире Набокове (еще ни одна его строчка не напечатана в Советском Союзе), об эмигрантах Андрее Тарковском и Юрии Любимове. Не для демонстрации своей смелости, а просто потому, что ему это интересно и важно.

В Польше, рассказывает Окуджава, его спросили: в какое историческое время он бы хотел жить? Писатель сказал: в первой четверти девятнадцатого века. А на вопрос, кем бы он хотел тогда быть, ответил: конечно, дворянином, помещиком. В Москве функционеры союза писателей начали его прорабатывать: до чего же докатился советский писатель, мечтает стать помещи-

---

[80] *Манжора Б.* О музыкальном воспитании молодежи // Волга. 1967. № 9. С. 171. Борис Георгиевич Манжора (1921-2001) - музыковед тромбонист, педагог, профессор (1975). С 1960 г. работал в Саратовской консерватории: деканом, проректором по учебной и научной работе, заведующим кафедрой истории музыки. «Вел постоянную муз. критическую деятельность», как аттестует его «Энциклопедия Саратовского края» (Саратов: Приволжское книжное изд-во. 2002. С. 525).

ком! Тогда Булат Шалвович задал встречный вопрос привилегированным борцам за всеобщее равенство: ну, а вы кем хотели бы быть в прошлом веке? Неужели крепостными?

На этот раз в Саратове обошлось без идеологического разбоя. Подустали, видать, местные ревнители-охранители коммунистической святости. Да и на дворе как-никак, но уже 1985 года.

Правда, когда «Заря молодежи» подготовила интервью с Окуджавой, цензура запретила публиковать этот материал, в котором ничего маломальски опасного в нем не было, только из-за имени поэта! Литературные охранники не забыли 1965 год!

Булат Шалвович явно обрадовался, когда я показал ему полузапрещенный в Советском Союзе альманах «Тарусские страницы» (Калуга. 1961): вот он, сохранился все-таки! – где была опубликована его повесть «Будь здоров, школяр», обруганная всеми придворными словоблудами страны советов. Поэт охотно подписывал верным любителям истинной поэзии ксерокопии полосы университетской газеты 1965 года. Той самой полосы, где была зарубленная обкомом КПСС «Встреча с поэзией».

В одном из своих последних интервью Булат Окуджава высмеял мишурную демократию, которую громогласно провозглашали грабители и убийцы: «У нас сейчас кричат - демократия, свобода, да никакой демократии у нас нет, демократия – это состояние крови, это вырабатывается даже не десятилетиями, а поколениями, это должно быть внутри у человека»[81].

... Вспомним сегодня поименно всех вдохновителей и исполнителей хулиганской травли Булата Окуджавы в 1965 году. Как называем мы имена гонителей и убийц Гумилёва и Мандельштама, Булгакова и Пастернака, Шаламова и Эрдмана, Цветаевой и Ахматовой, Пильняка и Зощенко, Гроссмана и Домбровского. Запомним, как в годы идеологической бесовщины оплачивался каждый *глоток свободы* (название романа и пьесы Окуджавы о декабристах):

Берегите нас поэтов. Берегите нас.
Остаются век, полвека, год, неделя, час,
три минуты, две минуты, вовсе ничего…
Берегите нас. И чтобы все – за одного.

[81] *Левшинов-Луговской Денис.* Булат Окуджава: Я свое предназначение выполнил… // Известия. № 109. 14 июня. С. 6.

17
Приглашение на казнь

«Чернышевский, будучи лишен малейшего понятия об истинной сущности искусства, видел его венец в искусстве условном, прилизанном (то есть в антиискусстве), с которым и воевал, - поражая пустоту».

«Кажется, ныне одни марксисты еще способны интересоваться призрачной этикой, заключенной в этой маленькой, мертвой книге».

«А уже в следующем году торговля призраком Чернышевского закончилась тем, что после переговоров между "добровольной охраной" и исполнительным комитетом "Народной воли" относительно коронации было решено, что, если она обойдется благополучно, Чернышевского освободят: так меняли его на царей – и обратно (что получило впоследствии свое вещест-

венное увенчание, когда его памятником советская власть заместила в Саратове памятник Александра Второго)».

Боже мой, если бы эти кощунственные излияния из набоковского «Дара» о саратовском семинаристе, возведенном большевиками в сан великого революционного демократа, в 1969 году узнали в Саратовском университете имени того же великого революционного демократа! Где десятки, если не сотни, спецов по основам марксизма-ленинизма («основиков», как их ехидно называл Ю. Г. Оксман; нынче эти сверх правоверные марксисты все как один переметнулись в политологи), историков, философов, краеведов, литературоведов, языковедов, экономистов, психологов клялись и кормились его священным именем, незабываемыми романами и нетленными научными трудами! Вот бы забурлила и заклокотала классовая ненависть к злобному хулителю нашего самого дорогого земляка!

Но волею судеб первым до Саратова дошел другой роман Владимира Набокова.

В конце 60-х годов секретарь обкома ВЛКСМ Борис Ручкин поехал заграницу как член делегации комсомольского ЦК. Там каждому члену делегации в порядке культурного обмена подарили большую стопку книг, среди них – в мягкой обложке роман «Приглашение на казнь».

То ли советские таможенники на какой-то миг ослабили бдительность, то ли очень уж почтительно они встретили цекисткую делегацию, но «Приглашение на казнь» благополучно миновало «железный занавес» (одна из крылатых формул Черчилля).

Ручкин подарил роман Лидии Гусевой, старшему библиографу университетской научной библиотеки.

Так впервые книга Набокова попала в город, где автор никогда не бывал, но о котором часто говорил в «Даре», в тот самый город, который в юбилейной карусели 1953 года едва не переиначили в Чернышевск. Так началось для немногих саратовцев открытие великого русского писателя. В 70-е годы на самиздатовской волне докатятся до нашего города роман «Король, дама, валет», сборник рассказов «Возвращение Чорба».

Напомню: в Советском Союзе Владимира Набокова не только не издавали (до самой горбачевской перестройки), но его даже не ругали! Два издания «Большой советской энциклопедии», первая советская «Литературная энциклопедия» не печатали о нем и коротенькой справочки: нет и никогда не было такого писателя!

«Приглашение на казнь», роман-притчу, где одинокий живой человек противостоит миру марионеток, читают друзья Гусевой, ее добрые знакомые. Кто-то из них попросил переснять роман. Лидия заказывает микропленку фотографу библиотеки Валентину Черешневу.

Об этом проведали в Сером доме: настучал, видимо, молодой человек, несколько месяцев проработавший в отделе информации библиотеки.

И тут закрутилось ритуальное действо, очень напоминающее мистику набоковского романа, где никто ничего не знает, никто ничего не понимает, но все единодушно обвиняют главного героя – Цинцинната, даже его жена:

«Скажи им, что ты невиновен, а что просто куражился, скажи им, покайся, сделай это, - пускай это не спасет твоей головы, но подумай обо мне, на меня ведь уже пальцем показывают: от она, вдова, от!

- Постой, Марфинька. Я никак не пойму. В чем покаяться?

- Так! Впутывай меня, задавай каверзные… Да кабы я знала в чем, то, значит, и я была бы твоей соучастницей. Это ясно».

А вскоре в библиотеку приходит некто в штатском и вызывает Лидию Гусеву для беседы-допроса: «У нас с вами будет серьезный разговор. Откуда у вас эта книга? Кому вы давали ее читать? Вы понимаете, что это распространение идеологически вредной литературы?» Ничего конкретного о романе не говорит: вряд ли хоть перелистал его. Твердит одно: Набоков – эмигрант, а потому наш враг. Потребовал отдать книгу и микропленку.

Место следующего действия – партком университета. Допрашивает уже не кагэбэшник, а проректор по науке профессор П. Бугаенко. Крупный советский специалист по тому же Чернышевскому, большевистскому наркому Луначарскому и лауреату сталинской премии первой степени Федину. Но обвинения все те же.

Гусева доказывает: в романе нет ничего антисоветского, события развертываются в вымышленной стране, это аллегория. Показывает незадолго до этого вышедший пятый том «Краткой литературной энциклопедии» (на самом деле вовсе не «краткой», а многотомной и достаточно объективной по советским меркам), которую выпускали серьезные и честные ученые. В этом томе впервые в СССР публикуется справка о Набокове: и, подумать только, без единого политического обвинения, без единого идеологического ярлыка! Хотя могли бы припомнить писателю, предположим, его ядовитое изречение о двух Ильичах – Обломове и Ульянове, погубивших Россию.

Профессор, не обращая внимания на энциклопедию, продолжает с неумолимостью железного Феликса: вы распространяете литературу, которую нелегальным путем завезли в Советский Союз (как раз абсолютно легальным!). Набоков – наш враг, враг советского строя.

Дело передается на рассмотрение парткома. А там, как легко догадаться, могут заменить краснокожий билет на волчий билет. В нашей стране, напомню тем, кто позабыл, лучше быть беспартийным, чем исключенным. Но так вовремя подоспевшая авторитетная энциклопедическая справка о Набокове спасла, вероятно, Гусеву от худшего варианта.

В сентябре 1969 года Лидию срочно вызывают из больницы, куда она попала после чекистско-профессорских допросов, на заседание парткома. Зачитывается, как положено, ее дело. «Приглашение на казнь» никто не знает, никто не попросит разрешения хотя бы одним глазком заглянуть на эту вредную книгу (чуть позже члены самого политбюро будут с таким же великим апломбом разносить неведомый им «Архипелаг ГУЛАГ» и придумы-

вать одна другой свирепее кары его автору!), но все важно обсуждают, насколько велика вина человека, посмевшего прочесть роман и передавать его друзьям.

Самые ярые парткомычи вопиют: вон из партии! Но историк Анатолий Зиновьев защищает Гусеву, говорит о том, что она сделала для библиотеки, для университета. Да и большинство не хочет раздувать дело, не жаждет излишнего шума. Объявляют строгий выговор с занесением в учетную карточку.

В ту осень Гусева собиралась ехать в Ленинград – пришел вызов из аспирантуры Института культуры. После персонального дела пришлось позабыть об аспирантуре.

Лидия Гусева много лет работает заведующей отделом периодики. Одна из тех подвижников, благодаря которым университетская библиотека славится далеко за пределами нашего города. Всегда помогала тем, кого власти преследовали, выживали из Саратова.

Это история аукнулась и Борису Ручкину (он тогда учился в Академии общественных наук), который и привез «Приглашение на казнь» в Саратов.

В наше время книги великого писателя Владимира Набокова и литературу о нем издают большими тиражами. А кому нынче придет на ум хотя бы полистать увесистые труды большого знатока Чернышевского-Луначарского-Федина?

18
«Как пошли вас судить дезертиры…»

Как свидетельствует капитальный справочник Л. М. Добровольского «Запрещенная книга в России. 1825 – 1904» (М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты. 1962), за 80 лет в России было запрещено 248 книг: зафиксированы все издания, которые легально напечатаны, а затем целиком запрещены. А сколько книг угробили идеологические каратели за 74 незабвенных коммунистических года? Эх, считать – не сосчитать.

Рукопись повести Михаила Вайнера «Пусть ярость благородная…», подготовленную Приволжским книжным издательством, сдали в набор 26 июля 1966 года, а 5 ноября того же года подписали в печать. Упакованные пачки

уже собирались из типографии № 1 отвезти в книжные магазины, как внезапно грянул гром из столицы СССР: «Задержать! Остановить!»

Господи, да что за напасть?

Повесть Вайнера, впервые изданная в Пензе в 1959 году, была честной попыткой сказать правду о трагическом первом годе войны, о сложных коллизиях того времени. И далеко не все мысли героев повести совпадали с официальной доктриной. Тогда, в 1959 году, высокое начальство не приметило книгу.

Но в год полувекового юбилея большевистского переворота, когда бесшумно преданы забвению антисталинские съезды, когда уже осудили Андрея Синявского и Юлия Даниэля за художественные произведения (такого не бывало и при Сталине!), когда велено проучить писателей, смеющих говорить не только о сплошных победах, но и наших поражениях, повесть оказалась лакомой находкой для литературных опричников.

Листаю прелюбопытнейший документ с грифом: «Для служебного пользования». Тираж 200 (двести) экземпляров, все пронумерованы, только для особо доверенных лиц, как бы самиздат для начальства. Издатель и творец – главная редакция художественной литературы Росглавиздата. Название: «Заочная ”Летучка” редакторов. Март 1967 г.». На страницах этого секретно-циркулярного издания росглавиздатовский сановник В. Казаков испепеляет «Ярость благородную». Его рецензия с прокурорским заголовком «В кривом зеркале» очень схожа с пародийным судилищем над князем Игорем в романе Александра Солженицына «В круге первом».

Первым же ударом многоопытный литературный начальник посылает писателя в политический нокаут: *«Вся повесть фактически является иллюстрацией известного антиисторического, ложного тезиса о том, что наша страна совершенно не была подготовлена к войне и гитлеровское нападение застало нас врасплох…».* Да боже ты мой, сам же великий вождь и организатор всех наших побед и его рептильные историки столько лет объясняли временные неудачи Рабоче-крестьянской красной армии (так с истинно большевистской скромностью именовался полный разгром кадровой армии в первые же недели войны) внезапностью гитлеровского нападения.

Раз тезис антиисторический, да еще и ложный, то легко вершится судебно-критическая расправа над героями повести. Все их рассуждения, неугодные Казакову, объявляются «философскими зигзагами» (прямо-таки по Ленину!), которые, и кухарке понятно, «теоретически несостоятельны».

Когда старшина Вострецов спросил у капитана Лавыша: *«”Что еще нового пишут в газете?”, тот позволил себе чуть усмехнуться: ”Да ничего. Все то же: упорные бои на всех направлениях. Наши войска оставили еще несколько городов и отошли на заранее, так сказать, подготовленные позиции. Стихи вот ещё. На, почитай”.*

… В глаза бросилась тусклая фотография. На ней чернело несколько конских крупов, силуэты всадников, которые вскинули вверх руки с клинками.

”Наши доблестные коники преследуют отступающего противника”, - гласила подпись. Чуть ниже было помещено четверостишие:

Советский воин, бей фашистов.
Будь в рукопашной зол, неистов,
Круши лопатой, кулаком,
Прикладом, шашкой и штыком.

- Эх ты! Кулаком! – удивился старшина. – Лопатой еще куда ни шло, а то – кулаком!”»

И дурацкую фотографию с молодецкой подписью, и идиотские стишата Вайнер не придумал поклепа ради, а позаимствовал из июньских номеров 1941 года самой главной и самой правдивой газеты Советского Союза.

За злостные «саркастические замечания» главкритик подводит Лавыша под трибунал «как типичного труса и паникёра». Это Лавыш-то трус? Капитан, сам раненый (левая рука в гипсе – для сановного героя это лёгкое ранение), командует отрядом бойцов из расстрелянного немцами санитарного поезда; взрывает мост; когда их окружают, пытается бежать и погибает.

Как пошли вас судить дезертиры –
Только пух, так сказать, полетел.
(Александр Галич)

А чем же не люб росглавиздатовскому деятелю старшина Иван Лукич Вострецов, тот самый, который удивился глупейшим стишкам в газете «Правда»? Не жалует старшина, как и любой здравый человек, не охмелевший от бесовского зелья, политический трезвон: за это и влепляет ему свой приговор Казаков: *«Патриотизм Ивана Лукича вызывает серьезное возражение, ибо это патриотизм без мыслей».* Этакого юмористического перла не сыскать ни у одного великого сатирика! Только прояснил бы литературный прокурор, так что ему все ж милее: то ли патриотизм без мыслей, то ли мысли без патриотизма?

К «теоретически несостоятельным» «философским зигзагам» причисляет литначальник и серьезные раздумья школьника Филиппа Грекова – главного героя повести: *«А все сводится к одному и тому же – несправедливости и насилию одного человека над другим. И победа только над немецким фашизмом ничего не изменит в этом. Появится другой фашизм, под другим названием, в другой стране и опять примется за свое. Уничтожить нужно рабство, слепую подчиненность одних людей другим, потому что фашизм начинается там, где есть насилие и несправедливость!..»* Надсмотрщик чутко почуял, что догадливый читатель легко может заменить фашизм священным словом «коммунизм».

Как написал мне Михаил в 2010 году из Америки, «подполковник Казаков в своем циркуляре для служебного пользования привел лишь часть той чуши, что он наговорил мне, когда я бросился в Москву спасать книжку. Меня это даже не расстраивало, а смешило. Обезумевшие люди, те, что уцелели, прыгают с разбомбленного эшелона и несутся в темноте ночи куда глаза глядят. Казаков спрашивает: Почему внизу на земле не стоял комму-

нист и не говорил: ”Бегите сюда, товарищи!” Я смотрел на него и улыбался - понимает ли этот идиот, что говорит».

Но более всего напугало литературную охранку и предрешило судьбу книги то, что Михаил Вайнер едва ли не первым в отечественной литературе приоткрыл напрочь запрещенную тему: всполох в стране антисемитизма после двухлетней партийной дружбы красных коммунистов и коричневых фашистов. «Автор пытается доказать крушение интернациональной общности и дружбы советских людей в начальный период войны. Отдельными фразами, мыслями своих героев он стремится убедить читателя, что фашизм несет уничтожение не всем одинаково, а одним нациям больше, другим меньше, и что в связи с этим началось национальное размежевание», - дубасит Казаков повесть интернациональной дубинкой, трусливо избегая нехороших словечек вроде «антисемитизм», «евреи».

Для тотального изничтожения идеологически вредной повести столичный начальник не чурается и чистого жульничества, выдумывая нелепые цитаты для демонстрации её «стилистических изъянов».

Поначалу предполагалось книгу все-таки выпустить из-под ареста, заменив лишь самые вредные страницы. Тогда-то Михаил Вайнер и подарил мне один из сигнальных экземпляров: *«Виктору Селезневу – перед ”обрезанием”».* В моей библиотеке сохранился и экземпляр со злобно-потешными пометами (могут соперничать с казаковским шедевром) тогдашнего партвождя Приволжского издательства В. Родионова, позже уличенного судом в литературном воровстве у своего же друга.

Но затем, отказавшись от гнилого либерализма, в Росглавиздате порешили не мелочиться, а попросту пустить нож весь 15-тысячный тираж «Ярости благородной». Книгу и уничтожили в юбилейном 1967 году, а главному редактору Сталю Касовичу через некоторое время пришлось покинуть провинившееся перед партией издательство.

Новые руководители издательства – комсомольско-партийный номенклатурщик директор В. Колчин и серенький стихотворец главный редактор В. Гришин сами с чистосердечным энтузиазмом повели охоту за идейной крамолой. По их приказу в 1969 году была рассыпана верстка (вторая!) интереснейшей биографической книги Владимира Сандлера об Александре Грине (см. следующую главу). И всего лишь за несколько страничек, где упоминалось о связях писателя с социалистами-революционерами: в то время коммунисты, Бог весть с чего и почему, взялись вновь утюжить давно добитых и перебитых эсеров.

Эти материалы, надеюсь, учтут авторы будущего многотомного справочника «Запрещенная книга в СССР. 1917-1991».

19
Жизнь и судьба

Владимира Сандлера

В1967 году ленинградский литературовед Владимир Сандлер предложил Приволжскому книжному издательству рукопись о жизни и творчестве не очень-то хвалимого в ту пору Александра Грина. Будущая книга была написана полностью по архивным материалам и открывала неизвестные периоды жизни писателя.

Когда Сандлер приехал в Саратов для подготовки рукописи к печати, он рассказал мне, как ему удалось добыть такое множество архивных документов. Тогда, как, увы, и по сей день, наши ученые вынуждены как в старину просто переписывать материалы из архивов и музеев: раньше можно было хотя бы переснять очень ограниченное число документов за умеренную плату, сегодня же за ксерокопии дерут безумные деньги. Как мне говорил один знакомый филолог, это на диком Западе в архивах и библиотеках тебе сделают столько копий, сколько тебе нужно, и охочие до наживы капиталисты ни копейки не возьмут.

Сандлер нашел способ, как обойти эти советские, увы, не временные трудности. Он великолепно владел фотоаппаратом и переснимал тысячи страниц неизвестных текстов; благо в то время брали недорого за разрешение на съемку.

У меня Сандлер взял для пересъемки давно ставший раритетом знаменитый «Мой временник» (1929) выдающегося историка литературы Бориса Михайловича Эйхенбаума; книга была выстроена как журнал одного автора. А мне Владимир Иванович дал почитать книги двух белоэмигрантских писателей: сатирика Дона Аминадо «Поезд на третьем пути» (первое издание: Нью-Йорк, Издательство имени А.П. Чехова, 1954) и воспоминания поэта Николая Оцупа. Надо ли говорить, как я был благодарен Сандлеру за эти книги, открывшие для меня во многом незнакомый мир.

Его же рукопись о Грине была сдана в Саратовскую типографию № 1 и пошел не очень скорый по тем временам производственный процесс. Уже была получена вторая верстка, даже у самой ретивой местной цензуры никаких идеологических сомнений не возникло, и монографию о Грине вот-вот должны были подписать в печать.

Но летом 1969 года партия засылает в Приволжское издательство нового директора - партийно-комсомольского номенклатурщика Виталия Колчина. В литературе он разбирался не ахти как, ну никак не мог отличить давно умолкнувшего Есенина от никогда не умолкающего Евтушенко (оба на Е!), зато малейшую крамолу чуял там, где она водилась, и даже там, где ее и в помине никогда не было.

Он-то и начал выискивать хоть какой-нибудь компромат в монографии о Грине. И как не найти, если так хочется! Писатель в 1905 году, оказывается, связался не с верными большевиками, а с неверными социалистами-революционерами, то есть с эсерами. Ну как же можно простить этакий проступок!

Колчин вызывает меня и строжайше вопрошает: с какими такими эсерами путался Грин: с левыми – это куда еще не шло, или с правыми – это совсем худо? Тщетно пытаюсь втолковать ошалевшему от безумной бдительности начальнику: в 1905 году еще не было ни левых эсеров, ни правых; партия социалистов-революционеров раскололась лишь в 1917 году. Чтобы спасти книгу, предлагаю вставить ленинскую испепеляющую брань на всех эсеров на свете.

Но убедить, а тем паче переубедить директора - затея абсолютно бессмысленная. Он исподлобья смотрит на меня – явно как на последыша эсеров, давно изведенных советской властью. Заручившись одобрением Росглавиздата, где восседали такие, как он, знатоки литературы, приславшие погромную рецензию критика из «Комсомольской правды», того самого, принявшего сонет Шекспира за графоманское творение сегодняшнего автора, Колчин приказывает рассыпать набор монографии Сандлера.

Мне удалось в типографии достать верстку рукописи и послать автору – на память о нашей так печально закончившейся издательской эпопеи.

Но через три года интереснейшая книга о Грине все же пробилась в печать. Разумеется, не в Приволжском, а в Ленинградском издательстве (Лениздате), где больше знали толк в русской литературе, чем московские и саратовские гончие. Монографию «Воспоминания об Александре Грине» Сандлер прислал мне в подарок.

Мы несколько лет переписывались с Владимиром Ивановичем, как вдруг – в нашей стране очень часто бывает это самое «вдруг» - из Ленинграда перестали приходить письма. Я недоумевал – что же могло случиться? Только не увидав в обстоятельной библиографии Грина ни одного упоминания о трудах Сандлера, догадался: либо ему пришлось добровольно уехать на Запад, либо не столь добровольно – на Восток. Мои петербургские знакомые, которых я расспрашивал об авторе капитальных работ о Грине, ничего не могли рассказать о Сандлере.

Лишь совсем недавно, прочитав воспоминания Елены Боннэр «До Дневников» (Знамя. 2005. № 11), я узнал о дальнейшей судьбе Владимира Сандлера.

… Как известно, вольный поэт Семен Липкин долгие годы хранил рукопись великого романа «Жизнь и судьба» своего друга Василия Гроссмана. Это была копия романа, которую друзья спасли от агентов КГБ, когда их «черный ворон» рыскал по Москве, заглатывая не только все экземпляры, но даже черновики и копирки, оставшиеся после перепечатки рукописи.

В конце 1974 года Липкин попросил Владимира Войновича передать на Запад рукопись романа. Войнович переснял копию своим «Зенитом», понимая, что не удалось добиться хорошего качества. Тогда писатель обратился к Елене Боннэр.

В квартире Елены Георгиевны она сама, Андрей Сахаров, известный диссидент Андрей Твердохлебов трое суток фотографировали роман Василия

Гроссмана. Помогала им мать Елены Георгиевны: она следила за тем, чтобы не пропустили ни одного листа, и еще успевала кое-что читать.

Через некоторое время на радиостанции «Свобода» началось регулярное чтение книги, арестованной в Советском Союзе в феврале 1961 года – в самый пик так называемой хрущевской оттепели. Книги, которую серый (и впрямь серый) кардинал Суслов посулил автору издать через двести – триста лет!

Но отдельное издание романа на Западе почему-то не выходило.

Тогда Владимир Войнович, как он напишет Елене Георгиевне 17 апреля 2004 года, «в 1979 году попросил Липкина дать мне рукопись снова, нашел ленинградского самиздатчика Владимира Сандлера (сейчас он живет в Нью-Йорке), и тот на замечательной самодельной аппаратуре и наилучшим образом переснял текст. После этого я позвал к себе свою знакомую, австрийскую славистку Розмари Циглер, в ее надежности у меня сомнений не было. Я объяснил ей, в чем дело, сказал, что это выдающийся роман, который надо не только передать на Запад, но и найти издателя. В этот раз рукопись перевез на Запад австрийский атташе по культуре Йохан Марте. Он передал ее Эткинду и Симе Маркишу, а те расшифровали пленку и напечатали книгу в издательстве ”Ляш Дом”».

Так благодаря бесстрашию и изобретательности диссидентов, среди которых был и мой хороший петербургский знакомый Владимир Сандлер, гениальный роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», где философски осмыслялись трагические страницы отечественной истории, а германские национал-социалисты уравнивались с советскими коммунистами, вырвался на волю из чекистского плена, прорвался к читателям всего мира. Сегодня это настольная книга для всех, кому дорога судьба России, судьба ее свободы.

20
«Левее кадетов, но правее эсеров»

Если об идейных уклонах и шатаниях хоть что-то, да писали изредка газеты, то о тех, кто пытался активно выступать против коммунистического режима (кроме самых известных диссидентов), обычно даже не упоминалось в советской печати. Участники подпольных групп и кружков после закрытых (фактически) судов исчезали в тюрьмах и лагерях. Об их «преступлении и наказании» почти никто ничего не знал. Так власти создавали и могучей пропагандой поддерживали иллюзию о полнейшей идейно-моральной гармонии, царящей в советском обществе.

После кропотливых поисков Александру Романову, одному из организаторов «Группы революционного коммунизма», удалось многое узнать о подпольной деятельности в Саратове. А сколько ценных материалов на эту секретную тему наверняка хранится в архивах КГБ, закрытых по сей день для историков и журналистов!

Большинство советских граждан, под влиянием фильмов и книг о всевидящих героях невидимого фронта, уверовали, что тайная полиция знает все, и даже больше, чем следует. Только-только ты мысленно чуток уклонился от генеральной линии, а тебя хвать – и в Серый дом: объяснись, дружок! И уж, конечно, никаких нелегальных кружков не было и быть не может в социалистической державе. Однако ж были.

В 1952 году студент Саратовского юридического института Зиновий Троицкий создает вместе с однокурсниками подпольную группу, куда вошло пять человек, в их числе – его будущая жена Лида. Не по учебной программе изучали марксистскую литературу, отвергали сталинский вариант социализма, определяли советскую систему как государственно-монополистический капитализм.

Группа разделяла идеи социал-демократии, разгромленной уже в первые годы советской власти: социализм без бюрократической тирании. Под руководством Троицкого студенты подготавливают программу своей группы. В этом документе, как потом будет сказано в приговоре по делу Троицкого, «давалась клеветническая оценка государственному и общественному строю СССР как с политической, так и с общественной точек зрения, отвергалась марксистско-ленинская теория строительства коммунизма в СССР…» Позже Троицкий переходит к демократической концепции: «левее кадетов, но правее эсеров», как он говорил полушутя.

В 1958 году Троицкий и его единомышленники распространяют в Саратове листовки. Но и после этого кагэбэшники ничего не знают о подпольном кружке.

Когда в 1961 году был опубликован проект очередной программы КПСС, той самой, которую народ окрестил самым длинным советским анекдотом (этот анекдот тогда чуть не ли открыто гулял по Саратову), группа Троицкого оценила ее как новую кремлевскую утопию.

В декабре того же года Троицкий и Егоров изготовили около 20 листовок, где разоблачали агрессивную внешнюю политику советских правителей, писали о нищенской жизни вечных строителей коммунизма. В ночь с 25 на

26 декабря Троицкий, Петров и Егоров расклеивают листовки на общественных зданиях города, оставляют их в будках телефонов-автоматов, бросают в почтовые ящики жителей. Троицкий распространяет листовки и в июле 1963 года.

В середине 60-х годов жена Троицкого начала увлеченно изучать язык эсперанто, гонимый тогда в Советском Союзе; «Заре молодежи» запретили в те годы напечатать статью о саратовских эсперантистах.

Один из зарубежных корреспондентов предложил Лидии познакомиться с программой Народно-трудового Союза российских солидаристов. Она, посоветовавшись с мужем, кандидатом юридических наук, просит прислать этот опаснейший документ, позабыв, сколь надежно в стране победившего социализма охраняется тайна переписки.

Программа НТС, безоговорочно отвергавшая коммунистический режим и предлагавшая свой путь для создания демократического общества, дошла и до Перми, куда Троицкие приехали по распределению. Группа, в которую входили выпускники Саратовского юридического института, программу прочитала, обсудила и в основном одобрила.

Вскоре в квартиру Троицкого нагрянули чекисты. Первый вопрос: где программа НТС? Зиновий мог бы спокойно ответить, что ее выбросил, вряд ли бы оперативники нашли документ, спрятанный в елочную хлопушку. Но, опасаясь повального обыска, когда все будет перевернуто и перебито, он сам отдал программу.

Троицких судили в 1965 году. Зиновий был приговорен к 6 годам заключения, Лидия – к 3 годам. Остальные участники группы проходили по делу как свидетели. Опять тот же принцип: разделяй и властвуй!

Зиновий Троицкий умер в сентябре 1990 года.

21
Узник Гитлера-Сталина-Хрущёва-Брежнева

В том же 1952 году подпольная группа, разделявшая программные установки Народно-трудового Союза российских солидаристов, была создана в лагере Инта Коми АССР. Её организовали Евгений Дивнич, не скрывавший своего дворянского происхождения, шесть лет был председателем правления НТС, Игорь Ковальчук-Коваль, входил в Манчжурии в Народно-трудовой союз нового поколения, Борис Оксюз-Бакулин, в Софии вступил в болгарское отделение НТС, дважды судимый по 58 статье.

Они привлекли в организацию слесаря на шахте Николая Житкова, механика из Саратова Александра Околёснова, шумного и весёлого спорщика, похожего, по крайней мере, судя по фотографии, на антикоммунистического повстанца - главного героя знаменитого польского фильма «Пепел и алмаз». Александр всё допытывался у одного из зэков: долго ли проживёт великий и мудрый? Получив ответ: «Люди у власти, Саша, чьё желание, любое желание исполняется мгновенно, стареют быстрее прочих смертных. И умирают быстрее. Но данном случае это нам не поможет…»; Околёснов заметил: «Что было, видели, что будет, увидим».

Едва оказавшись на свободе после смерти усатого тирана, Александр снова задумывается о нелегальной деятельности.

Поэт Леонид Ситко формально не был членом НТС, его считали сочувствующим солидаристам, стал одним из самых активных участников группы. Ситко сидел и в гитлеровских лагерях, и в сталинских, и в хрущёвских, и в брежневских: в СССР его дважды приговаривали к лишению свободы по 58 статье[82].

Три года провел Леонид в лагерях для остарбайтеров в Гамбурге, Крюммеле и Любеке. Вернувшись в СССР, три года служил в стройбате. В 1948 году Ситко арестовали по ложному доносу и дали 25 лет за измену родину.

Члены организации распространяли программу НТС, расклеивали листовки, писали антикоммунистические воззвания и стихи, искали возможность установить связь с зарубежным центром НТС[83].

Уже в лагере, после двух лет отсидки, Ситко опять судили – на этот раз по 58 статье, за создание тайника, где хранились рукописи заключенных.

---

[82] См. : *Ситко Леонид.* Дубровлаг при Хрущеве // Новый мир. 1997. № 10. С. 142-166. *Он же.* Роза ветров ГУЛАГа. Записки политзаключённого. М.: Бонфи. 2004. 374 с.

[83]См.:58-10. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953 – 1991. С. 538.

…Три года Леонид Ситко жил на свободе, или в большой зоне, как называли зэки территорию по ту сторону колючей проволоки. А в 1959 году за ним опять пришли лубянские соколики. Тогда же арестовали Дибича, Ковальчука-Коваля, Оксюза-Баулина, Околёснова, Житкова..

Околёснов, признав, что в лагере была организация НТС, категорически отрицал свою антисоветскую деятельность в Саратове. Как почти все подсудимые, Александр давал показания только о себе и ни разу о других.

Забавный диспут о самом передовом общественном строе провел Ситко с чекистскими эрудитами: они-то были абсолютно убеждены, что коммунизм «восторжествовал в нашей стране навсегда.

- Навсегда? – переспросил я. – То есть до окончания мира?

- А мир никогда не кончится. Он будет всегда.

- Что ж, национал-социализм был скромнее, строя великий рейх на тысячу лет. А вот один ученый предрек, что в конце концов нашу землю ждет катастрофа, исчезнет и земля, и все, что на ней.

- Какой-нибудь западный профессор?

-Ученый в самом деле жил на Западе. Имя его Энгельс, книга – “Диалектика природы”»[84].

Можно вообразить, как гэбисты кинулись искать у основоположника эту тривиальную истину.

Леонид на суде опроверг все лубянские обвинения: «Никакой антисоветской организации ни в лагере, ни тем более на воле не было и не могло быть. То, что обозначено в протоколах дела как организация - миф, игра и жонглирование словами… В лагере люди собирались иногда выпить чаю, вспомнить прошлое, поболтать о том, о сём, обменяться книгами. Это организация? Тогда нужно пересажать весь Минлаг. Литовцы сходились петь песни, украинцы – вспомнить Украину, русские – поговорить о Пушкине или Толстом. Только сумасшедший или злонамеренный человек увидит в этом преступное действие. Это в лагере. Посмотрите, чем жили мои товарищи на воле. Разъехались, кто куда, устроились работать, переженились, появились дети. Это что, заговор? Или укажите хоть одно преступное наше деяние на воле. Вы его не назовете. Его просто нет. Однако людей похватали, “обработали” на следствии и с серьезным видом передали вам, уважаемые граждане судьи. Тем самым разбили семьи, осиротили детей и жён, принесли на землю горе. Кто же здесь настоящие злодеи, настоящие преступники – мы или они?»[85]

Советский суд, самый демократический в мире – в самое оттепельное время, когда Хрущёв вещал всему миру, что в СССР нет никаких политических заключённых, приговорил Дибича, Оксюза-Баулина, Ковальчука-Коваля – к 10 годам лишения свободы, Ситко – к 7 годам, Житкова – к 3 годам, Околёснова – к 3 годам условно.

Леонид Ситко отсидел весь срок. Вышел он из лагеря уже при Брежневе.

---

[84] *Ситко Леонид.* Роза ветров ГУЛАГа. Записки политзаключённого. С. 301.
[85] Там же. С. 307.

22
«Выхожу один я на дорогу…»

Трудно решиться на активное сопротивление, даже когда с тобой рядом друзья. Еще тяжелее – когда ты в одиночку пытаешься бороться с тиранией.

«Я полагаю, мне было тяжелее, чем другим, у них были друзья, сообщники, а я один, и моя семья после ареста оказалась во враждебном буквально окружении, был пущен слух, что я шпион и так далее», - из письма Владимира Кузюкина Александру Романову.

Владимир Кузюкин, кадровый военный, окончивший в Саратове среднюю школу, был и Венгрии в 1956 году, и в Чехословакии в 1968 году. И все видел сам. Как освобождали народы от свободы, от права жить по-своему. Как прямой наводкой уничтожали здания, откуда раздавался (а может, и не раздавался) хоть один выстрел. Как танками давили безоружных людей. Как сотни тысяч венгров, чехов, словаков бежали на Запад, спасаясь от армии освободителей. Как один житель Праги уточнил интернациональный клич «Пролетарии всех стран соединяйтесь!», украшавший броню советского танка: «А не то всех перестреляем!».

Кузюкин убеждался: трагическая реальность и мажорная пропаганда никак не стыковались, они были в разных системах измерения, в разных мирах. Тайком от сослуживцев он слушает «Голос Америки», «Свободу», Би-би-си, «Немецкую волну», те самые голоса, которые для советских граждан были главным источником информации не только о событиях в мире, но и в своей собственной стране. Ищет книги честных писателей, читает самиздат.

Летом 1969 года капитан Кузюкин, он тогда служил в советских частях, стороживших ГДР – форпост всего социалистического лагеря, получив отпуск, едет в Советский Союз. В Бресте, Москве и Саратове он распространяет листовки, написанные им в ГДР. В Саратове Владимир разбросал шесть или семь экземпляров. И лишь один экземпляр, из Дома книги, 22 июля оказался в соседнем Сером доме. Видно, далеко не все хотели исполнять роль добровольных стукачей.

Тогда для Кузюкина все обошлось благополучно. Только позже его арестовали и судили по 70 статье. В приговоре Кузюкин обвинялся в том, что под влиянием прослушивания враждебных радиопередач он изготовил несколько листовок, содержавших клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Разумеется, в приговоре никак не расшифровывались эти клеветнические измышления, дабы не пропагандировать чуждые нам взгляды, не повторять злобные наветы врагов.

Владимир Кузюкин умер в 1997 году.

23
«Теплов когтил и свидетелей, и родителей, и нас»

Их молодость совпала с концом хрущевской оттепели и с новой серией политических процессов, с протестами интеллигенции и с горящими брежневскими танками на улицах оккупированной Праги. Они читали «Новый мир» и самиздат, слушали вольных бардов и западные радиоголоса. Они ненавидели Сталина и сталинизм, но еще верили в Ленина и в ленинизм.

В первой стране победившего социализма, где чуть не с детского сада забивали головы марксистско-ленинской премудростью, где день начинался и кончался песнями и плясками в честь бессмертного дела и тела Ильича, мало кто серьезно изучал труды основоположников самого верного в мире учения, довольствуясь необходимой для сдачи очередного экзамена обоймой хрестоматийных цитат и последними политброшюрами. Вряд ли даже все преподаватели знали немного больше.

Студент Саратовского юридического института Олег Сенин прочитал полностью сочинения Маркса – Энгельса, 55 томов Ленина, Поля Лафарга, Карла Каутского, всю библиотеку общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, произведения декабристов. Потом советские судьи никак не могли взять в толк, как можно с фотографической точностью цитировать вождя мирового пролетариата: том, страница, абзац. И ни разу не ошибиться!

Друзьям, знакомым Олег без устали советовал: не задавайте преподавателям острых вопросов, они все равно уйдут от прямого ответа; лучше читайте ленинские труды, там вы найдете ясные ответы на все вопросы сегодняшнего дня.

Сенин пришел к убеждению: идеалы Октябрьской революции были преданы советскими руководителями, в стране построен не социализм, а государственный капитализм, правящий класс – бюрократия, остальное население – эксплуатируемый класс; надо создавать подпольные кружки, потом объединить их в партию, а та и подготовит новую социалистическую революцию.

В 1966 году Сенин создает в юридическом институте подпольный кружок, а через год организуется «Группа революционного коммунизма» (когда-то была саратовская партия революционных коммунистов – фракция, разошедшаяся с левыми эсерами), куда входят студент исторического факультета СГУ Александр Романов[86], студенты юридического института Валентин Ки-

[86] В 1965 году десятиклассники Саша Романов и Сергей Токарев усомнились в смысле деятельности ленинского комсомола и послали критическое письмо в ЦК ВЛКСМ: по их мнению, «в руководящие органы комсомола нередко приникают случайные люди, которые комсомольскую работу превращают в заседательскую в заседательскую суетню и бюрократическую передачу бумажек вверх и вниз». Метко подмечена самая суть одного из так называемых приводных ремней коммунистического режима. Школьникам бодро от-

риков и Юрий Ионов, выпускник физического факультета Дмитрий Куликов, студент медицинского института Георгий Федоров. История этой группы подробно рассказана в воспоминаниях Александра Романова «Время собирать камни» (Волга. 1996. № 5-6).

Их идейным путеводителем была книга «Государство и революция», та самая «синяя тетрадь», сочинявшаяся пролетарским вождем в Разливе. В книге с арифметической ясностью доказывалось: после экспроприирования капиталистов, после свержения буржуазии никакой бюрократии больше не будет, потому что все чиновники станут выборными, да еще сменяемыми в любое время, их зарплату сведут к среднему рабочему уровню…

Не вписал, правда, проектировщик коммунистического царства в «синюю тетрадь» ничего о ЧК, о всеобщей трудовой повинности, массовых расстрелах заложников, продотрядах, разгоне всех партий, кроме своей собственной, и о прочих прелестях нового мира.

Студенты сравнивают заманчивые обещания с советской реальностью, где все тотально контролируется партийным аппаратом, где у обкомовского секретаря куда больше власти, чем у любого губернатора и даже самого императора. Участники группы перепечатывают и распространяют письмо Раскольникова Сталину, письмо Солженицына IV съезду советских писателей, материалы процессов Синявского и Даниэля, Гинзбурга и Галанскова. Статью Андрея Сахарова «О прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» - первое общественное выступление выдающегося ученого – переводят с записи радиопередачи, которая велась на английском языке.

Внимательно следят практически за всей текущей периодикой, выбирая материалы для своих статей на политические и экономические темы. Изучают малодоступные тогда стенограммы партийных и коминтерновских съездов 20-х годов, где велись еще яростные споры (разумеется, не выходившие из русла коммунистической идеологии), где можно было вычитать о росте бюрократизма в стране, об усилении государственно-капиталисти-ческих тенденций и о формировании нового класса (конечно, в ту пору этого термина еще не было: первым проанализировал суть коммунистической бюрократии Милован Джилас в своей пророческой книге «Новый класс»).

Из Рязани, где еще раньше была создана подпольная группа такого же направления, привезли фотокопию текста, написанного чертежным шрифтом, объемом примерно 80 страниц: «Закат капитала» Л. Борина. Как потом узнали, ее автором был Юрий Вудка, студент рязанского радиотехнического института. В одной из глав рукописи живо описывалась история страны с 1917 года до начала 60-х годов; говорилось, что робкие попытки косыгинских реформ нисколько не меняют сути системы, что надо отказаться от жестокой централизации и перейти к самоуправлению. Рязанская группа попы-

---

ветил комсомольский аппаратчик (См.: *Елизаров Н.* Как обостряется вопрос // Молодой коммунист. 1965. № 11. С. 35-37).

талась установить связь с Александром Солженицыным и Львом Копелевым, зубрами оппозиции, как позже окрестят их кагэбешники [87].

Романов, Кириков и Куликов пишут рецензию «О работе Борина ”Закат капитала”». Полностью принимая критику советской бюрократической системы, они, однако, сомневаются: не приведет ли схема, предложенная автором «Заката капитала» к торжеству олигархического капитализма? (Ну как в воду смотрели!) Рецензию переправляют в Рязань, а оттуда весной 1968 года получают около 10 статей о различных аспектах жизни советского общества. Постоянные контакты поддерживала группа и со своими единомышленниками из Петрозаводска.

И в Рязани, и в Саратове, и в Петрозаводске десятки молодых людей, формально не входивших в нелегальные кружки, читали и обсуждали политические статьи, передавали их друг другу. И не нашлось среди них ни одного доносчика!

Да и конспирация была превосходной. Участники саратовской группы не посвящали друг друга в подробности личной жизни, своей биографии. Встречались, как правило, в парках, скверах, за городом, реже – на квартире у Александра Романова.

КГБ удалось выйти на след «Группы революционного коммунизма» лишь после того, как один из участников рязанского кружка пришел в органы с повинной. В конце августа 1969 года арестованы Олег Сенин, Александр Романов, Валентин Кириков, Виктор Бобров, Дмитрий Куликов. Михаила Фокеева взяли в конце ноября.

Следствие вела группа из 18 человек, то есть на каждого обвиняемого – по три обвинителя: среди них саратовцы Проданов и Мартемьянов (через год они будут накручивать дело о самиздате), Хамидуллин, приглашенные следователи из Перми, Сибири и Белоруссии (местных-то не хватило!). Допрашивалось, кроме обвиняемых, около 70 свидетелей, а при социалистической законности грань между свидетелем и подсудимым едва уловима. Михаил

---

[87] Н. А. Решетовская вспоминает о визите к Александру Исаевичу трех студентов: «Интересовавшие их вопросы касались политики, социологии. В это время муж не хотел вмешиваться в политику.

- Мое дело писать книги, - говорил он. – А выводы из них пусть делают другие.

И даже посоветовал студентам, с кем бы побеседовать».

Потом Солженицын признался Решетовской, что у него осталось чувство недовольства собой: не мог ответить студентам на мучившие их вопросы. ”А ведь он еще и учитель, привык быть авторитетом! Недовольство беседой не давало покоя. Поразмыслив, Александр Исаевич написал ”Ответ трем студентам”» (*Решетовская Н. А.* Александр Солженицын и читающая Россия. М.: Советская Россия. С. 328). По мнению Александра Романова, это были посланцы рязанской подпольной группы.

В апреле 1968 года к Льву Копелеву пришли «два тощих мальчика, один - черный, остроносый, губастый, насупленный, говоривший скупо, уверенный в своей гениальности. Второй - светлый, курносый, нервно-суетливый, почтительно взирал на товарища.

- Нас направил к вам Александр Исаевич Солженицын. Мы были у него, показали ему некоторые наши документы. Мы – марксисты-ленинцы, и он сказал, чтобы мы обратились к вам, потому что вы тоже марксист-ленинец а он лично придерживается идеалистических взглядов и вообще политически не заинтересован, а только по линии художественной» (*Орлова Р. Д., Копелев Л .З.* Мы жили в Москве.1956-1980. М.: Книга. 1990. С. 222). Как считает Александр Романов, первый мальчик это был Юрий Вудка, а второй , скорее всего, Евгений Мартимонов. Копелеву они показали программный документ своей группы – «Закат капитала».

Фокеев наотрез отказался написать покаянное письмо, отказался быть свидетелем на процессе. Ну что же, тогда переведем вас в разряд обвиняемых.

Многие пункты обвинения были явно надуманы. Скажем, студентам инкриминировалось распространение письма Федора Раскольникова Сталину, хотя всего несколько лет назад, когда враг народа Раскольников вновь превратился в героя Октября и гражданской войны, большие цитаты из этого письма публиковались в советской печати.

Следователи во время допросов позволяли себе такие шуточки. Один скромно говорит: «Мы - бюрократы». Другой парирует: «Нет, мы не бюрократы, мы – цепные псы бюрократии».

Эрудиция цепных псов бюрократии была прямо-таки восхитительна. По глубокомысленному мнению следователя из братской Белоруссии, в Советском Союзе нет никакой проституции, а есть только разврат. А его столь же подкованный коллега доказывал, что ошибки Робеспьера привели к падению Парижской коммуны! Да какой там спрос с замученных тяжелой неволей, простите, работой следователей во имя спасения родины, когда главнейший парторган страны к столетнему юбилею Парижской коммуны на весь мир торжественно протрубил, что тогда-то народ и взял штурмом ненавистную Бастилию!

5 января 1970 года открывается областной суд. Заседание формально открытое, но вход только по пропускам; сотрудники госбезопасности не пускают группу студентов.

Особенно усердствует судья Теплов. Как позже скажет Олег Сенин, «это был средневековый процесс! Теплов когтил и свидетелей, и родителей, и нас».

В городе говорили, что чекисты добивались признания подсудимыми своей вины, обещая мягкий приговор. Но суд выдал им сполна по 70 статье: Сенин получил 7 лет тюрьмы и 2 года ссылки, Кириков – 6 лет тюрьмы и 2 – ссылки, Романов – 6, Куликов – 5, Бобров – 4, Фокеев – 3. Многих, проходивших свидетелями, исключили из комсомола и повыгоняли из вузов «за недонесение».

Информацию о процессе, с некоторыми неточностями, напечатает «Хроника текущих событий» (№ 12): *«Суд был организован по образцу аналогичных московских процессов (специально приглашенная публика, немногочисленные родственники). Около суда была толпа, в основном молодежь, - 100-150 человек».*

В 1986 году сам министр юстиции СССР Б. Кравцов возвестит в журнале с удивительным названием «Социалистическая законность»: *«За грубые нарушения закона, повлекшие осуждение невиновных, досрочно отозваны председатель судебной коллегии по уголовным делам Саратовского областного суда Теплов, член то же областного суда Друзин…»*[88].

---

[88] *Кравцов Б.* Укреплять правовую основу государственной и общественной жизни // Социалистическая законность. 1986. № 6. С. 10.

Правда, в том же году тот же журнал уточнит: Теплов *«освобожден от занимаемой должности в связи с уходом на пенсию (до истечения срока полномочий согласно личной просьбе). Но в работе Теплова в качестве одного из руководителей областного суда действительно были серьезные недостатки. В частности, коллегия Министерства юстиции РСФСР при рассмотрении о нарушении социалистической законности Саратовским областным судом по делу Шепелева в решении от 18 апреля 1984 г. указала, что Теплов, непосредственно осуществлявший организационное руководство судебной коллегией по уголовным делам, не уделял должного внимания воспитанию членов суда в духе строгого соблюдения законности, принципиального и взыскательного отношения к делу. Под председательством члена областного суда Друзина суд необоснованно осудил Шепелева за совершение тяжкого преступления. Однако принципиальной оценки этому грубейшему нарушению закона дано не было».*[89]

В переводе с министерского языка на общедоступный сие означает: много лет вершили дела в Саратовском областном суде по своему разумению, по своему хотению.

Бывшего судью возьмут на кафедру уголовного права юридического института, чтобы он передавал студентам свой богатый опыт «строгого соблюдения социалистической законности». В годы перестройки Теплов подаст в суд на газету «Совфакс», посмевшую его обвинить в том, что во время процесса над участниками «Группы революционного коммунизма» он угождал обкому партии.

В 1989 году и.о. заместителя председателя Верховного Суда РСФСР А. Меркушов признал приговор 1970 года «обоснованным», потому что Романов и его друзья «занимались пропагандой идей, направленных на подрыв и ослабление советской власти, являлись членами антисоветских групп, распространяли клеветнические измышления, порочащие советский государственный строй, а также распространяли и хранили документы того же содержания».

Реабилитировали их позже Николая Бухарина – лишь в июне 1990 года.

[89] Поправка //Там же. № 11. С. 68.

24
«За горло взяла КГБ ручища…»

На процесс «Группы революционного коммунизма» кагэбешники доставили как свидетеля – уже осужденного по 70 статье! – Александра Учителя. Его, студента историко-филологического факультета Петрозаводского университета, привлек к деятельности оппозиционных групп Олег Сенин. Александр читал и распространял самиздатовскую литературу. Разветвленную группу создать не успел, так как был скоро арестован.

Александра Учителя судили еще до января 1970 года: его приговорили к 4 годам лагеря.

После суда преподаватели Петрозаводского университета обратились к властям с просьбой: передать им талантливого студента, отлично знавшего английский и карельский языки (а в лагере он еще выучит эстонский, литовский, латышский, иврит) на поруки. На такой поступок никогда не отваживались их саратовские коллеги.

Сейчас Александр работает на кафедре древней истории Иерусалимского университета.

После саратовского суда, о котором газетах не было ни строчки, чего только не говорили в городе. Мол, студентов финансировало ЦРУ, у них было оружие, собирались прихлопнуть главного идеолога Суслова, припрятали радиостанцию, наладили связь с НТС. Кое-что граждане сочиняли самостоятельно, вспоминая советские боевики о врагах народа; кое-что придумывали кагэбешники: вот каких они выловили опаснейших злодеев!

Разумеется, никто из серьезно думающих не верил этой галиматье, ибо слишком хорошо было известно об инсценировках политических процессов в СССР. До суда по городу распространялась листовка:

За горло взяла КГБ ручища,
Но всех не задушишь – нас сотни, нас тыщи!

Почти сорок лет не было ничего известно, кто сочинил и расклеивал эту прокламацию.

…В мае 2006 года художник Юрий Сурин за два дня до смерти успел рассказать Александру Романову о том, как появилась эта листовка [90]. Его рассказ во многом дополнила сотрудник биологического факультета университета Ксения Федотова.

Зимой 1970 года в квартире тогдашнего ректора университета Р. В. Мерцлина собрались друзья: внук ректора - студент художественного училища Роман (будущий знаменитый художник), его сестра - студентка биологического факультета СГУ Ксения, студенты художественного училища Юрий Сурин и Алла (вскоре выйдет замуж за Романа), одноклассник Романа, студент физического факультета СГУ Александр Ямцов. Софью Власьевну

[90] См.: *Романов Александр.* Хроника инакомыслия // Богатей. 2006. № 26. 13 июля. С. 3.

(псевдоним советской власти) здесь явно не жаловали, читали запрещенные книги Солженицына, Булгакова и прочих таких же авторов. Никак не могли взять в толк, почему львиная доля учебного времени уходит на схоластику так называемого марксизма-ленинизма.

Говорили в тот вечер об арестованных студентах, возмущались наглым произволом властей. Никто из друзей не был знаком с обвиняемыми, но все ясно понимали, что судить их будут не за какие-то там преступления, а за поиск правды, за то, что они не ходят шагать в ногу с партией и правительством.

Кто-то предложил: а давайте-ка выпустим листовку! Покажем им, что мы не молчалины и не молчальники, что даже в коммунистической империи можно протестовать против беззакония. Идея всем понравилась. Нашли несколько листов ватмана среднего размера, Александр Ямцов придумал текст, подготовили трафарет, по которому Ксения писала буквы красной и серой краской.

Где-то в двенадцатом часу ночи пошли к университету. Пока Ксения стояла «на стреме», остальные быстро наклеили листовки, вернее, плакаты, на все четыре университетские ворота. Как Роман потом скажет Алексею Трубецкому, его пальто было запачкано клеем. Пришлось пальто выбросить, как слишком явную улику.

Утром, когда пришли на занятия, плакатов уже не было. Но позже выяснилось: кто-то из студентов успел все-таки их прочесть.

Кагэбешники, конечно, всполошились, начали рыскать по городу, но авторов этой возмутительного плаката так и не нашли. Как вспоминал историк В. В. Пугачев, начальник секретного - так называемого первого отдела СГУ полковник П. Назарюк суматошно метался по университету в поисках экземпляров смертельно опасного плаката. Когда через несколько лет Дмитрий Куликов вернется из лагеря, следователь Поканевич продолжал любопытствовать: а не знает ли Дмитрий авторов плаката? Так им хотелось прицепить еще одну звездочку на погоны!

Известный кардиолог Игорь Шварц (через год его будут вызывать в КГБ по делу о самиздате) собирал сведения о суде, о приговоре. Вероятно, Игорь и переслал информацию в «Хронику текущих событий», где о саратовском деле были напечатаны сообщения в № 12.

В те дни, когда в городе узнали о процессе над «Группой революционного коммунизма», двадцатитрехлетний Валерий Белохов, выпускник саратовского авиационного техникума, первокурсник-заочник исторического факультета СГУ, решает создать подпольный кружок. Белохов подготовил и перепечатал «Программу социалистического прогрессивного союза», «Досье на партию», «С чего начать», где призывал к созданию новой партии в противовес изолгавшейся КПСС.

Валерий Белохов, Иван Стоценко, Иван Козлов и еще восемь человек объединились в «Союз прогрессивного социализма». Они разделяли позиции

правой социал-демократии, были сторонниками шведской модели социализма.

Союз выпустил первый номер, он же оказался и последним, журнала «Время перемен». На обложке – профиль Ленина. Белохов надеялся таким способом увлечь более широкий круг читателей, тех, кто сверял новые веяния с ленинским учением: им легче было бы воспринять иные идеи, иной взгляд на советскую действительность.

Подпольщики задумали создать первую в Саратове свободную радиостанцию; она должна была действовать в пределах города, рассказывать правду о положении в стране, о противозаконных акциях местных и центральных властей.

Намеченную учредительную конференцию «Союза прогрессивного социализма» провести не удалось. 21 сентября 1972 года Валерия Белохова арестовали.

Инсценировать в Саратове еще один громкий политический процесс партийное начальство не отважилось. Поэтому Белохова судили одного. Приговорили к 5 годам заключения.

В том же 1972 году в Москве были арестованы А. Болонкин и В. Балакирев. Доктор технических наук, преподаватель Московского высшего технического училища имени Баумана Болонкин создал несколько множительных аппаратов и тиражировал труды Солженицына, Авторханова, Бердяева, Конквеста.

Кремлевские власти растревожились: вузы – очаги идейной смуты! И ЦК КПСС принимает грозное постановление «Об усилении идеологической работы в Саратовском университете и Московском техническом училище им. Баумана».

После освобождения Валерий Белохов работал художником – оформителем в трамвайно-троллейбусном управлении.

Умер 21 января 1987 года, на 40-м году жизни.

25
Большая идеологическая охота 1971 года

У советской сверхдержавы для пропаганды самых передовых идей были всё: издательства, типографии, журналы, газеты, радио, телевидение, не говоря уж о почте и телеграфе. А у тех, кто хотел узнавать и распространять иную информацию, ничего, кроме пишущих машинок. Однако, как сказано Александром Галичем,

«Эрика» берет четыре копии,
Вот и все, и этого достаточно.

До советских вождей докатило: неконтролируемый многоголосый самиздат побеждает официальную пропаганду. Главарь КГБ Ю. Андропов, один из главных организаторов подавления венгерского национально-освободительного движения в 1956 году и разгрома «Пражской весны» в 1968 году, 21 декабря 1970 года трубит боевую тревогу: *«Анализ распространяющейся в кругах интеллигенции и учащейся молодежи так называемой ”самиздатовской” литературы показывает, что ”самиздат” претерпел за последние годы качественные изменения. Если пять лет назад отмечалось хождение по рукам, главным образом, идейно-порочных художественных произведений, то в настоящее время все большее распространение получают документы программно-политического характера. За период с 1965 года появилось свыше 400 различных исследований и статей по экономическим, политическим и философским вопросам, в которых с различных сторон критикуется исторический опыт социалистического строительства в Советском Союзе, ревизуется внешняя и внутренняя политика КПСС, выдвигаются различного рода программы оппозиционной деятельности. Во многих документах пропагандируются идеи и взгляды, заимствованные из политических платформ югославских руководителей, чехословацких дубчековцев и некоторых западных компартий». «Центром распространения внецензурных материалов по-прежнему остаются Москва, Ленинград, Киев, Горький, Новосибирск, Харьков». «Комитетом госбезопасности принимаются необходимые меры по пресечению попыток отдельных лиц использовать ”самиздат” для распространения клеветы на советский государственный и общественный строй. На основе действующего законодательства они привлекаются к уголовной ответственности, а в отношении лиц, попавших под их влияние, осуществляются профилактические меры»* [91].

[91] «”Самиздат” претерпел качественные изменения». Записка КГБ при Совете Министров СССР от 21 декабря 1970 г., № 3461-А // Источник. 1994. № 2. С. 77-78.

«Необходимые меры», то бишь попросту облавы и обыски, прокатились по многим городам и весям нашей необъятной родины, в том числе и по Саратову.

Саратовское самиздатовское дело, заверченное в марте 1971 года, любопытно как учебная иллюстрация психопатической боязни властями свободного слова. Не было и намека хоть на какую-то формальную организацию. Никто из нас не призывал к свержению коммунистического режима, хотя никто и не питал никаких иллюзий относительно его подлинной сути. Мы лишь читали Сахарова, Булгакова, Солженицына, Мандельштама, Цветаеву, Пастернака, Ахматову, Платонова, Пильняка, Гроссмана, Набокова, Бердяева, Слуцкого, Ходасевича, Шаламова, Евгению Гинзбург, пародии С. Смирнова и З. Паперного на кочетовский роман «Чего же ты хочешь?», воспоминания Н. Мандельштам, повесть польского писателя К. Брандыса «Осада Гренады», записи судов над Бродским, участниками демонстрации протеста против братского вторжения в Чехословакию, письмо Эрнста Генри Илье Эренбургу, письма Аркадия Белинкова, Лидии Чуковской, Петра Григоренко, материалы из Польши и Чехословакии.

Сегодня это, вероятно, покажется фантастикой, но на машинках перепечатывались с невероятной скоростью не только рассказы, поэмы, статьи, письма, но и романы «Доктор Живаго», «Раковый корпус», «В круге первом», «По ком звонит колокол». Большую рукопись делили на части, потом отпечатанные страницы раскладывали по экземплярам и раздавали друзьям.

С каким изяществом замечательный пианист Анатолий Катц переплетал сборники запрещенных текстов, писал к ним научные комментарии – не для печати, а для себя и своих друзей. Позже сборники будут демонстрироваться как почетные трофеи в музее боевой и трудовой славы КГБ; еще позже арестованные книги куда-то исчезнут, кто знает, не унесли ли их себе на память люди с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками.

Хранителями и распространителями самиздата были преподаватель кафедры хорового дирижирования аспирант консерватории Михаил Белокрыс, Борис Ямпольский (ровно тридцать лет назад - главный обвиняемый по делу школьников и студентов в 1941 году), врачи Сергей и Юрий Штерны, Игорь Шварц, Нина Кахцазова, Зельда Зердина, инженеры Владимир Стрельников, Ян Бурштынович, преподаватель средней школы В. Нульман.

Это были очень разные люди, но их объединяло неприятие оголтелой советской лжи, желание знать правду, желание читать то, что они хотят, а не то, что велит партия. И, надо ли говорить, никто из саратовских самиздатчиков не был в рядах этой самой партии. Большинства из них уже нет в живых.

Юрий Штерн, ассистент Саратовской клиники психиатрии, с середины 60-х годов привозит множество материалов из Москвы и Ленинграда. Перефотографирует в четырех экземплярах! – зарубежное издание «Доктора Живаго» (отечественных изданий этой зловредной книги, напомню, тогда и не было). Штерну удается достать 50 машинописных страниц из первой части «Архипелага ГУЛАГ», за рукописью которого в то самое время безуспешно

охотились Пронины и Штирлицы. Уж за эти опаснейшие листы его наверняка бы посадили.

Деятельным и бескорыстнейшим подвижником саратовского самиздата был Юрий Болдырев – знаток театра и поэзии, успевший в последние годы своей жизни собрать и капитально издать трехтомное собрание сочинений Бориса Слуцкого.

Когда Болдырева назначили директором «Букиниста», захудалый прежде магазинчик (продавцы даже не знали, что у них лежит под самым носом) быстро стал одним из общественных центров города. Сюда захаживали не только за книгами, но и узнать или передать последние политические и литературные новости, на ходу обменяться мнениями. Да и книги Юрий добывал со склада самые-самые любопытные и злободневные, а принимал часто сверх запрещенную литературу – назову хотя бы проклинаемый большевиками до самой кончины советского режима сборник «Вехи».

Благодаря Болдыреву мы едва ли не мгновенно получали из столицы большинство новинок самиздата. Не единожды бывало так. Захожу в «Букинист» и говорю: «А вчера Би-би-си передавала такое-то обращение…». Юра загадочно улыбается и достает аккуратно перепечатанный текст этого обращения.

16 апреля 1971 года в половине шестого вечера прихожу в детскую библиотеку, где Юра работал библиографом, и мне говорят, что он куда-то ушел. Странно: мы же договорились о встрече, а Юра в таких случаях никогда не подводил. Сотрудники его отдела лопочут что-то не очень вразумительное [92]. Чуть позже выяснилось, что его прямо с работы увезли в КГБ, точнее, в областную прокуратуру, где бог весть почему – не конспирации ли ради? - и велись допросы по так называемому самиздатовскому делу. В тот же вечер в эту же контору привезли Бориса Ямпольского и меня.

На многочасовых допросах в КГБ Болдырев брал всю вину на себя (если можно признать виной замечательную просветительскую деятельность), никого не подвел ни в Саратове, ни в Москве, называя лишь тех, кто уже ушел из жизни.

Забрали у всех пишущие машинки: от них-то и все зло самиздатовское пошло! Когда следователь Хвалев составлял «Акт о выемке пишущей машинки», научный сотрудник медицинского института Сергей Штерн запротестовал: «Это мое орудие производства, вы не имеете права его изъять». Следователь отпарировал: «У хирурга орудие производства скальпель, но только пока хирург в операционной, но когда он выйдет со скальпелем на улицу – это уже не орудие производства». Да, пишущая машинка как боевое оружие на баррикадах!

Десятки, если не сотни, людей прошли по делу о самиздате. Кстати: никакого юридического определения этого термина не было, нет и быть не мо-

[92] Кто же сомневался, что среди них, как и в любой комнате любого учреждения, были верные сексоты органов. Они почитали своим патриотическим долгом доносить даже о шутливых приветствиях (разумеется, по своей советской образованности дико перевирая их), которыми мы с Юрой обменивались при встрече. А следователи не постеснялись на допросах использовать даже ахинею доносчиков.

жет; если очень хочется, то назовут самиздатом любое перепечатанное хотя бы в одном экземпляре стихотворение или даже вырезку из старой советской газеты: старых – своих же! – газет они-то пуще всего и боялись.

Не сажали, но грозили
Но хватали за бока…-

как позже скажет выдающийся поэт и правозащитник Владимир Корнилов, в те же достославные годы изгнанный из холуйского Союза писателей за вступление в защиту Солженицына, отлученный от литературы. Не сажали, но угрожали, шантажировали и блефовали.

Схема допросы простая, многократно испытанная: один следователь – сравнительно спокойный, говорит почти нормально; второй же, который то и дело заходит в комнату, жесткий и агрессивный. Он-то угрожает, шантажирует и блефует.

Вы читали «Доктора Живаго»? Нет, не читал, только стихи из романа знаю (они были напечатаны еще в 1954 году в журнале «Знамя», но вряд ли знатокам в штатском сие было известно). А «Всё течёт» Гроссмана? Кого Гроссмана – Леонида или Василия? Если Василия, то читал «Степана Кольчугина» (разумеется, читал и «Доктора Живаго», и «Всё течёт»). А стихи Мандельштама? Коржавкина? Клянусь: так и говорили![93]

Бориса Ямпольского знаете? Конечно, художник в «Победе». О политике с ним говорили? Нет, никогда. О чем вы же с ним разговаривали? О кино. И о погоде? Да, и погоде. Хорошая тема, всегда есть о чем поговорить.

Мы вам называем имена ваших знакомых, а вот вы никого не назвали. Не хотите – не называйте, не надо делать мне одолжение. Нам говорили, что у вас хорошая память, а вы ничего не помните. Значит, у вас такие информаторы.

С кем вы были дружны в издательстве и кинопрокате? Со всеми был в ровных отношениях. Кого вы можете там выделить? Никого, берите весь штатный состав. Кому вы давали книги? Никому, потому что их не вернут (абсолютная правда!) Кто ваши друзья? У меня нет друзей (это уж абсолютное вранье!). Тут даже они опешили и перешли к прямым угрозам.

Вы знаете, где вы находитесь? Вы думаете, что вы в прокуратуре? (Опять они за свое!) Знаю, ваш посланец ещё дома сказал.

Учтите: за отказ от дачи искренних (!) показаний можете схлопотать семь (!) лет тюрьмы. Так много? Вы что же, нам не верите? Тогда сами читайте. Приносят уголовный кодекс. Читаю, там что-то есть, но наказание не столь уж суровое: штраф, кажется, рублей 150 или до 6 месяцев принудительных работ. А где же ваши обещанные семь лет? Следует анекдотическое объяснение: да это кодекс для уголовников, а есть еще кодекс для политиче-

[93] Столь же просвещенными были и столичные кагэбешники. Допрашивая Ольгу Ивинскую, они кремлевского стихотворца Суркова переиначили в Сурикова! (См.: *Емельянова И. И.* Пастернак и Ивинская. Провода над током. М.: Вагриус. 2006. С. 119).

ских. Была бы охота – могли и липовый кодекс в одном экземпляре напечатать[94].

Поверили, будто повесть «Один Ивана Денисовича» купил в книжном магазине, хотя такие книги можно было в ту пору достать лишь по знакомству, в свободной продаже их практически не было.

Не позабыт и стандартный, но любимый кагэбешный приемчик: попугать судьбой родных. Подумайте о своей маме (отце, жене, детях и т. д.).

Не сажали, но довели до самоубийства врача Нину Карловну Кахцазову. На Руси таких людей издавна называли праведниками.

Никогда – о себе и для себя. Всегда и все – для других. Мчалась утешить, помочь, спасти – друзей, знакомых, да и вовсе ей неизвестных до сей минуты людей, попавших в беду. Распятие кремлевскими танками Будапешта и Праги переживала как свою личную трагедию. По бесстрашию и духовному максимализму была сродни великим гуманистам XX века Янушу Корчаку и Андрею Сахарову.

Ее по старомодному уютная комната в коммунальной квартире в центре города на улице, которая до сих пор носит имя первого чекистского палача, всегда была открыта для тех, кто заходил сюда по делу и без дела, поговорить о политике и литературе, послушать новые записи Галича, Окуджавы, Высоцкого, Евтушенко, литературную композицию Владимира Заманского о Мандельштаме.

Однажды, когда собрались друзья, Зельда Зердина, верный друг Нины еще со студенческой юности, превосходно прочитала рассказ Солженицына «Правая кисть». На этом чтении была и Людмила Магон (см. о ней главу «Над пропастью во лжи»).

16 марта Нина Карловна целый день звонила мне работу. Успела предупредить о начавшейся облаве за час до появления в моей квартире ангела в полушубке…

Я пришел к ней на следующий день, в седьмом часу вечера. Она шепнула: «Уходи». Но те заметили меня. В комнате уже была Зельда Зердина. Потом пришел Борис Ямпольский.

Верховодит обыском строгий и важный Хвалев. Кто знает, не первая ли это в его кагэбешной жизни столь ответственная операция, как предположил Ямпольский.

В комнате все перевернуто: ищут-рыщут. Чекистские молодцы хватают, что под руку подвернется. И машинописный текст романа Хемингуэя «По ком звонит колокол», хотя роман к тому времени уже смогли напечатать в Советском Союзе (несмотря на бешеную ярость совсем свихнувшейся Ибар-

---

[94] Года через полтора после Пражской весны лубянские соколы допрашивали Льва Копелева о рязанских студентах, тех самых, которые были связаны с саратовской «Группой революционного коммунизма». Копелев категорически отказался отвечать на вопросы. Тогда следователь «стал угрожать: ”Ставлю вас в известность, что за дачу ложных показаний вы подлежите уголовной ответственности”. Я попросил показать мне соответствующую статью УК, прочитал, что мне грозит штраф или полгода принудительных работ, то есть будут вычитать 25 % зарплаты» *(Орлова Р. Д., Копелев Л. З.* Мы жили в Москве. 1956-1980. М.: Книга. 1990. С. 223). Да, не баловались следователи разнообразием приемов допроса! Они примитивно шантажировали и новичков, и тех, кто прошел лагеря.

рури – по кличке Пассионария, главаря испанских эмигрантов-коммунистов), и сборник стихов узника сталинских лагерей Анатолия Жигулина с дарственной надписью автора. Бдительно заподозрили крамолу даже в расстеленной в шкафу старой «Комсомолке»: нет ли какой контры в старой газете? Ну прямо по роману Джорджа Оруэлла «1984»!

Кинулись к старым настенным часам: там-то наверняка припрятаны листовки! Это уж, пожалуй, не по Оруэллу, а по каким-нибудь Шейниным-Шпановым-Семеновым. Нина Карловна просит: не снимайте со стены часы, это память об отце. Конечно, сняли. Листовок не нашли, но зато часы сломали.

Фотография Булата Окуджавы, на обороте буквы «З.М.», то есть «Заря молодежи». Хвалев спрашивает: «Нина Карловна, это кто, заместитель министра?»

Обыск ведется при строгом соблюдении социалистической законности. Две женщины в роли понятых. Откуда взялись? Да оттуда же, из той же конторы. Злобно смотрят на вороха бумаг, на книги; подумать только, сколько же эти вражины эти читают!

А вот и главный чекистский улов, зафиксированный в протоколе обыска: стихотворение-протест неизвестного автора против исключения Солженицына из Союза писателей, где были воистину пророческие строки (Вы превратитесь в пыль и гниль / И вы, и ваши пленумы, /А он войдет в людскую быль, / Чем дальше, тем нетленнее [95]), статья Николая Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма», два номера «Хроники текущих событий».

Тут-то кагэбешники возликовали, только что в пляс не пустились. После столь ценной находки стали все подряд в мешки запихивать: письма, открытки, рукописи, книги, магнитофонные ленты. Потом слух пустили: мол, самиздатчики им сами рукописи мешками приносили. Так и в «Коммунисте» по их наводке написали.

…Через несколько часов после обыска Нина Карловна повесилась в своей комнате. Нет, она не испугалась допросов и угроз: вероятно, решила в последний раз спасти своих друзей.

Хоронили ее 20 марта 1971 года, в весенний солнечный день. Человек 150-200 не побоялись проводить ее в последний путь (хотя некоторые сослуживцы перетрухнули, не пришли). Речей не было, но все понимали, кто виновен в смерти прекрасного и мужественного человека.

---

[95] Недавно ассистентке кафедры русской литературы XX века Саратовского университета Гульнаре Алтынбаевой – большое ей спасибо! - удалось установить полный текст и автора стихотворения. Клокочущие гневом строки написал Герцен Исаевич Копылов (1925-1976) – доктор физико-математических наук, участник правозащитного движения, поэт-диссидент, автор отличных сатирических стихотворений и поэм. Стихотворение об исключении Солженицына из Союза писателей под названием «Очередной позор. Не удержался от ругани» вошло в «Четырехмерную поэму». Напечатано: *Копылов Г. И.* Четырехмерная поэма. С послесловием и комментариями К. Любарского и Г. Г. Копылова. М.: УРСС. 1999. Последняя строфа в этом издании дана в другом варианте: «Горька правдивая строка. / Горька, но ей стоять века, / - когда вас всех,/ за съездом съезд, /забвенья плесень переест».

27 марта Людмила Магон отправит печальное послание своим московским друзьям Льву Копелеву и Раисе Орловой: «Не могу смириться с потерей Нины Карловны, она была исключительным человеком, деятельно добрая, нежная и печальная душа. Ее взгляд на мир был очень целостным, вполне безотрадным. Она любила театр, музыку, стихи, вообще книги, тонко и разнообразно чувствовала природу, но более всего – немногих людей, которым была предана безгранично, всеми помыслами и чувствами. Ее дом и для меня был светлым и теплым домом, без нее многие осиротели. По существу, это не само, а просто убийство, смерть, выходящая за пределы личной биографии»[96].

До ареста и суда дело почему-то не довели. То ли крупномасштабная облава с самого начала была замышлена только как превентивно-устрашающая, то ли самоубийство Нины Карловны спутало карты гэбистам. А может, на сей раз московская Лубянка попридержала разохотившихся саратовских охранников.

Зато вдосталь потешили себя пропагандистским фейерверком. Если прежде, как правило, крамольные истории намертво замалчивались, то теперь секретарь обкома КПСС по пропаганде В. Черных несколько лет на каждом пленуме или собрании актива стращал всех байками о наших злодеяниях. В редакции журнала «Волга» сам главарь КГБ Васькин расписывал, какую они раскрыли вредительскую группу. Люди в белых халатах, оказывается, подрывали мощь великой державы, отравляя призывников – будущих защитников социалистического отечества! Понаписать этакое в газете они все-таки постеснялись, а для устного вранья ничего, сгодится.

Обком даже хвастливо приписал себе все заслуги в борьбе со зловредным самиздатом: «Руководствуясь указаниями ЦК КПСС, областная партийная организация значительную работу провела по выявлению лиц, занимавшихся чтением и распространением политически вредной литературы и материалов, т. н. ”самиздата”»[97]. Эту справочку сочинил все тот же Н. Еремин - неугомонный борец с вражескими идеологическими подкопами. Он-то и повелел областной партгазете воздать нам по заслугам.

4 февраля 1972 года грянул залп в «Коммунисте» - «У позорного столба»! [98]Самим названием статьи запойный В. Пролеткин, за пьянство сверх советской нормы выгнанный из «Известий», сам того не ведая, сравнял нас с создателем революционной агитки «Что делать?».

Прокурорский зачин статьи был в стиле сталинского палача Вышинского: *«Неймется врагам нашей Родины. В своих нападках на советский обще-*

---

[96] *Магон Людмила.* Письма. Начало повести. Публикация *Раисы Орловой и Льва Копелева.* Ардис. 1983. С. 47.

[97] Справка об идеологической работе Саратовской областной партийной Организации после XXIY съезда КПСС / / Гос. архив. новейшей истории Саратовской области. Ф. 594. Оп. 14. Ед. хр. 108. С. 37-38 Сообщено В. Азефом.

[98] За несколько дней до публикации статьи компетентные органы предложили Анатолии Катцу стать их осведомителем, обещая не разглашать его самиздатовскую деятельность. Катц, разумеется, отказался. Тогда-то и прозвучало грозное предупреждение Баландинского: «Ну что же, пеняйте на себя, Анатолий Иосифович!»

ственный и государственный строй они не брезгуют никакими грязными и подлыми методами»[99].

«Грязные и подлые методы» - это, понятно, чтение и распространение романов, повестей, стихов, которые через полтора десятка лет даже в стране перезрелого социализма будут признаны гордостью отечественной литературы. Но провокатору показалось мало самиздатовских книг, так он еще по пьянке или с подачи КГБ зачем-то выдумал, будто бы в списках ходили какие-то книги Анатолия Кузнецова, хотя все его произведения были напечатаны (разумеется, с цензурными купюрами) в СССР.

Дабы покрепче разоблачить всех «врагов нашей Родины», к нам (кроме упомянутого великого революционного демократа) присоединили – для пущего агитэффекта - и любителей порнографии (большой криминал в нашем высокоморальном государстве), и книжных спекулянтов (спекуляция, как вчера при ихнем сталинском социализме, так и сегодня при ихнем же гайдаровском капитализме, дозволена только самому государству): мол, все они одного поля ягоды. В Саратове, как говорится, все всех знают, однако большинство имен, названных в статье, я никогда даже не слышал.

А заканчивалась статья пролеткинской моралью и его же афоризмом: *«…Неприятная это штука очутиться у позорного столба. Ежедневно, ежечасно чувствовать на себе презрительные взгляды тех, кто строит новую жизнь, кто каждый день устремляется вперед.*

Но что посеешь, то и пожнешь! Пусть болдыревы, ямпольские, стрельниковы и им подобные пеняют на себя сами. И запомнят накрепко одну простую истину: отщепенцами не рождаются – отщепенцами становятся». Что ж, провокаторами и клеветниками тоже не рождаются.

По научному сотруднику медицинского института Сергею Штерну вдогонку еще ударила лакейская многотиражка «Медицинские кадры».

Платный клеветник из «Коммуниста» ошибся. Тотального страха уже не было и, вопреки партийному наставлению, почти никто из знакомых не отвернулся от нас, а многие выражали явное сочувствие, помогали и добрым словом, и реальным делом, собирая деньги для тех, кого выгнали с работы.

Как только появилась статья «У позорного столба», ко мне домой пришли мой одноклассник Павел Астраханкин и однокурсник Виктор Абросимов, чтобы узнать, чем мне нужно помочь.

Весной 1972 года, когда Анатолия Катца уже избавили от работы в консерватории, в большом зале консерватории выступали выпускники этого года. Его ученице Ларисе Флоровой, будущей жене Игоря Шварца, преподнесли большой букет цветов. Лариса спустилась со сцены и, пройдя через весь зал, передала букет своему учителю, сидевшему где-то в последних рядах. Эту нормальную благодарность студентки своему педагогу начальство расценило чуть не как антисоветскую демонстрацию и затаскало Ларису по парткомам-месткомам.

---

[99] *Пролеткин В.* У позорного столба // Коммунист. 1972. № 29. 4 февраля. С. 3.

После опубликования клеветнической статьи началась – по обкомовско-кагэбешному сценарию – отрежиссированная истерия в так называемых трудовых коллективах. Платные и бесплатные кликуши поносили нас как лютых врагов и единодушно требовали – ну, не расстрела, все-таки на дворе 72-й, а не 37-й год – выгнать нас с работы, дабы не мешали строительству светлого будущего.

И точно, для всенародного наглядного поучения большинство из нас с работы повыгоняли: Анатолия Катца – из консерватории, Юрия Болдырева – из городской детской библиотеки, художника Борис Яковлевича - из кинотеатра «Победа»; меня – из конторы облкинопроката: вообразите только, какой идеологический вред советскому киноискусству мы могли бы нанести на этих постах! Болдыреву вписали в трудовую книжку убийственную статью: «Освободить от работы в библиотеке по ст. 106 (пункт 4) Основ законодательства СССР и союзных республик о труде». Пункт 4 перекрывал дорогу в любые учреждения, которые у них считались идеологическими. Да что там идеологические бастионы, когда даже без этого жуткого пункта боялись брать изгнанных хотя бы на должность курьера.

Правда, на фабрике «Игрушка», где работал Владимир Стрельников, обошлось почему-то без собрания-спектакля: то ли обком позабыл спустить директиву, то администрация беспечно отнеслась к идеологической крамоле, проявив гнилой либерализм.

Болдыреву и Ямпольскому пришлось в конце концов покинуть Саратов. Да и другим прозрачно намекали, что им лучше добровольно покинуть столицу Поволжья, как позже с административным апломбом и будет именовать город областное начальство.

По тому же сценарию нам полагалось заняться самокритикой, вернее, самооплевыванием на страницах той же газеты. Но ни одного слезного письма им так и не удалось вышибить.

Когда 19 мая 1990 года в «Заре молодёжи» опубликовала очерк Виталия Азефа «Пеняйте на себя, Анатолий Иосифович…», где впервые была сказана правда о самиздатовском деле, в редакцию грозно явился полковник КГБ Н. Баландинский, один из организаторов идеологической охоты 1971 года, усердный читатель и каратель самиздата, между прочим, собиратель книжных новинок. Где это видано – публиковать материал об идейной крамоле без санкции всезнающей конторы? Обрушив на редакцию и автора тьму анекдотических придирок (попробуйте доказать, что «прикоснулся к его плечу настойчивый молодой человек»!), полковник потребовал опровержения.

Опровержения не последовало, не те уже были времена, однако редакция не осмелилась напечатать мой отклик на очерк Азефа.

За что нас душили, за что добивали?
За то, что мы Вольное Слово читали,
За то, что не верили мы коммунистам,
Взорвавшим Россию руками чекистов,
За то, что мы Правду искали в ночи,

За то, что мы люди, а не рычаги.

***

Минули десятилетия. Ушли из жизни те, на кого велась идеологическая охота в 1971 году: Юрий Болдырев, Зельда Зердина, Владимир Стрельников, Игорь Шварц, Юрий Штерн. 12 февраля 2000 года умер Борис Ямпольский – участник двух громких саратовских дел.

После смерти Бориса Яковлевича его жена Алла Яковлевна и дочь Соня приехали в Саратов, чтобы в бывшем КГБ, переиначенном ныне в ФСБ, ознакомиться с делами 1941 и 1971 года, отыскать арестованные литературные материалы Ямпольского.

Принесли три тома дела 1941 года, хотя томов было куда больше. Начальник архивной службы Н. Бутков дозволил переснимать лишь те страницы, где говорилось о Ямпольском. Даже обвинительное заключение – по сей день государственная тайна! Такая же тайна – фамилии следователей: у них, видите ли, могут быть родственники, нельзя же их нервировать. Какая нежность тайной полиции к своим палачам!

Но самое фантастическое начинается, когда Алла Яковлевна спрашивает о деле 1971 года. Какое такое дело? Да что вы, ничего и не было, завели тогда только дело о порнографистах, а о самиздате ничего у нас нет…

Вот так новость так новость! Не приснились ли нам многомесячные допросы, обыски, угрозы судилищем, изъятие – усердие выше разума! – даже опубликованной в СССР литературы? И смерть Нины Карловны после кагэбешного обыска?

А куда же подевалась тьма-тьмущая конфискованных материалов? Опять-таки никто ничего не знает. Может быть, пропали; а может быть, сожгли в 1991 году. «Но у вас же в музее демонстрировались запрещенные книги!» - настаивает Алла Яковлевна. - «Да, но музей закрыт, а книги могли растащить сотрудники по домам; нас тогда никто не контролировал».

Ну и порядки же в Сером доме! Не собираюсь расхваливать жандармов Российской империи, но хранить документы они умели: много десятилетий спустя дочь некогда арестованного саратовского писателя Степана Аникина нашла в архиве его карандашный набросок на клочке бумаги.

26
«Ваш страна особый случай…»

Не зря все-таки советская власть недобрых семь десятков лет, начиная с автора глубокомысленного изречения «Искусство принадлежит народу», неистово-судорожно била-изводила любые новшества в литературе и архитектуре, живописи и музыке, кино и театре. Чутко чуяла родная, что все это происки антисоветские, сионистские, цэрэушные.,

10 ноября 1969 года в саратовском тюзе премьера – «Недоросль» Фонвизина. Режиссер – Леонид Эйдлин, художник – Николай Эпов. Музыка и куплеты – Ю. Михайлова.

…За год до этой премьеры в Москве вышел первый номер «Хроники текущих событий» - строго документальная летопись преступлений Софьи Власьевны (кличка советской власти) и Галины Борисовны (сиречь госбезопасности) против своего народа. За распространение или хотя бы за хранение «Хроники» можно было получить срок.

Одним из редакторов этого крамольного издания был Юрий Ким. Диссидент, поэт, бард.

Как вспоминал Ким много лет спустя, осенью 1968 года он *«оказался без работы и сильно нервничал. Тут еще его позвали на Лубянку и вдобавок к его безработице запретили (т.е. не порекомендовали) выступать с концертами под гитару, чем он широко занимался до этого. Изо всех источников жизни ему оставалось сотрудничество с театрами и кино, куда он, со своим антисоветским именем, никуда и соваться-то не мог».*

Так на долгие годы исчезло с афиш, театральных рецензий, пластинок имя матерого антисоветчика Юлия Кима. И появился неведомый доселе Ю. Михайлов. Псевдоним выбран в честь последнего кагэбэшного следователя.

Леонид Эйдлин, вольный и яркий режиссер, задумавший поставить отнюдь не учебно-хрестоматийного «Недоросля», пригласил в Саратов своего друга Кима-Михайлова. Режиссерское решение спектакля было сразу же одобрено художественным советом театра, хотя никто, разумеется, не мог предугадать грядущий триумф. Постановщики смотрят на фонвизинских героев, помня сатиру Грибоедова, Гоголя, Щедрина, Сухово-Кобылина, зная, сколь многообразны лики невежества; видя, как самые ярые правдолюбцы с дивной лёгкостью перевоплощаются в столь же ярых властолюбцев.

Бард и диссидент Юлий Ким играл на гитаре и пел песни – куплеты, а пианист, композитор и собиратель-хранитель самиздата Анатолий Катц тут же записывал ноты (в ту пору Ким-Михайлов не знал нотную грамоту) и передавал Феликсу Аронсу для оркестровки.

Куплеты были презанятные. Вральман дивился ниве российского просвещения:

Ваш страна – особый случай,
Разобраться мудрено:
Кто у вас профессор, кто обычный кучер,
Или это все одно.

Обкомовцам очень обидно стало за державу, хотя бы и самодержавную, и Юрию Ошерову пришлось петь на сцене: «Ваш семья – особый случай…» Да мало ли чего не мог уразуметь Вральман:

Чужестранцы – голодранцы
Лучше вас у вас живут.
Как это по-русски будет:
Айн унд цванциг –
Был бы шея – есть хомут.

А учителя собственной выпечки, похваляющиеся, что они «всё соплёй перешибут», нахально-победно распевали:

А мы зря комедиев не ломали,
А мы академиев не кончали…

Конечно, для обкома КПСС и КГБ не стало секретом, кто такой этот самый Ю. Михайлов. На репетиции зачастили кагэбэшные надзиратели. Но Леонид Эйдлин, ни перед кем никогда не робевший, выгонял их. Когда на подготовленной программе спектакля режиссер увидал изречение основоположника соцреализма, понявшего классическую комедию лишь как обличение крепостничества, он ворвался в кабинет заведующей литературной частью Валентины Мазур, так много сделавшей для тюза[100] и для этого спек-

[100] В театре как-то ставили «Молодую гвардию», сочиненную литературным генсеком в 1945 году по заявке и сценарию гебухи; тогда же роман получил сталинскую премию первой степени. В первой редакции романа были, понятное дело, коммунисты, но, увы, не так много, как того хотелось бы партийному генсеку. По сталинской указке Фадеев переписал роман, щедро вводя новых героев с чистой совестью, да еще и с партбилетом билетом в кармане. А в инсценировке романа, предложенной Валей Мазур, самых лучших пред-

такля: «Это плохо не только потому, что это Горький! Это же вульгарный социологизм!» И пролетарский буревестник полетел с программы.

На общественном просмотре, когда решалась судьба «Недоросля», главный тюзовский пожарник Г. Скиданов, бывший чекист, то ли по собственному почину, то ли по чьей-то подсказке энергично вмешался в ход спектакля. В перерыве он подошёл к Эйдлину и важно объявил, что он категорически запрещает использование свечей в эпизоде ворожбы Простаковой (хотя до этого свечи были на всех репетициях).

Может быть, таким пожарным маневром хотели повлиять на режиссёра и актёров, сбить настрой, ритм спектакля? Не вышло. После поднятия занавеса встал Эйдлин: «Номер пропускаем по вине нашего главного пожарного Скиданова». Потом на всех спектаклях свечи горели без всякого ущерба для противопожарной и государственной безопасности и для пожарно-чекистского надсмотрщика.

Идеологическая комиссия обкома принимала «Недоросля», понятно, по всей советской строгости даже лютости. Цеплялись к чему только могли и как могли. Мол, не тот уровень стихов, загрязнение великого и могучего русского языка. Потребовали замен в куплетах. Два номера выкинули как явную крамолу. Сняли символическую сцену, когда на зрителей бросались в атаку четыре агрессивно-торжествующих Митрофана: не надо нас стращать!

В шоке от непонятного зрелища был обкомовский идеолог В. Черных – большой знаток и ревнитель русского искусства. Юлий Ким пародировал, как тот кричал на режиссёра, подозрительную фамилию которого он никак не мог запомнить: «Эй, ты, блин, не говорил ли тебе, жидовская морда Энгельс!»

Однако ж спектакль не запретили. Безоговорочная поддержка главного режиссера Ю. П. Киселева (он, беспартийный не только формально, умел отбиваться от чрезмерной заботы партийных попечителей отечественного искусства), внимание саратовской интеллигенции, прослышавшей про новую постановку, видимо, и спасли подозреваемого «Недоросля».

Но дозволили спектакль при строжайшем условии: не восстанавливать – ни-ни! – исключенный текст. Будем следить! И следили. На все представления, как по сигналу боевой тревоги, слетались компетентные кураторы (для конспирации они иногда меняли места) и контролировали каждое произнесенное слово. Ну и работенка же для интеллектуалов советского сыска! Сорок спектаклей, представьте только, они стойко выдержали. Актеров это даже вдохновляло: ага, сидят, голубчики!

Публика восторженно аплодировала, прекрасно понимая текст и подтекст необычного спектакля. Как заметил критик Ю. Смелков в «Комсомольской правде», переложенная на новый жанр – мюзикл – фонвизинская сатира *«не только не ослабела, но стала острее и понятнее. Театр пристально всматривается в героев классической комедии, открывая в них нечто новое*

ставителей советского народа оказалось даже меньше, чем в первой редакции советского классического шедевра!

и интересное. Однокрасочные классицистские персонажи обрели плоть и объемность…»[101].

А по мнению критика «Недели», в Саратове *«поставили музыкальный спектакль – с увертюрой, песнями и танцами, и воплотили с необычайной притягательностью все стороны комедии: и просветительскую, и сатирическую, и чисто зрелищную, причем ничего не опростили для зрелищности».* Саратовский «Недоросль» - *«и есть первый русский мюзикл, русский не только по месту возникновения, но и по материалу, по всем художественным признакам, по очень широкому использованию народных мотивов»*[102].

Иной взгляд на спектакль высказали два руководящих саратовских музыкальных деятеля: председатель правления Нижневолжской композиторской организации, член правления Союза композиторов СССР, ректор консерватории В. Сосновцев и проректор консерватории по научной и учебной части А. Быстров. Авторы, которых никак не причислишь к крупным знатоком театра, учиняют расправу над замечательным спектаклем в зубодробительной рецензии «Бережно относиться к классике».

Изругав спектакль за то, *что «именно социальная сторона звучания произведения в этой постановке в значительной мере утрачена»*; за модернизацию *«широко известного произведения русской классики»*, за его *«музыкальное сопровождение»,* два музыкальных начальника авторитетно разъяснили ничего не понимающим трудящимся, *«что в этом споре двух мнений быть не может»* [103]. Звучит как фраза из анекдота. Советского, разумеется.

---

[101] *С мелков Ю.* Музыкальный дебют… Фонвизина // Комсомольская правда. 1970. № 8. 11 января. С. 2.

[102] *Жихарев.* Провинциальная рампа. Как говаривали в старину. Саратов // Неделя. 1969. № 51. 15-21 декабря. С. 6. Жихарев – псевдоним диссидента и театрального критика Александра Асаркана. Нежно-ироничный очерк-некролог «Открытки Асаркана» посвятил своему другу – тот умер 1 февраля 2004 года - Михаил Айзенберг (Знамя. 2005. № 11. С. 129-153)

[103] *Сосновцев В, Быстров А.* Бережно относиться к классике. Театральные заметки // Коммунист. 1970. № 2. 4 января. С. 4.

27
«Мы из недовольных приготовим фарш!»

Спустя два года тюз вновь привлек внимание коммунистических цензоров. В 1971 году, в самый разгар большой идеологической охоты, главный режиссер Юрий Петрович Киселев предложил Анатолию Катцу и Сергею Штерну, которых тогда постоянно вызывали на допросы в Серый дом по самиздатовскому делу, написать музыку и куплеты для задуманного им спектакля «Золотой ключик».

По замыслу режиссера, все персонажи сказки – создания папы Карло. Только промахнулся папа Карло с Карабасом-Барабасом: тот сам взял палку в руки и начал властвовать.

Казалось бы, в те дни Катцу и Штерну было не до театра и не до веселья: неизвестно еще, чем закончится дело. Но работа пошла легко и вдохновенно, сочиняли в день по три-четыре номера. Музыку писал Анатолий, стихи – Сергей. А еще говорят, будто рыцари госбезопасности лишь мешают свободному художественному творчеству: иногда, как видим, даже помогают!

Говорящий Сверчок размышлял как российский интеллигент:

Всюду в мире правит ложь,
Но напрасно рвёшься в бой,
Ты стены не прошибёшь
Деревянной головой!

А пудель Артемон столь же по-интеллигентски вопрошал:

Неужели нет на земле,

Нет уголка, уголка такого,
Где б кулака закон
И закон клыка
Самым главным законом не был?

Легко сообразить, сколь придирчивой была идеологическая приемка спектакля. Запретили полицейский марш собак, написанный на мотив популярной армейской песенки «Солдаты, в путь!»:

Нет у нас суббот и воскресений,
Нету выходных,
Мы подчас берём на подозренье
И себя самих.
Нас кормили всю неделю репой,
Пичкали ботвой,
До чего мы свирепы,
Просто ой-ой-ой!
Эй, кто там,
Сдавайся добровольно,
В карцер – шагом марш!
Чтоб не умничали больно
Мы из недовольных
Приготовим фарш!
Раз и два!
К чему нам голова,
Когда такие есть
У нас права!

Потребовали убрать вредные размышления Сверчка и излишние вопросы Артемона. Не обошлось и без курьезов. Ну совсем уж безобиден куплет:

Скучно, кругом трясина,
Водоросли и тина,
Что это за картина?
Ах, все же медленно идет
Осушение болот!

Ан и в нем усмотрели нездоровое критиканство: «Ошибаетесь, Сергей Викторович! В нашей стране быстро идет осушение болот», - важно изрек кто-то из обкомовцев. И оказался абсолютно прав гражданин начальник.

Советские покорители вверенной им природы так здорово осушили все болота, что в горячее лето того же 1972 года – уже после премьеры «Золотого ключика»! – они запылали бедственным пламенем во многих областях и окутали дымным чадом даже центр мирового коммунистического движения, светоч всего прогрессивного человечества, столицу нашей Родины город-герой Москву. Кремлевская радиоглотка тихо возвестила о пожарище лишь когда дым ударил в лицо не только несчастным провинциалам, но и счастливым обитателям коммунистического рая и даже накрыл главное большевистское логово.

После обкомовско-кагэбэшных изъятий и поправок «Золотой ключик» пропустили. Но как же быть с авторами музыки и песен-куплетов? Их же только что казнили гражданской казнью «У позорного столба» имени газеты «Коммунист». Тогдашний тюзовский директор партиец А. Мазаев отправился через дорогу в соседнее здание посоветоваться, как в ту пору говаривали. Там и посоветовали: имя композитора, так и быть, оставьте на афише, а куплетиста – долой!

«Золотой ключик» много лет радовал тюзовских зрителей, которые так и не узнали, кто же сочинил веселые и ироничные песни и куплеты, без которых и спектакля-то не было бы.

28
Над пропастью во лжи

В феврале 1974 года кремлевские вожди выдворяют из СССР Александра Солженицына.

В марте того же года в Марксе умирает от инсульта Людмила Магон.

Великого писателя, известного всему просвещенному миру, и провинциальную учительницу роднило абсолютное неприятие загребущей и лгущей, лающей и зыгрызающей коммунистической системы, тотальной лжи и насилия.

Она не выходила на площадь, не расклеивала листовки, не кричала «Долой КПСС!». Она лишь хотела жить, дышать, думать по-своему, а не по партийным шпаргалкам. Надеялась вольно жить в вечном мире слов, звуков, красок; посвящать в этот мир своих друзей, знакомых, учеников, всех, кто сберег душу живую.

Людмила Магон, учившаяся у профессора Ю. Г. Оксмана, вдохнувшая на его семинарах и лекциях вольный ветер свободной науки, не хотела и не умела угождать факультетским чиновникам от филологии. Потому-то у нее не было ни малейшего шанса пробиться в аспирантуру. Да и много лет спустя ей не позволят даже прикрепиться к кафедре русской литературы – для сдачи кандидатских экзаменов, для завершения диссертации о Лермонтове.

Людмила уезжает в Маркс, работает в школе. Новую учительницу, рассказывающую о великих писателях как о своих добрых знакомых, с которыми можно советоваться и спорить, раздающую всем книги и журналы, полюбили и ребята, и родители. И даже – вовсе диво для советской действитель-

ности! – благосклонно отнеслось районное начальство, взяв ее инспектором в гороно.

Магон любила и превосходно знала Солженицына – и опубликованного в нашей стране, и, разумеется, самиздатовского. Восхищенно рассказывала о художественных открытиях писателя в учительской, даже на педсоветах и конференциях, где ее выслушали холодно и враждебно: «Если он не партиен в творчестве, то как он может быть талантлив?» «Нас никакой Солженицын не перевоспитает!»

Летом 1967 года Людмила Борисовна отправилась со своими учениками в поход по есенинским местам. В Рязани они пришли с цветами на квартиру Солженицына. Писателя не было дома, и букет вручили его теще. Казалось бы, пустяк: кому хотим, тому и дарим цветы. Но для уездных кагэбешников это был предерзостный поступок. Ее взяли на заметку.

В ноябре 1968 года Магон познакомилась на филологическом факультете с Львом Копелевым и Раисой Орловой, читавшими курсы по немецкой и американской литературе. Известные ученые и правозащитники сразу разглядели в провинциальной учительнице, почти без публикаций, без ученой степени, просветительницу, словесницу по призванию, доброго и яркого человека с нелегкой судьбой.

По просьбе Людмилы Копелев и Орлова приезжают в Маркс читать лекции учителям. Когда их спрашивают о Солженицыне, они отвечают, понятно, не по «Правде». Доброхоты доносят в Саратов: мол, ученые лекторы из Москвы «восхваляли Солженицына». Закручивается новое ЧП – уже не уездного, а губернского масштаба. Расследование крамолы самолично ведет главный коммунистический идеолог В. Черных.

Из гороно Магон в конце концов изгоняют, а в школу, самой собой, уже не принимают.

Ее последнее место работы – учитель-воспитатель при колонии для малолетних преступников. Но и здесь, в этой школе-тюрьме, куда никого не заносит по доброй воле, не ко двору пришелся гуманист, увидевший в затравленных и озлобленных обитателей колонии живых людей, а не чучел для вбивания коммунистических опилок.

Людмила начинает писать повесть о колонии, о ее тюремщиках и арестантах. Пишет от имени главного героя, у которого «нет никакой адаптации к привычному злу»:

«Чиновники, лишенные воображения, или, наоборот, обладающие дьявольской фантазией, и придумали спецшколу. Порядок в ней тюремный, а строй – цепь, на которую можно посадить каждого отдельного человека, приобщив его таким образом к коллективу. Строй помогает держать всех на виду, кучно, его легче охватить взглядом, за ним легко надзирать. В строю важны не лица, а выровненные в одну линию ботинки или печатный шаг. Не речь, а молчание».

Первые главы рвущейся из сердца повести окажутся и последними…

В феврале 1974 года, в том самом феврале, когда все вражеские радиоголоса возвещают миру солженицынский манифест «Жить не по лжи», а его автора владыки коммунистического антимира вышвыривают из своей империи, Магон внезапно выпроваживают в отпуск. «О его получении узнала за день, да и то случайно. К полной беспардонности начальства за три года почти привыкла: оно не умеет иначе», - пишет она 28 февраля Копелеву и Орловой.

Учителя – зимой в отпуск?

Ее воспитанники, для них Людмила Борисовна – и книгоноша, и чтец, и режиссер, и музыкант, старший друг, и заступник, почуяв беду, всполошились:

- *А зачем вы теперь уходите в отпуск? Вдруг насовсем уходите…*

Она бодрится, пытается успокоить ребят: зато я все лето буду с вами.

Конечно, не старцы из политбюро задумали очередную и последнюю расправу над своенравной учительницей. Но если мало-мальски либеральные начинания, идущие сверху, проваливаются в провинции, то уж любые гонения-репрессии подхватываются местными начальниками с истовым ликованием. Коммунистическая система убивала людей не только в непрерывных захватнических войнах, объявленных и необъявленных, уничтожала их не только в неисчислимых тюрьмах и лагерях…

Людмила Магон умерла в марте 1974 года от кровоизлияния в мозг.

Умерла, не написав диссертацию о Лермонтове, только начав свою первую повесть.

Но свершилось чудо – как в сказке с хорошим концом. Через девять лет после смерти ее книга была издана. Понятно, не у нас, в Советском Союзе, а там, у них, в Америке, в издательстве «Ардис».

На обложке, на фоне фотографии нерадостного деревенского пейзажа, большие белые буквы:

Людмила Магон
Письма
Начало повести

Издание подготовили и выпустили ее друзья – Лев Копелев и Раиса Орлова. В книге – 50 писем, которые Магон посылала им с декабря 1968 по февраль 1974 года, начало автобиографической повести.

И читается эта необычная книга – от очерка Раисы Орловой и Льва Копелева «Просветительница» до последней строки обрывающейся на полуслове автобиографической прозы – как единая повесть о высокой и скорбной судьбе гуманиста в тоталитарном веке.

29
Вниз по матушке по Волге

Когда я впервые услышал эту историю, то счёл ее невероятной даже для Саратова. Великий музыкант Мстислав Ростропович путешествовал по Волге с Ульяновским симфоническим оркестром, выступая с концертами в поволжских городах. На речном вокзале Саратова маэстро приготовились встречать пианист Анатолий Катц, родственники Ростроповича – пианисты Наталия и Валентин Ханецкие, виолончелист Лев Гохман, художник оперного театра Анатолий Крюков, студенты, поклонники его творчества.

Но, как вспоминает Анатолий Катц, теплоход почему-то не причаливает к берегу, а медленно продолжает плыть вниз по Волге. С него мощно зазвучала траурная музыка. Боже ты мой, да что же этакое случилось?

…Мстислав Ростропович никогда не был диссидентом. Он принадлежал к избранному кругу советских музыкантов; его любила не только публика, но и власть. Машину Мстислава Леопольдовича без всяких формальностей пропускали в Кремль, где он встречался с руководителями страны, говорил с ними о наболевших проблемах отечественного искусства.

Впрочем, Мстислав Леопольдович не особенно скрывал свое критическое отношение ко многим советским акциям. А. И. Солженицын «бурно хвалил Ростропович, который, находясь на гастролях за границей, не стал таить от осаждавших его журналистов, что не в восторге от нашей интервенции

в Чехословакию».[104] До поры до времени власти не замечали, или делали вид, что не замечают, эти вольные выходки великого музыканта.

Все мгновенно изменилось осенью 1970 года, когда шведская академия наук присудила Нобелевскую премию Александру Солженицыну, и советская печать начала шельмовать и всю шведскую академию, и нового нобелевского лауреата. Ростропович был возмущен официальным цинизмом: когда Нобелевской премией венчают более чем сомнительного автора «Тихого Дона», вешенского пропойцу и мракобеса, то страна советов ликует, поет и танцует; а когда той же премией награждают Бориса Пастернака и Александра Солженицына, то это, мол, происки мирового империализма и буржуазной пропаганды; и вместо всенародных плясок подымается волна всенародного гнева.

Ростропович познакомился Александром Исаевичем в Рязани, куда виолончелист приезжал на гастроли. Познакомился и подружился с этим удивительным человеком, посмевшим в одиночку бросить вызов коммунистической тирании. Мстислав Леопольдович хорошо знал опубликованные и неопубликованные в стране повести и романы писателя, читал самиздатовскую литературу, восхищался гениальной булгаковской повестью «Собачье сердце».

Мстислав Леопольдович посылает открытое письмо в центральные газеты, где он протестует против травли великого русского писателя. Напоминает, как в не столь давнее время с таким же остервенением холуи кидались на великих композиторов Дмитрия Шостаковича и Сергея Прокофьева. Не пожалеют ли потом организаторы и исполнители нынешней кампании против Солженицына?

Ростропович не только протестовал против советской лжи, но и всячески помогал Александру Исаевичу. Когда писателю негде было жить в Москве, артист предложил ему свою подмосковную дачу, где Солженицын мог спокойно работать.

Письмо, надо ли говорить, не опубликовала ни одна советская газета, но его много раз передавали «Голос Америки», «Немецкая волна», Би-би-си, «Свобода». Честный и мужественный голос Ростроповича услышали не только во всем мире, но и за «железным занавесом» - в Советском Союзе.

Но в стране победившего социализма, где ложь выдается за правду, а правда объявляется ложью, власть не прощает никому выступления в защиту гонимых. Человек, осмелившийся сказать очевидную истину, в мгновение ока превращается в отщепенца и клеветника. И никакие заслуги, никакие ордена и звания тебя не спасут.

Разумеется, Мстислав Леопольдович отлично понимал, чем он рискует, но он не думал, что реакция властей будет такой скорой. Посадить великого артиста, понятно, было невозможно, все-таки не сталинское времечко, но можно было запрещать его концерты, отменять заранее намеченные гастроли.

---

[104] *Левицкий Л. А.* Утешение цирюльника. Дневник. 1963-1972. СПб.: Изд-во Сергея Ходотова. 2005. С. 152.

И тут, как всегда, самым рьяным запретителем и гонителем Ростроповича оказался Саратовский обком КПСС.

Наш город никогда не был чужим для Мстислава Леопольдовича. Здесь в музыкальном техникуме преподавал его отец Леопольд Витольдович. Архиепископ Саратовский и Вольский Пимен венчал Ростроповича и Галину Вишневскую в домашней церкви. В Саратове живет его двоюродная племянница по матери преподаватель консерватории Наталия Владимировна Ханецкая и ее муж Валентин Евгеньевич. Ханецкие боготворили Ростроповича и никогда не отказывались от своего родственника, даже когда кремлёвские правители лишили Ростроповича и Галину Вишневскую советского гражданства.

Много раз Ростропович приезжал на гастроли в Саратов. В оперном театре он дирижировал оперой «Тоска»; главную роль в спектакле исполняла Галина Вишневская.

В августе 1974 года Ростропович должен был выступать в Большом зале Саратовской консерватории вместе со студенческим симфоническим оркестром. Уже шли репетиции, когда неожиданно артиста вызвал тогдашний ректор консерватории Сосновцев. Он-то и передал обкомовский приказ: концерт, так и быть, пусть будет, но только не вывешивать в городе ни одной афиши о концерте.

Мстислав Леопольдович взорвался: «Я никогда не выступал и буду выступать инкогнито!» Маэстро прервал репетиции, дружески простился с огорченными студентами, и покинул Саратов.

Вероятно, в это время по городу и пошел гулять апокриф, мне рассказал его Юрий Болдырев, о вольном маэстро. Ростропович пообедал в ресторане и просит книгу жалоб и предложений, чтобы записать благодарность. Этой самой книги почему-то не оказалось на месте, и Мстиславу Леопольдовичу приносят вместо нее тетрадку в клеточку. И тетрадку украшает первая запись: «Я надеюсь дожить до того времени, когда в нашей стране не будет никаких клеток!»

…Вернемся к таинственной теплоходной истории. Оказывается, уже перед самым Саратовом на борт теплохода неожиданно поступает правительственная телеграмма, явно инспирированная Черныхом-Ереминым: концерт отменяется! Разумеется, никаких там объяснений: за что, почему.

Ростропович сидел у себя в каюте, когда услышал, как на палубе зазвучал траурный марш Шопена. Так оркестранты послали пламенный привет[105] Саратовскому обкому Коммунистической партии Советского Союза. «С каким восторгом рассказывали нам саратовские друзья об этом поистине необыкновенном концерте»[106]. Теплоход поплыл дальше, в Волгоград, где не

[105] В 20-е годы по СССР гулял такой анекдот. Стоит нэпман на балконе и приветствует краснознаменную демонстрацию пролетариев:

- Пламенный привет!
- Что ж ты этой сволочи шлешь привет?
- Не могу же я им пожелать, чтобы они сгорели в пламени!

[106] *Орлова-Копелева Р. Д.* Двери открываются медленно. М.: Независимая газета, 1994. С. 68.

столь дикому начальству и в голову не пришло запрещать концерт великого маэстро.[107]

30
«Разбомбить и потопить !»

Эта история была настолько засекречена в Советском Союзе, что о ней, кажется, ничего не сообщали даже всё знающие западные радиоголоса. Моя рижская приятельница Людмила Мерте (ее родители бежали после 1917 года от узурпаторов в Латвию), с которой мы откровенно говорили о коммунистической тирании, рассказала мне в 1980 году такую версию тех событий.

В честь очередной годовщины октябрьского путча в Риге устроили военно-морской парад. Неожиданно один из кораблей изменил курс и направился в сторону Швеции (нейтральная Финляндия трусливо и подло выдавала советам всех беглецов). Началась погоня. Корабль расстреливали в упор. Некоторые моряки, понимая, что им не уйти, что расправа неизбежна, бросались в воду...

Только в эпоху гласности многое стало известно о выступлении балтийских моряков против тотальной советской лжи.

---

[107] Минуло почти два десятилетия, полетел в тартары коммунистический режим. А в России всё воруют-с, да воруют-с. И воруют не только банки и заводы, теплоходы и самолеты, газовые и нефтяные компании. Куда там прежним правителям до нынешних!

В 2005 году Ростропович репетировал в Большом театре оперу «Война и мир». И тут началось нечто странное: то не дадут провести дополнительную репетицию, то не позволят прийти солистам. Мстислав Леопольдович догадался, что главный дирижер театра А. Ведерников сам хочет стать за дирижерским пультом. 5 декабря 2005 года Ростропович коротко известил Наталию Владимировну: «Отменил спектакль “Война и мир”». Спектаклем вместо Ростроповича дирижировал Ведерников. Но не зря сказано: чужое добро впрок не идет – рядовой артист не смог заменить великого маэстро; спектакль не стал событием в театральной жизни страны.

Саратовцу Юрию Бадикову, капитану 3-го ранга запаса, тогда, в 1975 году, первокурснику высшего военно-морского инженерного училища им. Дзержинского, запомнился тот день - 8 ноября 1975 года в Ленинграде началось наводнение. Начальник факультета сказал Юрию, что сейчас надо быть особенно бдительным, так как была попытка угнать боевой корабль.

Больше никаких разговоров об угоне корабля не было слышно.

Только много позже Бадиков узнал, что произошло в ту ноябрьскую ночь 1975 года.

После окончания училища Юрия, специалиста по размагничиванию кораблей, послали служить на Дальний Восток. Командиром его корабля был капитан 3-го ранга Анатолий Сапожников.

На флоте обстановка во многом была иной, чем в армии; офицеры чувствовали себя более независимыми от начальства. Политруков, или замполитов недолюбливали - считали их всех бездельниками.

С Юрием Бадиков командир корабля говорил откровенно обо всём. У Сапожникова не было никаких иллюзий о сути советской системы. Юрию запомнились его слова:

- У нас государство может ни за что убить человека.

И это он говорил в 1983 году, при правлении чекиста Андропова!

Анатолий Сапожников и рассказал Юрию некоторые подробности о невероятном событии на Балтийском флоте.

... Большой противолодочный корабль «Сторожевой» действительно участвовал 7 ноября в военно-морском параде в Риге. После праздников «Сторожевой» должен был идти в док в Лиепае, поэтому весь штатный боекомплект был сдан в береговые склады.

Но вечером 8 ноября Валерий Саблин, корабельный строевой офицер, замполит (не чета обычным советским политруками), повёл корабль в Кронштадт, чтобы обратиться к правительству с требованием радикальных политических реформ.

Кремлёвское руководство, не задумываясь, приказывает: «Остановить взбунтовавшийся корабль. При продолжении плавания обстрелять или разбомбить и потопить!» Чтобы и следов не осталось!

По приказам из Москвы и Калининграда с Лиепайской военно-морской базы в погоню за бунтовщиком выходит большая группа кораблей. Среди них - и тот, на котором был штурманом Анатолий Сапожников.

Корабли передают «Сторожевому» требование: «Остановить движение! В противном случае корабль будет обстрелян и уничтожен».

Тогда Валерий Саблин по наружной громкоговорящей связи обращается к морякам: мы идем не в Швецию, а в Кронштадт; идем, чтобы сказать правду о положении в нашей стране:

«Всем! Всем! Всем! Товарищи, прослушайте текст выступления, с которым мы намереваемся выступить по радио и телевидению. Наша цель - поднять голос правды... Наш народ уже значительно пострадал и страдает из-за своего политического бесправия... Только узкому кругу специалистов из-

вестно, сколько вреда принесла и приносит волюнтаристское вмешательство государственных и партийных органов в развитие Вооружённых сил и экономику страны, в решение национальных вопросов и воспитание молодёжи... Предполагается, что, во-первых, нынешний госаппарат будет основательно очищен, а по некоторым узлам - разбит и выброшен на свалку истории, так как глубоко заражён семейственностью, взяточничеством, карьеризмом, высокомерием по отношению к народу. Во-вторых, на свалку должна быть выброшена система выборов, превращающая народ в безликую массу. В-третьих, должны быть ликвидированы все условия, порождающие всесильность и бесконтрольность гос- и партаппарата со стороны народных масс...

Мы твердо убеждены, что необходимость изложить свои взгляды на внутреннее положение в стране, причём чисто критического плана по отношению к политике Центрального Комитета КПСС и Советского правительства, имеется у многих честных людей в Советском Союзе...»

И сегодня, спустя свыше трёх десятилетий, после эпохи перестройки и гласности, многие призывы Валерия Саблина не только не устарели, а кажутся еще более злободневными. А как же их тогда, в годину глухого застоя, слушали моряки, слушал Анатолий Сапожников!

Не сговариваясь, командиры кораблей решили: будь что будет, но открывать огонь по безоружному судну, откуда раздается голос правды, призыв к свободе, мы не будем.

Преступный кремлевский приказ выполнили только лётчики, разбомбив «Сторожевой» с высоты всего 300-400 метров.

К «Сторожевому» подошли корабли с морскими десантниками из группы захвата. Для пущего страха стреляя в воздух из автоматов, они высадились на палубу и стали прочёсывать внутренние помещения, выводя экипаж наверх. На палубу в наручниках вывели раненого Валерия Саблина... Один из матросов, помогавших идти своему командиру, обернулся и, не страшась кагэбешников, громко сказал: «Запомните этого человека на всю жизнь! Это настоящий командир, настоящий офицер советского флота».

В документальной повести О. Бар-Бирюкова «Расстрелянный Буревестник» (Знамя. 1998. № 7) опубликован сверхсекретный документ из «Особой папки» ЦК КПСС, подписанный председателем КГБ Андроповым, генеральным прокурором Руденко, министром обороны Гречко и председателем Верховного суда СССР Смирновым. Вот как эта четвёрка из кремлёвской верхушки оценивала действия Саблина: «Политическая ”платформа” Саблина включала набор заимствованных из буржуазной пропаганды клеветнических утверждений об ”устарелости” марксистско-ленинского учения и ”бюрократическом перерождении” государственного аппарата в СССР и призывы к отстранению КПСС от руководства обществом, к созданию новой ”более прогрессивной” партии. Весной 1975 года он разработал детальный план захвата военного корабля, который намеревался использовать как ”политическую трибуну” для выдвижения требований об изменении государст-

венного строя в СССР и борьбы с Советской властью. Он организовал и осуществил самовольный угон большого противолодочного корабля за пределы советских территориальных вод. Эти его действия квалифицированы как измена Родине...».

Любое высказывание, не согласное с партийной жвачкой, это для них буржуазная пропаганда, клевета, ревизионизм.

Ещё до суда шеф тайной полиции сотоварищи приказывают считать Саблина изменником Родины. На полях секретнейшего документа - росписи Брежнева, Суслова, Пельше и прочей челяди из политбюро. Все, ну конечно же единогласно - за смертный приговор Саблину.

По имеющимся у автора повести сведениям, Саблину предложили признать свои взгляды ошибочными: за это ему обещали сохранить жизнь. Но Саблин отказался.

Особисты учинили тотальную проверку всех кораблей, которые отказались стрелять по «Сторожевому». Проверяли политическую благонадёжность всего состава. Изъяли вахтенные журналы: вырывали оттуда все записи, сделанные 8 ноября. У всех взяли подписку о неразглашении. Как же они боялись, что мир узнает правду!

Но, вероятно, не было команды затевать ещё одно политическое дело. Анатолия Сапожникова только перевели с Балтики на Дальний Восток. А в сталинское время запросто бы прихлопнули: команда корабля отказалась же выполнить боевой приказ.

Сапожников пророчески предсказал Юрию:

- Когда-нибудь имя Валерия Саблина будет известно всем.

В 90-е годы Юрий Бадиков приехал в Петербург и зашёл в высшее военно-морское училище им. Фрунзе. В то самое, которое когда-то окончил Валерий Михайлович Саблин. А ещё до него в позапрошлом веке окончил лейтенант Петр Петрович Шмидт (тогда оно, понятно, не носила имени кровавого наркома) - командир восставшего в 1905 году крейсера «Очаков».

Бадиков спросил у заместителя начальника училища по воспитательной работе В. Устинова, есть ли у них материалы о Саблине. В музее, выясняется, ничего нет. Может, в библиотеке что-нибудь есть? Позвонили туда: результат тот же самый. В библиотеке даже обиделись:

- Вы знаете, сколько у нас было выпускников, разве о каждом надо помнить?

- А сколько у вас было лейтенантов Шмидтов?

31
«Добьемся мы освобожденья!»

«Теперь предположим, что наши потомки захотели бы по современной советской литературе составить представление об исторических испытаниях нашего народа в XX веке. Что дала бы на этот счёт наша литература и насколько это соответствовало бы действительности? Конечно, обнаружилось бы немало примечательного, характеризующего время, как, например, воспевание, особенно в тридцатых годах, “пафоса строительства”».

«Пафос идей сделался как бы своеобразной действительностью в литературе. И в человеке важнее всего стала идея в ее отношении к «новому миру». С этой точки зрения подросток Павлик Морозов с его классовой бдительностью внутри семьи – знак неизмеримо более эпохальный, чем, допустим, Мишка Додонов (из «Ташкента – города хлебного» А. Неверова), с не-

детским мытарствами добивающийся до сказочного хлебного города, чтобы спасти от смерти голодную семью».

«Деревня потрясена увиденным трактором, а ведь было ещё задолго до этого в России чудо техники куда похлеще замарашки–"фордзона" – хотя бы великая сибирская железная дорога, поразившая мир как величайшее техническое достижение XIX века, но стоит ли удивляться этому? Да и само русское земледелие: вроде бы был В. В. Докучаев, лучшая в мире русская агрономическая наука, но и это – какой же предмет для энтузиазма? "Прокати нас, Петруша, на тракторе, до околицы нас прокати" – это уже целая эпоха в сознании целого поколения, не только трактор. В последующей истории, впрочем, этому трактору суждено ещё будет сыграть немаловажную этическую роль, недаром в советской литературе героической стала ситуация, когда молодой тракторист идёт на гибель, чтобы только спасти свой трактор – об этом написано немало произведений в самых разных жанрах».

Уже по этим отрывкам из статьи «Освобождение», опубликованной в 1982 году, можно догадаться, что ее автор думает о послеоктябрьской истории России, о большевистских великих разломах и переломах, о социалистическом реализме, для которого идея или машина куда дороже живого человека. По мнению автора, в советской литературе скудно освещена революционная решимость вождя мирового пролетариата, неистово звавшего *«поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров…»,* вдохновителя и организатора этого самого массового террора.

Но где же была напечатана статья «Освобождение»? В «Посеве», «Гранях» или в максимовском «Континенте»? Туда, как говориться, ей и дорога, к этим матерым антисоветчикам. Или наш «Новый мир», изредка тешивший себя и либеральную интеллигенцию полукрамольными публикациями, дерзнул на сей раз замахнуться на святая святых коммунистической веры? Но нет, нет и нет. Статья увидела свет на страницах одного из самых тихих и верных партии провинциальных журналов – в саратовской «Волге».

Какой-то ирреальной, едва ли не мистической кажется сегодня история написания, редактирования и публикации статьи в тот год, когда еще не ушел в мир иной герой и певец Малой земли.

Писатель Михаил Алексеев потому и выбился в литвожди, что всегда верно служил родной партии, был ярым крикуном и загонщиком в любой идеологической травле. За что его щедро вознаграждали: орденами, государственными премиями, званием героя социалистического труда, многотомными собраниями его мало читаемых сочинений, должностью главного редактора журнала «Москва».

Но в этом заласканном властью литературном сановнике не до конца выжжена была душа живая, горькая память о детстве своего поколения. Почти ровесник октябрьского переворота, уроженец села Монастырское Саратовской губернии, Михаил Алексеев запомнил на всю жизнь великий перелом деревни, крушение крестьянского уклада, организованный большевика-

ми великий мор 1933 года. И не раз упоминал, правда, только упоминал об этих трагических событиях в своих книгах. Это требовало если не великого мужества, то определенной смелости: до перестройки и гласности коллективизация почиталась столь же священным событием, как и октябрьская революция.

На седьмом десятке лет писатель решается обстоятельно рассказать в романе «Драчуны» (1981) о гладе и море родного села. Началось все с коллективизации и «ликвидации кулачества как класса»:

«Списки, составленные в сельсовете годом раньше и ожидавшие этого исторического часа в темных, молчаливо-таинственных закромах райкомо-исполкомовских сейфов, возвратились к месту своего рождения с многозначительными пометками, изображавшими где крестик, где галочку, где просто черточку, выведенными соответственно красным, синим и черным карандашами. К вернувшимся спискам было приложено разъяснение, из которого сельсоветские руководители должны были понять, что красный крестик поставлен против фамилии кулака, синяя галочка – середняка, ну а черточка, хоть и была черной, ничего вроде бы худого не сулила тому, кто под нее угодил, ибо разумела за собой «беднейшие слои сельского населения» или хоть и середняка, но «маломощного». Но и эти последние могли пострадать, поскольку по условиям деревенского житья-бытья неизбежно, вполне естественно состояли в ближнем или дальнем родстве с первыми, и по этой причине многие из них скоро попали в категории «подкулачников», «кулацких подпевал», «кулацких подноготников» и прочих «под»».

Так с красных крестиков, синих галочек и черных черточек пошёл красно-чёрный погром российской деревни.

Очень сомневаюсь, чтобы кому-нибудь либеральному писателю позволили бы в 1981 году напечатать нечто подобное о коллективизации. Сработал, вероятно, авторитет правоверного литературного вождя.

Разумеется, журнал «Волга» не мог не откликнуться на очередной роман нашего именитого земляка, да еще и на роман о событиях в Саратовской области. Главный редактор журнала Николай Палькин, друживший с Михаилом Алексеевым, попросил заведующего отделом критики Виктора Бирюлина заказать статью о романе московскому критику Михаилу Лобанову.

В то время Лобанов уже написал большую статью об алексеевском романе, но ее отказались печатать столичные журналы. Однако, отвергнутая в Москве, статья «Освобождение» сверх благожелательно была встречена на родине автора «Драчунов». Словно невидимый маг и волшебник околдовал в те дни и самый идеологически непреклонный в СССР обком КПСС, и самую придурочную в стране цензуру. Читают – и принимают без всяких замечаний и поправок! Или подпали идейные стражи под чары имени живого советского классика?

Прочел и одобрил лобановскую статью и ее главный герой – сам Михаил Алексеев.

Палькин все же решил на всякий случай застраховаться от возможных напастей и предпослал публикации редакционное примечание: *«Не со всеми его (критика – В. С.) положениями и выводами можно согласиться – на то и дискуссия».*

Октябрь 1982 года. В десятом номере «Волги» напечатана статья «Освобождение» (О романе М. Алексеева «Драчуны»)». Михаил Лобанов сопоставляет книгу с оптимистично-лгущей советской литературой. Для него роман ценен не столько как художественное произведение, сколько как историческое свидетельство: *«Это уже не проза, это сама летопись, которую историк будет также вводить в свою, в свой труд, как, скажем, С. М. Соловьев вводит в свою "Историю России" древние русские летописи. Каждый факт здесь исторически значителен». «Дети и взрослые, пока хватало сил, выискивали все, что могло бы сгодиться хотя бы для видимости в еду – от трав до смертельно опасной для жизни, отвратительно вонючей барды. Смерть начала косить людей, кладбище было завалено мертвыми. Приводимые С. М. Соловьевым в «Истории России» древние летописные отрывки о скудельницах, наполненных умершими от мора, бледнеют перед кладбищенскими подробностями в рассказе автора».*

Слух о необычной публикации побежал по городам и весям. Если прежде сотни экземпляров журнального тиража списывались в макулатуру, то этот номер ищут, передают друг другу; скоро его и по знакомству нельзя будет нигде достать.

Докатилась молва и до московского Кремля. Новый генеральный секретарь ЦК КПСС (ЧеКа КПСС – из большой серии андроповских анекдотов, пополняемой тогда едва ли не ежедневно), сокрушивший своё здоровье в нескончаемой битве с диссидентами, начал свою бурную, но, слава Богу, краткосрочную генсековскую эпопею со всенародных облав на нерадивых строителей светлого будущего и с идеологической расправы над саратовской «Волгой».

По заданию самого Ю. Андропова два отдела ЦК КПСС – пропаганды и культуры – подготовили две (!) записки о лобановской статье и повелели советской печати разнести ее в пух и прах. Все критические удары были похожи друг на дружку, как болванки из одного и того же цеха.

Первый залп выдала 5 января 1983 года солидная «Литературная газета». Доктор филологических наук П. Николаев усмотрел в статье Лобанова *«феноменальный пример безоговорочного критического нигилизма по отношению не только к большой литературе, но и к истории, а заодно и к теории искусства, апробированной исторически».* Недопустимо оспаривать историческое значение великого перелома: *«Коллективизация в сущности своей была необходимым историческим актом революционной перестройки крестьянского сознания»* [108] (массовым голодом!). Почти дословно эти же обвинения переписывают критик В. Оскоцкий в «Литературной России» 21 янва-

[108] *Николаев П.А.* .Освобождение… От чего? // Литературная газета. 1983. № 1.5 января. С. 4.

ря и секретарь правления Союза писателей СССР Ю. Суровцев в «Правде» 13 февраля.

Позже всех – 14 апреля того же года, но зато и угодливее всех кинулся добивать Лобанова областной «Коммунист». Редактор газеты Николай Шабанов – он же и кандидат исторических наук (через несколько лет, когда даже кремлёвские вожди разуверятся в пользе бездумного вранья, он падёт на поле брани с антисоветским Демократическим Союзом и с «Советской Россией»), не только даст железный отпор *«посягательствам М. Лобанова на переоценку лучших произведений советской литературы, ставших духовным богатством человеческой цивилизации…»* («Поднятая целина» вешенского классика с четырехклассным образованием!), но и заклеймит московского критика чуть ли не как вражеского агента-лазутчика: *«Получив отпор в центральных изданиях, М. Лобанов стал искать лазейки на периферии».*[109]

Но самое великое открытие в шабановской статье: голод 1933 года организовала вовсе не родная коммунистическая партия (на что довольно прозрачно намекал Лобанов), а так называемые кулаки, то есть сами умиравшие крестьяне.

На заседаниях секретариата правления Союза писателей РСФСР «Освобождение» громят заслуженные мракобесы Советского Союза: С. Михалков, дважды (а ныне - и трижды) гимнюк СССР, Ю. Бондарев, Е. Исаев, бывший редактор «Волги» Н. Шундик, Вас. Федоров, Н. Доризо, А. Кешоков и пр. Перетрусивший герой социалистического труда Михаил Алексеев, который прочел и одобрил статью до ее публикации, теперь возмущенно говорил о *«критическом своеволии и субъективизме автора статьи “Освобождение”».*

Секретариат принял постановление, в котором «признал публикацию журналом «Волга» статьи М. Лобанова «Освобождение» серьезной ошибкой»[110].

Тогда же обсуждают, точнее, осуждают лобановское сочинение на заседании бюро саратовского обкома КПСС, куда вызвали всех членов редколлегии проштрафившегося журнала. Не шибко сведущий в литературе первый секретарь обкома В. Гусев (позже – сподвижник фюрера из ЛДПР) удивленно спрашивает: да как же допустили, прошляпили возмутительную статейку? Клевета на замечательных советских писателей! Клевета на советскую действительность! Поклеп на великую коллективизацию! И полная жуть – антиленинизм!

Последовали оргвыводы: укрепить (то есть разогнать) руководство журнала. Полетели со своих постов верные солдаты партии главный редактор «Волги» Н. Палькин и его заместитель Б. Дедюхин, так опрометчиво доверившиеся живому классику. За потерю революционной бдительности убрали

---

[109] *Шабанов Н.* О мнимом историзме и правде жизни. По страницам журнала «Волга» // Коммунист. 1983. № 84. 14 апреля. С. 3.

[110] Принципиальность и строгость оценок // Литературная Россия. 1983. № 9. 25 февраля. С. 5

заведующую отделом культуры обкома В. Боброву (потом она станет «рыцарем социальной защиты» в губернаторском правительстве).

В незабвенные годы шести «П» (пятилетка пышных похорон политбюро, партии и правительства) или серийного «катания вождей на лафетах» талантливая статья Михаила Лобанова – его звездный литературный час! – расшифровывались всеми, кто хотел гласности и демократизации, как начало освобождения от официальной схоластики, как победа живого слова над мертвечиной кремлевских догм.

Потом пути оппозиционной интеллигенции круто разойдутся, и критик окажется ближе к своим тогдашним гонителям, оборотившимися вдруг отпетыми патриотами, чем ко многим восторженным читателям «Освобождения» в начале 80-х годов.

***

В 1998 году на земле саратовской с советским размахом прошел фестиваль в честь 80-летия Михаила Алексеева – последнего живого классика социалистического реализма.

На встрече с писателями в Фединском музее министр губернской культуры И. Кузьмин сказал, что в зале «собрались почитатели нашего великого земляка», «который через весь мир пронес историю Саратовской губернии».

Эпитет «великий» все поздравляющие юбиляра как эстафетную палочку передавали друг другу. Председатель Союза писателей России В. Ганичев назвал Михаила Алексеева великим писателем с мировым именем. Присутствующие с радостью узнали, что в Китае его любят также крепко и искренне, как и в Саратове, а белорусский батька Лукашенко воспитывался на его книгах.

Председателю вторил член того же Союза Н. Горбачев. По его искреннему убеждению, наш земляк принадлежит всей России, всей мировой культуре; встал в один ряд с такими великими писателями, как Чернышевский и Радищев.

Растроганный юбиляр назвал всех саратовцев «родными прототипами» своих книг; посетовал, что сегодня выползла скверна, порнография, а желтая пресса потеснила нас, то есть самого Алексеева и близких ему по духу и идеям сочинителей.

Отвечая на мой вопрос, Алексеев подробно рассказал историю публикации «Драчунов», закулисной борьбы вокруг романа. Главный цензор Советского Союза Романов потребовал убрать все главы о голоде 1933 года, ради которых и был задуман роман: в только что вышедшем очередном курсе истории КПСС не было ни слова об этой трагедии! Главы удалось отстоять ценой некоторых сокращений: вычеркнули упоминание о случаях людоедства, абзац о том, что голод был не только в Поволжье, но и на всей Украине, на Кубани, Урале.

Автор «Драчунов» охарактеризовал Михаила Лобанова как серьезного ученого, честного гражданина. «Освобождение» - глубокая, мудрая статья, лучшая из всего, что написано о романе. Смысл названия статьи в том, что

художник может писать истинную правду, создавая настоящее произведение искусства лишь тогда, когда он придавит в себе внутреннего цензора.

По словам Алексеева, сам М. Зимянин, секретарь ЦК КПСС, провел в ЦК совещание, где приказал разгромить статью «Освобождение». После этого Михаила Лобанова не печатали семь лет.

Роман «Драчуны» был выдвинут на Ленинскую премию, за него единогласно проголосовали все члены комиссии. Но после скандала с лобановской статьей тогдашнему руководителю Союза писателей СССР Г. Маркову приказали аннулировать это решение.

Рассказ Михаила Алексеева об идеологическом побоище 1983 года очень любопытен. Но юбиляр то ли не захотел вспоминать, то ли и впрямь искренне позабыл, как он в то андроповское времечко публично отзывался о статье Михаила Лобанова.

32
Учёный без идеологии!

Питомцы ликбезов, рабфаков и курсов красной профессуры ловко крутили-вертели отечественную историю. Иван Грозный и его подручный Малюта Скуратов как в волшебной сказке преображались в прогрессивнейших государственных деятелей. А вождь вольнолюбивых горцев Шамиль внезапно трансформировался в агента британского империализма. Исчезла царская Россия как тюрьма народов, как учил нас вождь мирового пролетариата, и рождалась держава-благотворительница, куда добровольно наперегонки бежали все народы (ну прямо как в Советский Союз!). И совсем новая новость: Чернышевский-то, оказывается звал Русь вовсе не к топору и крестьянской

революции, как нам втолковывали в советские годы, а всего лишь к законопослушности и реформам.

«Сталин был убежден, что никто не выдержит астрономического ”веса” такого государства, как СССР, его давления. Сломится. Сталин ошибся. Сломились многие, но не все. В первую очередь сломились сообщники Сталина по партии. Не сломились настоящие ученые, подлинные искатели истины в науке. Они оказались Галилеями, утверждавшими правду о вращении Земли», - отчеканено в авторском предисловии к книге В.В. Пугачева (написана в соавторстве с В. А. Динесом) «Историки, избравшие путь Галилея (Саратов, 1995), посвященной великому отечественному филологу и историку Юлиану Григорьевичу Оксману.

Таким же бесстрашным искателем научной истины всегда был сам Владимир Владимирович Пугачев. Как и его учитель Ю. Г. Оксман, историк «отбросил авторитеты (и научные, и государственно-командные). Единственный свидетель и судья – факт. А единственное основание для выводов – разум, логика, диалектика». Для него всю жизнь были нерасторжимыми понятиями были наука и истина, истина и свобода, свобода и честь, честь и мужество.

Пугачев никогда не прислуживал высокому начальству, никогда не гнался за конъюнктурой (даже самой либеральной), никогда не бежал впереди советского прогресса. Когда он в 1948 году защищал в Ленинградском университете кандидатскую диссертацию о войне 1812 года, ему предъявили самое убийственное партийное обвинение: не та идеология! Один из сочувствующих молодому историку неосторожно крикнул: «Да что вы, у него вообще нет никакой идеологии!»

И обвинитель, и защитник Пугачева были, пожалуй, по-своему правы. Конечно, у него были свои идейные убеждения, уже в молодости далеко расходившиеся с марксистско-ленинской догматикой, но его никогда не прельщала идеологическая предвзятость, высочайшие предписания кого нынче величать, а завтра распять.

Тщательно изучив печатные и архивные источники, Владимир Владимирович доказывал в кандидатской диссертации, что автором плана оборонительной войны с Наполеоном, плана, по которому и шла подготовка к войне и по которому в основном и велась война, был военный министр Михаил Богданович Барклай де Толли. Тот самый генерал Барклай, коего великий организатор всех наших побед генералиссимус Сталин в 1947 году оценил ровно на две головы ниже Кутузова.

В июне 1947 года, собирая материалы в архивах Вильнюса, историк познакомился со знаменитым философом Львом Платоновичем Карсавинымм и спросил его: почему Александр I скрывал от приближенных план подготовки войны с Наполеоном? Философ, которому жить на свободе, да и вообще на белом свете оставалось всего-то ничего, спокойно ответил: «Да это обычное лицемерие российской власти. Посмотрите, как сейчас Молотов выступает в Организации объединенных наций».

Никогда не боялся говорить правду о российских властителях и Владимир Владимирович. В 1979 году, вспоминает его ученик Вадим Парсамов, Пугачев воскликнул на лекции: *«Пушкин упрекал Екатерину в лицемерии. А кто из политиков не лицемер? Ленин что ли не лицемер?»*

На Западе исключительно высоко оценивали вклад Пугачева в историческую науку. Французский профессор Жан Брояр назвал его самым видным в России специалистом по декабристам. Для Франка Вентури, который столь же почитаем в Италии, как у нас Ключевский, Пугачев – выдающийся историк, который показал сложности борьбы российских либералистов за свободу.

А в СССР спорили с Пугачевым, с его статьями и книгами, по-новому открывающими нам Радищева, Пушкина, декабристов, войну 1812 года, не столько научными аргументами и фактами, сколько идеологическими ярлыками, а то и просто политическими доносами.

В 1958 году на Всесоюзной научной конференции, проходившей в Саратове, историк выступил с докладом «Из истории взаимоотношения Н.Г. Чернышевского с либералами (до и после начала сотрудничества Н.А. Добролюбова в “Современнике”)». Пугачев убедительно доказывал, что Тургенев и его друзья не были повинны в разрыве с «Современником», как единогласно уверяли все советские кандидаты и доктора разных наук; на самом же деле знаменитых писателей без церемоний грубыми приемами изгоняли из редакции некрасовского журнала Чернышевский и Добролюбов.

Но разве могут быть хоть в чем-то не правы воспетые предшественники русской социал-демократии, как окрестил их самозванный вождь мирового пролетариата? Правоверный П. Бугаенко недоуменно пробормотал что вроде того, что, мол, нас, то есть их, учили совсем по-другому.

А со страниц университетской многотиражки «Ленинский путь» в адрес Пугачева несутся громовые обвинения: *«ошибочное определение существа первой революционной ситуации в России»,* неверная трактовка *«тактической линии Чернышевского накануне реформы»,* преувеличение *«компромиссов с его стороны по отношению к либералам»,* и – нокаут! – недооценка *«роли народа в освободительном движении 60-х годов»*[111]. Хоть бери ученого, да сразу и в кутузку его!

Инициатором этих обвинений, по тогдашним понятиям, политических доносов, вероятно, был надежный страж коммунистической идеологии заведующий кафедрой русской литературы Е. Покусаев, а прямым их сочинителем – ассистент кафедры русской литературы Т. Усакина, будущее светило филологического факультета. Пугачев, понятно, был возмущен этими обвинениями, о чем он тогда же прямо сказал их авторше.

Это Усакина в последние годы сталинщины тиснула в стенной газете прямой донос на своего однокурсника: да как же он посмел конспектировать бессмертные труды товарища Сталина всего-навсего в трех строчках? Тут же

---

[111] *Усакина Т.* .За творческий подход к наследию Н. Г. Чернышевского // Ленинский путь. 1958. № 27. 1 ноября. С. 2.

в коридоре, около стенгазеты с поклепом, этот однокурсник публично назвал штатную или нештатную доносчицу идиоткой. Только чудо или случайность уберегли провинившегося студента – недооценил творения кремлевского корифея! – от ареста. Позже, когда доносчица поступала в аспирантуру, она не посовестилась попросить у этого однокурсника обруганные ею же конспекты по марксизму-ленинизму.

Спустя 15 лет «Ленинский путь» снова наезжает на Пугачева.

Обкомовский идеолог В. Черных забурлил, увидав в межвузовском сборнике «Освободительное движение в России» (ответственный редактор – Пугачев), посмертно опубликованную статью Оксмана «Пушкин и декабристы». По устному указанию Черныха (партия не любила оставлять письменные свидетельства своих деяний) «Освободительное движение» было арестовано, то есть сборник убрали из библиотек и магазинов, а над его редколлегией и университетским издательством учинили судилище на бюро Кировского райкома КПСС.

Тогда-то по указке обкома и выступил на все готовый «Ленинский путь». Члены университетского парткома нашли жуткий провал в деятельности заведующего кафедрой истории СССР досоветского периода Пугачева: он безответственно увлекся *«вопросами науки»,* посмел поставить *«их во главу угла»*[112]. Ну разве допустимо в советском вузе так увлекаться наукой!

Искали, понятно, предлога, дабы избавиться от беспокойного профессора. В 1975 году секретарь парткома Б. Хохлов попросил Пугачева «по собственному желанию» (официальная формулировочка советских отделов кадров) отказаться от должности заведующего кафедрой. Позже – столь же добровольно! – уйти из университета.

Владимир Владимирович никогда не занимался политикой, не был открытым борцом с коммунистическим режимом. Но он, как Радищев, «ни на минуту не забывал о современности. История должна была помочь разобраться в настоящем». Беспристрастный взгляд историка корректировался взглядом современника - свидетеля творимой на наших глазах истории.

Эрудированный и свободный разговор о минувшем, непрерывный поиск истины, а не ходкий набор иллюстраций к известным догматам, критический разбор навечно, казалось бы, заданных схем, оценок, цитат, учили студентов безбоязненной мысли, научной честности и гражданской доблести.

Когда во второй половине 60-х годов в Горьком (в то время Пугачев был профессором тамошнего университета) началось массовое распространение самиздата, возникли студенческие кружки, по городу распространялись листовки, требовавшие демократических свобод, реабилитации осужденных по процессам 30-х годов, призывавшие «следовать чешскому примеру», то среди самых отпетых возмутителей советского спокойствия были ученики Пугачева: Виталий Помазов получил полтора года лагеря, Михаилу Капранову дали 7 лет лагеря строгого режима.

---

[112] В парткоме СГУ. Учебно-воспитательной работе – должное внимание // Ленинский путь. 1973. № 3. 19 января. С. 1

Спецсеминар Владимира Владимировича разгромили: его учеников либо арестовали, либо выгнали из университета. Когда студенты спросили своего учителя, как им вести себя на следствии, он напомнил им, как понимали офицерскую и гражданскую честь в грибоедовское время. На петербургской гауптвахте один из арестованных декабристов дал автору «Горя от ума» замечательный совет: *«По-нашему, по-военному, не следует сдаваться при первой же атаке, которая, пожалуй, окажется еще и фальшивою; да если поведут и настоящую атаку, то все-таки надо уступать только то, что удержать уже никак нельзя».*

Студент В. Калягин, будущий депутат Государственной думы, верный зюгановец, тотчас помчался доносить: Пугачев, мол, советовал не давать никаких показаний. На университетском партийном собрании секретарь по пропаганде Горьковского обкома партии А. Горев зачитал справку КГБ о деле студентов: они, мол, были «неискренни» (профтермин госбезопасности) на допросах под влиянием своего учителя.

12 августа 1981 года в Ленинграде арестовали Арсения Рогинского – ученика Ю. М. Лотмана, автора капитальных публикаций по истории декабризма (в их числе две статьи в сборнике «Освободительное движение в России», когда его ответственным редактором был Пугачев). Рогинский под руководством Пугачева готовил кандидатскую диссертацию о Михаиле Новикове – одной из самых ярких и загадочных фигур декабристского движения.

Однако Рогинский занимался не только декабристами. Он был редактором научно-исторического самиздатовского сборника «Память», перепечатывавшегося в Париже. В пяти выпусках сборника публиковались превосходно прокомментированные материалы о неизвестных эпизодах советской истории, о политических репрессиях 1920-1960-х годов.

Арсений Борисович давно был на прицеле у компетентных органов. Его не единожды допрашивали, обыскивали, предупреждали, за два года до ареста после очередного обыска выгнали с работы. Грозно требовали: прекратите издавать «Память», хотя никак не могли доказать, что именно Рогинский – редактор самиздатовского сборника. Но так ли важны какие-то доказательства при социалистической законности?

Единственное, к чему сумели придраться кагэбешникии, это подпись под отношением в архив.

Пугачева вызвали в суд, проходивший в Ленинграде, как научного руководителя Рогинского. Попытались выудить у профессора хоть что-нибудь против подсудимого. Учитель, разумеется, не предал своего ученика.

Тогда, как водится в СССР, занялись в наглую шантажом: учтите, мы с вами разговариваем так мягко, учитывая ваш возраст. Подтекст понятен: захотим и посадим. Но и шантаж не помог советской Фемиде.

На суде Пугачев сказал, что знает Рогинского как талантливого историка с 1965 года, как своего аспиранта. Ученый твердо заявил, что на отношении в архив «подпись моя, но похожа или нет установить нет возможности, так

как у меня очень неустойчивый почерк; но даже если подпись не моя, то она сделана с моего ведома и санкции».

Рогинский отказался на суде давать какие-либо показания: «На этот вопрос я отвечать не буду, как и на все другие вопросы».

Защищать историка и правозащитника приехали ученые из Москвы, Риги, Саратова, говорившие на суде о Рогинском как о замечательном исследователе декабристского движения. Против инсценированного судилища пришло десятки телеграмм протеста: от Булата Окуджавы и Михаила Дудина, от ученых Америки, Англии, Франции, Германии, Японии. В защиту Рогинского энергично выступила «Международная амнистия», о суде над ним подробно рассказывали «Голос Америки», «Свобода», «Немецкая волна». Для организаторов процесса громкий и, конечно же, нежелательный международный резонанс оказался полнейшей неожиданностью: они-то думали засудить мало кому известного самиздатчика.

4 декабря 1981 года Арсения Рогинского приговорили к четырем годам лишения свободы; срок отсидел полностью в северных лагерях. Приговор был отменен лишь в январе 1993 года (!), а еще через несколько месяцев Комиссия по реабилитации жертв политических репрессий тогдашнего Верховного Совета наконец-то признала, что Рогинский был осужден по политическим мотивам.

В Саратове же задумали внесудебную расправу над Пугачевым в два этапа:

1) печатно заклеймить;

2) выгнать с работы.

15 апреля 1983 года в областной партгазете под боевой рубрикой «На фронтах идеологической борьбы» (ну как же прожить без фронтов и борьбы в стране перезрелого социализма!) публикуется статья штатного клеветника В. Пролеткина (того самого, сочинителя статьи «У позорного столба») «Письма с ядовитой начинкой». Враль, более чем смутно знакомый с азами научной работы, обзывает копирование Рогинским архивных документов – воровством (!). Пугачев же бичуется за потерю советской бдительности, за забвение ленинского завета *«быть начеку»,* за то, что его показания на суде не делают *«ему чести, как советскому ученому»*[113].

«Письма с ядовитой начинкой» перепечатываются без изменений во втором издании кагэбешного сборника с лирико-патриотическим названием «Родина для каждого одна». Только вместо фамилии ученого – инициал П. Не рассчитывал ли видимый боец идеологического фронта на некое публицистическое обобщение?

«Родину», сочиненную по кагэбешным материалам и подписанную к печати 29 января 1985 года, то есть примерно за месяц до очередной кончины очередного генсека – К. У. Черненко (народная молва назвала его кучером), напутствовал в путь-дорогу к советскому читателю тогдашний начальник Управления КГБ по Саратовской области И. Крутских: *«Политическая бди-*

[113] *Пролеткин В.* .Письма с ядовитой начинкой // Коммунист. 1983. № 85. 15 апреля. С. 3.

тельность была и остается надежным, проверенным оружием в борьбе с врагами нашей страны на всем протяжении ее истории. Коммунистическая партия воспитывает в этом духе трудящихся, постоянно следуя основополагающим указаниям В. И. Ленина о необходимости зорко следить за происками врагов социализма, решительно пресекать все их попытки повредить делу строительства нового общества». А врагами-то, оказывается, были историки, публикаторы архивных документов.

Однако выгнать Пугачева с работы гэбистам и их прислужникам так и не удалось. Ректор экономического института Иван Михайлович Герман решительно отказался увольнять выдающегося ученого по клеветническим наветам. Он ответил гонителям: суд не вынес никакого частного определения о Пугачеве, почему же я должен гнать его из института?

Даже в те годы далеко не все легко поддавались нажиму известных органов, не кидались суетливо выполнять их устные (чтобы никаких их следов не осталось!) карательные указания (как в схожей ситуации, буквально в то же самое время, повел себя университетский ректор А. Богомолов; см. следующую главу - «Жить не по лжи!»). Мужество могло одолеть страх, честь и совесть могли устоять перед оголтелым натиском злобы и лжи.

Пугачев победил профессиональных клеветников, пытавшихся убрать его из отечественной науки. Он победил партийно-чекистских надсмотрщиков, изгнавших его из университетов Перми, Горького, Саратова - позорнейшая страница в истории города. Он победил советских фальсификаторов и конъюнктурщиков, невежд и шарлатанов.

33
«Жить не по лжи!»

Английский писатель Джордж Оруэлл в 1948 году в своём гениальном романе, который издавался и переиздавался во всём цивилизованном мире, а в социалистическом лагере широко распространялся самиздатом (по мистической случайности, я прочёл «1984» как раз в этом самом году), предсказывал: к 1984 году весь мир будет захвачен тремя коммунистическими империями; они-то и будут попеременно воевать друг с другом.

В самом конце 60-х годов, когда кремлёвские танки, отутюжив Восточную Европу, добивались торжества коммунистических идей в Юго-Восточной Азии, в Африке и Латинской Америке, отечественный историк диссидент Андрей Амальрик, напомнив об английском романе, задаёт мгно-

венно прославивший его вопрос: *«Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?»*

Пессимисты верили Оруэллу, оптимисты – Амальрику, поднимая в новогоднюю ночь тосты с надеждой на заветную дату.

В тот загаданный год, когда СССР ещё не распался, хотя и тихо закатывался, саратовские чекисты продолжали рьяно пресекать идеологические диверсии, вернее то, что они считали таковыми.

…Анатолия Сандлера остановил на проспекте на Московской улице (тогда – еще Ленинской) человек в милицейской форме. Он сказал, что милиция ищет опасного преступника, а Сандлер, мол, очень похож на него; попросил пройти в Кировский отдел. А там без церемоний открыли его портфель и нашли искомое: переплетенный машинописный экземпляр романа Александра Солженицына «В круге первом». Все было разыграно как в соцреалистическом сериале «Следствие ведут знатоки»; только операцию, как каждому ясно, провели отнюдь не Знаменские и Томины.

Анатолий Сандлер тридцать лет преподавал в Саратовском университете. Фронтовик. Талантливый математик. Заводила на всех юмористических вечерах механико-математического факультета. Любимец студентов и студенток.

Анатолий никогда не стеснялся открыто и резко высказывать свое мнение, восхищаться мужественными учеными и писателями, а холуев называть холуями. Даже друзья ему иногда пеняли: *«Толя, но нельзя же так! Ты же не в Чикаго, а в СССР!»*

После публикации в 1972 году в «Коммунисте» клеветнической статьи «У позорного столба» Сандлер организовал сбор денег для тех, кого выгнали с работы. Тогда-то я с ним близко и познакомился. На мой вопрос об адресе он сказал: *«Ну, мой адрес ты легко запомнишь: Братиславская, статья 58, пункт 2».*

Конечно, Сандлер был на прицеле у тайной полиции. По его мнению *«роман Солженицына “В круге первом” был обнаружен сотрудниками КГБ с помощью осведомителя – моей бывшей студентки, которая, видимо, была приставлена ко мне, чтобы разыскать какой-нибудь компромат».*

Ну, а дальше все пошло по обычному кагэбешному сценарию: вызовы, допросы, угрозы. Где вы достали роман? Купил в Москве на улице. А у кого? Да у случайного прохожего. Опишите его приметы. И так далее. Словом, ничего выудить у Сандлера кагэбешникам так и не удалось.

12 июня 1984 года Сандлера официально предупреждают в КГБ: если он будет хранить книги, подобные роману «В круге первом», то против него будет возбуждено уголовное дело по статьям 70 и 190, пункт 1. Стращают с наглым перебором, потому что хранение (даже не распространение!) романа Солженицына и парижского издания «Собачьего сердца» Булгакова никак нельзя подвести под 70 статью (через несколько лет и роман Солженицына, и повесть Булгакова будут изданы в Советском Союзе массовыми тиражами).

В тот же день – завидная синхронность госбезопасности и госуниверситета! – Анатолия Сандлера вызывают к ректору А. Богомолову. В кабинете его поджидает сам ректор, проректор И. Кашкин, секретарь парткома Денисов, декан механико-математического факультета Е. Бурмистров, секретарь партбюро факультета.

Начинается судилище административной, партийной и научной общественности. Без всякого предисловия объявляют Сандлеру: вы идеологически вредный человек, потому что вами занимается КГБ, а больше ничего мы знать не хотим. Потребовали самому подать заявление об уходе: видимо, уволить просто так верноподданные все-таки побаивались, как бы не погореть.

Сандлер, ясно понимая, что травля только начинается, никакой возможности оправдаться не будет, пойдут собрания – инсценировки, где его будут клеймить как идеологического отщепенца, пишет заявление об уходе по собственному желанию.

Так Богомолов (попутно замечу: сей очень ученый муж, напролом рвавшийся в академики, трижды, ежели не более, пролетал на выборах в Академию наук СССР) и его партийно-научные подручные изгнали из университета старшего преподавателя кафедры математического анализа, участника войны, у которого уже был инфаркт. Заодно исключили Сандлера даже из числа ветеранов войны: его фотография исчезла с университетского стенда «Они защищали Родину».

Но и этим не удовольствовался не по разуму услужливый Богомолов. Как позже напишет Сандлер в своём заявлении в КГБ, *«ректор распространял про меня клевету, представляя меня идеологическим диверсантом сионистского толка. Эта кампания клеветы была продолжена политорганами в военных учреждениях. Мне доподлинно известно, что на политзанятиях во вневедомственной охране и органах МВД рассказывались небылицы о моих идеологических диверсиях и о том, что бдительные органы КГБ меня разоблачили и мою деятельность пресекли. Об этом вранье мне стало известно от моих же бывших студентов, которые сами присутствовали на таких беседах и приходили ко мне, чтобы узнать правду».*

После увольнения из университета Анатолий Сандлер работает сезонным матросом-спасателем на водной базе.

Когда «Книжное обозрение», преодолев сопротивление партийных и литературных мракобесов, впервые после долгих лет официальной лжи рассказало правду о великом русском писателе, потребовав его полной реабилитации и издания всех его произведений, Сандлер посылает письмо в редакцию: *«Прошу поставить и мою подпись под обращением в Президиум Верховного Совета СССР о восстановлении гражданства Солженицыну».*

Анатолий активно участвует в демократическом движении, боровшемся против коммунистической диктатуры; на собрании «Демократической России» в драматическом театре требует отобрать всю собственность у КПСС.

Тогда же он пишет заявление в управление КГБ по Саратовской области: *«Настоящее время показало всю нелепость расправы над человеком, который добросовестно и квалифицированно работал, приумножая научное и духовное богатство страны».* Настаивает на своей политической и моральной реабилитации, просит вернуть «В круге первом» и «Собачье сердце»: *«Так как гонения на меня в университете начались после подачи информации из КГБ (не известного мне характера), прошу указать ректору Богомолову, что он обязан публично принести мне извинения с занесением в протокол ученого совета и признать, что он своими действиями (расправой надо мной) нанес мне моральный и материальный ущерб.*

Считаю, что восстановление моего доброго имени в стенах университета и признание моих заслуг в моей многолетней работе будет хоть в какой-то степени компенсацией за поломанную мне жизнь».

Никто ничего не вернул. Никто ни в чем официально не извинился

В марте 1992 года Анатолий Сандлер уезжает в Израиль.

34
И тогда он сказал «Нет!»

Кремлевские вожди, пламенные борцы за свободу негров, бушменов, индейцев и папуасов, никогда даже не задумывались о каких-то там правах собственного народа, полагая, что советским гражданам вот так хватит и одних обязанностей. Герой Малой земли, подписав в 1975 году Заключительный акт Хельсинских соглашений, конечно же, и не собирался выполнять его гуманитарные статьи – так называемую третью корзину соглашений. Если в стране победившего социализма и юридического абсурда никто всерьез не принимал даже советскую конституцию (хоть сталинскую, хоть брежнев-

скую), то кто же может потребовать от кремлевских правителей соблюдать какой-то международный договор?

Однако теперь у граждан СССР появилась возможность (пусть формальная) обращаться к демократическим государствам, подписавшим Заключительный акт. На пресс-конференции, организованной 12 мая 1976 года Андреем Сахаровым, Юрий Орлов объявил о создании Группы содействия выполнению Хельсинских соглашений в СССР (Московской Хельсинской Группы). По мнению Орлова, без соблюдения прав человека невозможно достижение главной цели соглашений – сохранения мира. Группа принимала информацию о нарушении в стране гуманитарных статей Заключительного акта, готовила документы, с которыми знакомила общественность и правительства стран, подписавших соглашения.

Вскоре такие же группы начали свою правозащитную деятельность на Украине, в Литве, Латвии, Грузии, Армении.

Двадцатипятилетний физик, выпускник Саратовского университета Александр Комаров попытался создать в городе филиал Московской Хельсинской группы.

… Родители Комарова никогда не вступавшие в партию, отлично знали истинную цену коммунистической демагогии, ни на грош не верили посулам кремлевских вождей построить светлое будущее. Правители, которые не могли у себя в стране обеспечить народ даже минимально необходимым, тем яростнее душили свободу в чужих странах.

Саша с детских лет привык ничего не брать на веру, привык критически проверять официальные сообщения по доступным ему источникам. Уже в шестом классе он каждый вечер слушает Би-би-си, «Голос Америки», «Немецкую волну». Понятно, как он возмущался, когда кремлевские танки утюжили свободную Прагу.

Таким он и пришел на физический факультет: не скованным мертвыми догмами, свободно высказывающим свое собственное мнение по самым злободневным проблемам.

За смелость суждений Александра полюбили товарищи, но сразу же невзлюбило факультетское начальство, не без основания опасаясь служебных неприятностей.

Александр превосходно учился, собираясь посвятить свою жизнь изучению теоретической физики. Он не скрывал своего скептического отношения к тем однокурсникам, которые пробивались в науку, просиживая штаны в комсомольском или профсоюзном комитете.

Кафедра теоретической и ядерной физики просила направить Комарова в Киев в Институт полупроводников украинской Академии наук для завершения дипломной работы. Отказали под тем предлогом, что он не комсомолец.

Какой шум подняли факультетские начальники и их подручные боевики, когда четверокурсник Комаров демонстративно покинул ряды боевого ленинского комсомола! Суровые приглашения немедленно явиться в комитет ВЛКСМ факультета более всего смахивали на повестки в суд или прокурату-

ру: «В случае неявки будет поставлен вопрос о Вашем пребывании в университете». Словно чиновники от комсомола имели какое-то право решать, кого изгонять из вуза, кого – нет. Александру пригрозили, что он не получит диплома, если он не вернется в комсомольские ряды.

«Это будет второй Сахаров!» - злобно выдохнул кто-то из преподавателей-вертухаев, когда партком и комитет комсомола решали: давать или не давать ему рекомендацию в аспирантуру. Рекомендацию в аспирантуру, как легко догадаться, Александру – самому талантливому студенту курса - не дали. Официальная мотивировка - «пассивность в общественной жизни». Комарова обвинили в том, что он не выполнял комсомольские поручения.

Не знаю ни единого случая, чтобы кто-то посмел оспорить отказ в приеме в аспирантуру, настолько это безнадежное дело. Но Александр обращается в различные организации, доказывая, что его неправомерно лишили возможности учиться в аспирантуре. «Через год в университете состоялось повторное обсуждение вопроса о рекомендации. Комаров вновь получил отказ, на этот раз со ссылкой на производственную характеристику (работая в НИИ, он отказывался выполнять неквалифицированные работы на стройке, по уборке территории и т. д.)» (Хроника текущих событий. № 51). В государстве рабочих и крестьян, где под корень изводили и рабочих, и крестьян, никто не был застрахован, что его вдруг не кинут на какую-нибудь горящую стройку, не бросят в авральном порядке в колхоз-совхоз спасать гибнущий, как всегда, урожай, или – было и этакое! – даже принимать роды овец.

Как рассказала его мать Нонна Дмитриевна, Комаров ездил к великому ученому и правозащитнику Андрея Дмитриевичу, советовался с ним, как можно защищать права граждан в нашей стране. В Москве Александр встречался с американскими журналистами Кевином Клозом, Крейгом Уитни, Энтони Остеном; знакомя их с жизнью Саратова – закрытого в ту пору города (еще одна нелепая советская придумка: лишь бы не пущать в город западных корреспондентов).

Тогда-то Александр и решает создать в Саратове филиал Московской Хельсинской группы.

… Необычные объявления, напечатанные на машинке, были расклеены в университете и медицинском институте, на многих зданиях в центре города. Автор говорил о массовом нарушении законов в Советском Союзе, о том, что в стране судят не по законам, а по понятиям: *«Лица, преследуемые по национальным, религиозным или политическим причинам, могут обращаться по адресу…»*. Далее следовал домашний адрес Александра Комарова.

Но первыми в квартиру Комарова пришли не те, кого преследуют, а те, кто преследует. Милиционеры, по крайней мере, так они представились, забрали Александра и привезли в отделение милиции. Как сообщил № 56 «Хроники текущих событий», там стали допрашивать Комарова, кем написаны и расклеены объявления. Правозащитник категорически отказался отвечать на какие-либо вопросы.

Тогда его прямиком из милиции доставили в 11 отделение психиатрической больницы. Что же обеспокоило прежде всего тамошних врачей? Комаров, понимаете ли, нарушил правила (какие?) расклейки объявлений! Заведующая отделением Я. Парфенова предупредила его, что если он и в дальнейшем будет распространять подобные объявления, то попадет в спецпсихбольницу. Заведующая больницей Найдес причислила Александра к самым опасным больным.

К Александру Комарову пожаловал врач и начал задавать вопросы, очень уж похожие на допрос кагэбешников. Под белым халатом Комаров разглядел хорошо ему знакомую форму. До чего же дивное единство действий милиции, госбезопасности и карательной медицины!

Университетские друзья попытались навестить Александра, но их не пустили к нему.

10 августа 1979 года Комаров обратился с письмом во Всемирную психиатрическую ассоциацию *«с жалобой на незаконные действия, предпринятые в отношении меня официальными советскими инстанциями. В мае 1979 г. прокуратура г. Саратова без всяких на то оснований объявила меня сумасшедшим в ответ на мои требования расследовать случаи нарушения советских законов. 4 сентября 1978 г. я был насильственно помещен в Саратовскую областную психиатрическую больницу, что явилось грубым нарушением действующей в СССР инструкции о принудительной госпитализации. В психиатрической больнице мне был поставлен диагноз «сутяжное развитие у психопатической личности в стадии декомпенсации», несмотря на то, что ранее обследовавший меня советский психиатр А. Волошанович признал меня полностью психически здоровым».*

Да, для самой гуманной в мире советской власти борьба за права человека, это, конечно же, чистое сутяжничество.

Как-то в ночь на 22 апреля - если кто позабыл, день рождения вождя мирового пролетариата - раздался громкий стук в квартиру Комаровых: «Немедленно откройте! Скорая помощь!» Нонна Дмитриевна решительно ответила, что сына нет дома. Тогда врачи и санитары, выполняя кагэбешное задание, чуть было дверь не выломали. В это ночь, опасаясь нового визита незваных гостей, Александр переночевал у соседей.

Утром Нонна Дмитриевна пошла к главному врачу станции «Скорая помощь и объяснила ему, что ее сын – не дебошир и не скандалист, а правозащитник, член «Хельсинской группы». Главный врач пообещал, что больше машины за ним приезжать не будут. И выполнил свое обещание.

Комаров просил Всемирную психиатрическую ассоциацию *«помочь мне заставить советские власти снять меня с психиатрического учета, пересмотреть мой диагноз, расследовать данные случаи грубого нарушения существующих законов и норм в области психиатрии и строго наказать виновных».*

Власти пресекли правозащитную деятельность Комарова широко используемым в те годы профилактическим приемом – психушкой. О внесу-

дебной расправе над правозащитником извещал бюллетень Кронида Любарского «Вести из СССР» (1980. № 2, 10). О преследовании Комарова писала «Хроника текущих событий» (№ 51, 56). О нем же читаем в книге Людмилы Алексеевой «История инакомыслия в СССР» [114].

Когда в стране началось массовое демократическое движение, Александр много раз выходил на санкционированные и на несанкционированные митинги в центре Саратова. 9 апреля 1990 года – в первую годовщину тбилисской трагедии - озверевшие солдаты тогда насмерть забили саперными лопатками участниц оппозиционного митинга - на Театральную площадь пришло несколько десятков человек, чтобы почтить память очередных жертв коммунистического террора - на этот раз горбачевского. Вдруг подлетает милицейский «воронок», и выскочившие из него компетентные граждане в милицейской форме бросаются прямо к Комарову и хватают его. Мы протестуем, но его уже увезли.

… Как ни странно, правозащитник Александр Комаров не реабилитирован до сего дня.

35
«Можешь выйти на площадь…»

В 1979 году в нашем городе была предпринята попытка создать подпольную революционную группу в самом идеологически строгом вузе Саратова – юридическом институте.

… О «Группе революционного коммунизма», основателем которой был студент-юрист Олег Сенин, в саратовской печати никогда даже не упоминалось до разгара перестроечной гласности. Но на лекциях по уголовному праву, когда доходили до 70 статьи (эквивалент сталинской 58-й), иллюстрировали ее местным примером: достаточно подробно рассказывая о студентах, осужденных по этой статье (понятно, с официальными комментариями).

[114] *Алексеева Л.М.* История инакомыслия в СССР. Новейший период. М.: ЗАО РИЦ «Засепа». 2001. С.295.

Андрей Деревянкин, еще до поступления в юридический институт слышавший о «Группе революционного коммунизма», собирался продолжить дело арестованных студентов. У него в семье ни на грош не верили официальному трезвону, говорили о тяжелом положении в стране, рассказывали политические анекдоты.

Учился Андрей очень серьезно, штудировал не только учебники, но и все первоисточники. И все больше убеждался, как далека советская теория, не говоря уж о советской действительности, от подлинного марксизма-ленинизма. Он верил в Маркса, Энгельса, Ленина (любимое чтение – «Государство и революция», где вождь вещал об отмирании государства при коммунизме), Бакунина, Кропоткина. Сегодня Деревянкин называет свои тогдашние взгляды крайне левыми, даже с анархистским уклоном.

В институте Андрей открыто конфликтовал с комсомольским комитетом, где его не единожды прорабатывали за ревизионистские разговорчики. Он доказывал младым аппаратчикам, что пришел в институт учиться, а не выполнять их так называемые общественные поручения.

На третьем курсе идейный бунтарь пытается организовать революционную группу левомарксистской ориентации. Вместе с несколькими товарищами обсуждает программу будущей группы. Власть в СССР узурпировала бюрократия, установлен режим партийной номенклатуры; государство не только не отмирает, как обещал Ленин, а напротив, возрастает его роль и увеличиваются его карательные функции. Необходимо вернуться к настоящему марксизму-ленинизму, построить вместо бюрократического царства подлинный социализм.

Среди тех, кто участвовал в этих крамольных политических дискуссиях, был Сергей К-ко, студент-отличник и отличный провокатор. Он-то, как считает Андрей, и донес в КГБ.

На четвертом курсе Деревянкина без всяких объяснений не допускают к зимней сессии. За два месяца до диплома его, который сдавал почти все экзамены на «пятерки», отчисляют из института якобы за невыполнение учебного плана.

Андрей не стал тужить о неполученном дипломе, уехал добровольно в Сибирь на лесоповал, подальше от саратовских кагэбешников. Потом перебрался в Иваново, где создал подпольный кружок под названием «Русская секция IV Интернационала» (международная коммунистическая организация Льва Троцкого, задуманная им для борьбы с III Интернационалом – сталинским Коминтерном, филиалом ГПУ-НКВД). Попытался даже связаться с парижским секретариатом IV Интернационала.

Но и этого Деревянкину уже мало, он хочет впрямую призвать народ к борьбе с узурпаторским режимом. В 1981 году он распространяет листовки, разоблачающие диктатуру партийной номенклатуры, в Иванове, Москве, Туле, Твери (тогда – Калинин).

Когда польские рабочие восстали против Польской объединенной рабочей партии (демагогический псевдоним тамошних коммунистов) и началась

знаменитая «Солидарность» во главе с Лехом Валенсой, Андрей сочиняет листовку «Братья и сестры!» Он призывает, по польскому примеру, создавать в стране свободные профсоюзы. Деревянкин и его единомышленники в Иванове ночью бросают листовки, 200 экземпляров, в почтовые ящики, расклеивают на стенах домов. Одну листовку нахально прилепили на вывеску прокуратуры: пусть просвещаются!

В апреле 1981 года Деревянкина забирают в армию. И направляют – это при его-то политической репутации! – в элитную, парадную часть: 806 ракетный дивизион. В армии Андрей продолжал свою оппозиционную деятельность, о чем узнали компетентные органы.

Зимой 1982 года командир Самусенко попросил Андрея вместе с ним поехать в Иваново за краской. Но в областном центре машина подъехала не к складу, а областному управлению КГБ. Там Деревянкина уже поджидали двое в штатском и пухлый мордоворот в форме полковника авиации.

Пять часов продолжалась превентивно-воспитательная беседа. Как водится, предупреждали, запугивали: если не прекратите антисоветские разговоры, посадим. Однако скоро выяснилось, что только о вольнодумных речах и проведали бойцы невидимого фронта. Деревянкин понял: не так уж всеведуща эта не бывалая по численности контора, как она сама себя рекламирует.

Андрея из элитной части перевели в Калинин, в противотанковую бригаду. Атмосфера была там куда более свободной. Солдаты охотно поддержали диссидента и не раз говорили: оружия в части тьма, можно и восстание поднять. И о столь опасных разговорах никто не донес!

В это время Деревянкин уже отказался от своих крайне левых взглядов, пришел к демократическим убеждениям.

После армии Андрею удалось все-таки закончить в 1984 году Саратовский юридический институт. Получив диплом, едет работать в Тулу. У него теперь конкретная цель – создать независимый профсоюз по примеру польской «Солидарности».

Деревянкин стал вести пропаганду среди рабочих. Напечатал на машинке 500 экземпляров листовок, подписанных «Оргкомитетом профсоюза ”Солидарность”». Листовки призывали всех думающих и честных поддержать тех, кто выступает против кремлевской тирании, показать властям, что мы живы и действуем. Вместе со своими храбрыми помощниками Андрей в сентябре-октябре 1984 года распространяет по ночам листовки в Москве и Туле.

Середина октября 1984 года, 5 часов утра. Деревянкин идет на вокзал по Красноармейскому проспекту. Вдруг сзади гулкие шаги и суматошные вскрики: «Стой! Стой!» Андрей оглядывается: катит черная «Волга», из нее выскакивают несколько типовых граждан в штатском во главе с прапорщиком КГБ. Он удивился: даже арестовать они не могут без дешевых театральных эффектов!

Деревянкина хватают и везут в тульское управление госбезопасности. Там чуть ли не все кагебешники сбежались поглазеть на арестованного: не впервые ли они увидели всамделишного, а не выдуманного антисоветчика?

Генерал яростно орал: «Мы все про вас знаем! Это вы распространяли вражеские листовки!»

Полгода Андрей просидел в тульской тюрьме, в 86 камере с директорами-ворюгами. Они, очевидно, выполняли роль «наседок», то есть провокаторов и осведомителей.

Судили Андрея в марте 1985 года. Конечно, по 70 статье. Но отправили не в лагерь, а в Орловскую спецпсихбольницу. Так в ту пору власти предпочитали расправляться с диссидентами, которые не были известны на Западе.

В психушке, этом «духовном Освенциме», Деревянкин отсидел два года. Дозы препаратов, применяемые целителям от КГБ, в два-три раза превышали максимально допустимые. В Орловской больнице было восемь человек, осужденных по 70 статье. Среди них – Владимир Титов, когда-то сотрудник КГБ, порвавший с этим карательным ведомством и вступивший в ряды Народно-трудового Союза российских солидаристов. Он там же и принял Андрея в НТС.

Освободили Деревянкина только в марте 1987 года, уже на третьем году перестройки. С новым размахом он продолжает свою политическую деятельность. Входит в совет Народно-трудового союза. В одной из саратовских типографий (а в то время, кто помнит, вся множительная техника была под неусыпным надзором КГБ) сумел напечатать программный документ «Путь к будущей России», одобренный Советом НТС в ноябре 1987 года.

Андрей принимает участие и в создании Демократического союза – самой непримиримой антикоммунистической организации. Не раз попадает в тюрьму за проведение несанкционированных митингов и демонстраций.

И в посткоммунистической России Деревянкин в оппозиции, ярый обличитель неправедных действий властей, смычки государственных структур с мафиозными кланами. Создал общественное объединение «Ave Maria».

При Ельцине Андрей оказался узником «Матросской тишины», куда неугомонного правозащитника упекли его заклятые друзья из бывшего КГБ - за пощечину офицеру ФСБ в ответ на оскорбление. Когда читаешь тюремный дневник Деревянкина, так и кажется, что время пошло вспять; понимаешь истинную цену патетическим декламациям и заклинаниям кремлевских владык.

«В сентябре-октябре (1997 года. - В.С.) все время сухой голодовки (10 суток) и мокрой держали в подвале, бывшем карцере (9-й бокс) – без окон, прямо на грязном бетонном полу, без матраца. Через всю камеру сквозняк.

На восьмые сутки сухой голодовки по распоряжению врача, старшего лейтенанта (могу опознать), приковывали наручниками за левую руку к трубе в коридоре на 12 часов, с обеда до поздней ночи. Предварительно, по распоряжению врача сняли пиджак, оставив в рубашке с короткими рукавами. Сквозняк, очень холодно, все окна открыты настежь.

У заключенного отбирают единственное средство протеста - голодовку, меня принудительно кормили. Издевались морально, во время всей голодов-

ки 6 раз показывали психиатрам, 2 раза вызывали ”скорую помощь”, возили в Бутырку на психиатрическую экспертизу. Признали нормальным.

Их бесила моя голодовка.

Некоторые (не все) бандиты в 110-й камере требовали, чтобы я прекратил голодать, угрожая в противном случае меня, голодающего, избить и положить под койку, как ”отпущенных”. Бандиты в 110-й камере часто угрожали изнасилованием.

Целыми неделями меня держали в 9-м боксе вместе с туберкулезными больными с открытой формой.

Все тюремщики с ненавистью оскорбительно отзывались о бывших диссидентах.

Один из тюремщиков в ”Матросской тишине” сказал: не нравится в криминальном государстве – улетай на Луну.

Бандиты, в частности, мучили меня за то, что я говорил о гебистском прошлом Московской Патриархии. Они почти все очень тепло относятся к Московской Патриархии и к нынешнему режиму.

Самое ужасное – это криминальное бандитское христианство.

А в камере бандиты то избивали меня, то часами читали молитвы, занимаясь занудным проповедничеством».

«Вплоть до февраля не выдавали ни мисок, ни ложек, ни кружек, после голодовки я ел, как свинья, из старой грязной пластиковой банки.

Ноябрь-март в 240-й камере. Камера на 6 человек, где находилось от 12 до 19 человек. По-видимому, в связи с помощью правозащитников число арестантов уменьшилось до 8 человек.

Вплоть до февраля вся пища в тюрьме была полностью несоленой. Тоже своеобразная пытка для арестантов, у которых нет в запасе соли.

В октябре 1997 года вызвали в оперчасть два опера, настойчиво и грубо требовали, чтобы написал расписку, что все в тюрьме замечательно, что никто не притеснял, что никаких претензий не имею.

В больницу даже умирающим попасть почти невозможно. При мне из ”Бутырки” доставили юношу лет 24, который несколько раз терял сознание при температуре более 40 (что-то с легкими), прежде чем его доставили в больницу, предварительно помучив тяжелобольного долгими часами пыток.

Больница совершенно не похожа на больницу – грязные камеры, на все 2-е терапевтическое отделение одна фаянсовая тарелка и одна ложка»[115].

При Путине Андрей снова оказывается в тюрьме. На этот раз его обвиняют в том, что он расклеивал по городу написанную им антипутинскую листовку «Разыскивается особо опасный преступник № 1». Хотя никаких прямых доказательств расклейки им этой листовки найти так и не удалось, вечный борец с любой тиранией получил новый срок.

---

[115] Волжанин Андрей Деревянкин побывал в «Матросской тишине» // Известия Поволжья. Саратов. 1998. № 36. 14 мая. С. 2.

36
Последний политический заключённый Советского Союза, или портрет одного диссидента на фоне четырёх генсеков и двух президентов

1989 год. В Советском Союзе уже открыто называют запрещённые доселе имена не только большевиков – вчерашних врагов народа, но даже вождей Белого движения. Уже пробилось в печать бьющее наповал слово самого лю-

того врага мирового коммунизма – Александра Солженицына. Митинги и демонстрации шумят по всей стране. Любимый лозунг народа: «Долой КПСС!» Еще не рухнула, но уже летит в пропасть советская империя зла.

А в этом заведении ровным счётом ничего изменилось. Тот же распорядок дня, то же самое лечение, предписанное советской карательной медициной. Обитатели сего далеко не богоугодного заведения лишены даже «Правды» - самой лживой газеты всех времён и народов. Раз в полгода сюда приезжают профессора из печально известного института Сербского – фактического филиала КГБ – и задают один и тот же вопрос: «Как вы относитесь к советской власти?» И получают от пациента неизменно краткий ответ: «Ненавижу».

… Тринадцатилетний Иван Дмитриев, учившийся в Энгельсской школе-интернате, впервые переступил порог церкви в 1974 году. Проповеди, слово божие, так отличавшееся от монотонного трезвона советского радио и телевидения, покорили мальчика ясным и светлым взглядом на мир, на мироздание, на жизнь всего человечество. Здесь учили не чёрной науке ненависти, а радостной науке всепрощения и всеобщей любви.

Через два года Ивана приняли в хор при Троицком соборе в Саратове. Только переедешь по мосту через Волгу – и на самом берегу красуется собор, один из символов города, который не посмели разрушить даже большевики.

Но и церковный мир, как вскоре убеждается Дмитриев, был под самым строгим надзором советского государства. Епископ фактически не мог сам назначать священников без указки уполномоченного по делам религии. А староста, которого должны были выбирать прихожане, был уже явным ставленником – ушами и глазами того же уполномоченного.

Староста Троицкого собора не единожды избивал Ивана, чтобы отвадить мальчика от церкви. Но тут упрямо продолжал приходить в собор и петь в хоре.

Когда Дмитриев решил переехать в Йошкар-Олу, его вызвал к себе уполномоченный по делам религии и предупредил: мы вам разрешим там петь в хоре, но вы должны будете регулярно сообщать нашему представителю о настроениях прихожан, да и обо всём, что происходит в церкви. Иван молча выслушал инструкцию для сексота, но никакой информации так ни разу и не передал так называемым компетентным органам.

Дмитриев много путешествовал по стране. В Латвии наблюдательный и общительный юноша увидел, как местные жители на самом деле относятся к своим непрошеным освободителям, как они хотят независимости и свободы. В Риге народ не позволил оккупантам снести памятник Свободе, на который они не раз покушались. Дмитриев слышал от латышей: сегодня у нас нет независимости, но у нас есть хотя бы памятник Свободе, есть надежда на будущее.

В Прибалтике Иван много общался с «лесными братьями», почувствовал их непримиримость к советским оккупантам, их неистребимую волю к борь-

бе. А на Украине он впервые услышал о бандеровцах, много лет бившихся за вольную отчизну и с коричневыми нацистами, и с красными коммунистам.

В 1974 году Дмитриев покупает приёмник «Океан» и начинает слушать западные радиоголоса – «Немецкую волну», «Голос Америки», «Свободу», Би-би-си. Аккуратно составляет расписание самых ударных передач. Поток новой информации оглушает его: Синявский, Даниэль, Тарсис, Гинзбург, Галансков, Буковский, Литвинов, Богораз-Даниэль, Копелев, Эткинд, Лидия Чуковская. Позорное выдворение из страны великого русского писателя Александра Солженицына. Внесудебная расправа с великим учёным Андреем Сахаровым. Аресты правозащитников, всех, кто пытается протестовать против беззакония и несправедливости.

Дмитриев слушает и записывает. И решает: надо распространять эти сведения, люди должны знать правду о положении в стране, в так называемом социалистическом лагере, в мире. Пишет листовки, нисколько не меняя своего почерка. Расклеивает их повсюду: на улицах, на общественных зданиях, на министерстве здравоохранения. И, конечно же, там, где больше всего посетителей – в общественных туалетах.

Но и этого Дмитриеву показалось мало. 11 октября 1982 года, ровно за месяц до кончины великого героя «Малой земли», он наклеивает листовку на парадной двери управления государственной безопасности! Это была слишком уж большая наглость, какую кагэбешники никак не могли стерпеть.

На другой день, когда Дмитриев уже успел расклеить почти всю партию листовок, около него резко затормозила «Волга», и из машины выскочили два молодца инкубаторного типа. Последнюю листовку Иван выбросил, но бдительные молодцы её тут же подобрали.

И привезли его в то самое карательное министерство, которое Дмитриев накануне украсил своей листовкой. Сразу сказали, что ему будет предъявлено обвинение по статье 70 или 190 прим. – брежневское подобие сталинской 58 статьи, пункта 10.

Ивану запомнилось прокатившееся 11 ноября по всей тюрьме громовое «Ура!» - так узники встретили весть о долгожданной кончине дорогого Леонида Ильича.

26 января 1983 года, в самом начале скоротечного правления Андропова, известного чекиста и неизвестного поэта, Дмитриева привезли в здание Верховного суда Марийской АССР. Председателем на суде была член судебной коллегии Верховного суда Крупина. Хотя подсудимый наотрез отказался от адвоката, заявив, что будет себя защищать сам, официального адвоката ему всё навязали; как же в СССР обойтись без соблюдения социалистической законности!

Крупина сразу объявила, что рассматривается не уголовное, а государственное преступление, что Дмитриев имел умысел на подрыв существующего строя. Иван отрицал это обвинение, доказывая, что лишь распространял правдивую информацию: о борьбе польских рабочих против польской объединённой рабочей партии, о независимом профсоюзе «Солидарность», о ру-

сификации прибалтийских республик, об экономическом положении Советского Союза, о преследовании инакомыслящих.

К делу было приобщено, как вещественное доказательство, двенадцать его листовок. А всего Иван расклеил по городу около ста. Значит, большую часть листовок люди утаили, не выдали карательному ведомству!

По статье 190 прим. Дмитриева приговорили к двум годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима.

В Кировской колонии-7, куда его отправили после суда, Дмитриев подружился с литовцем Витаутасом Пакуцкасом. Витаутас, его жена и брат хотели в Карелии перейти государственную границу (примерно в том же районе, где в 30-е годы бежал из цитадели мирового коммунизма знаменитый публицист Иван Солоневич). Всех схватили и приговорили к разным срокам лишения свободы.

Литовец помогал Ивану чем помог, тактично подсказывал, как нужно себя вести, чтобы выжить.

А лагерное начальство возненавидело Дмитриева едва ли не с первого дня. Ещё бы! Новичок именовал себя заключенным, категорически отказываясь называть себя осуждённым (по сей день сиё словцо все жрецы советской и новосоветской юстиции выговаривают, делая почему-то ударение на втором слоге), не здоровался с начальством, не подписывал никаких бумаг. И, представьте, на вечере в клубе посмел сесть рядом с литовцем!

За все эти непозволительные, по мнению лагерного начальства, проступки Дмитриева 26 раз бросали в штрафной изолятор, где он провёл куда больше половины своего срока.

Уполномоченный КГБ по лагерю Орлов сразу предупредил Дмитриева: «Если вы думаете, что освободитесь через два года, то вы очень ошибаетесь». И прав, прав оказался кагэбешник.

12 ноября 1984 года, когда уже истёк лагерный срок Дмитриева и ещё не истёк срок пребывания на этом свете предпоследнего генсека Черненко, начальник режимной части Попов с загадочным видом велел Ивану пройти в так называемую красную комнату (подобные комнаты, иногда их называли красными уголками, заводились и в школах, и в вузах, и воинских частях, и на фабриках и заводах, и в колхозах и совхозах, и уж, конечно, в тюрьмах и лагерях). Дмитриев спокойно сказал: «Если вы хотите меня чем-то поразить, то напрасно, ничем поразить вы меня не сможете; я ко всему готов».

Попов раскрыл папку, на которой Иван успел прочесть: «Уголовное дело». Ему хотели дать новый срок за систематическое нарушение лагерного режима. Дмитриев не только отказался подписывать новое обвинение, но и обругал Попова советской сволочью, за что опять угодил в штрафной изолятор.

Тогда решили отправить не сдавшегося зэка в институт Сербского – филиал госбезопасности. Правда, на самом деле не Дмитриева послали в институт Сербского, а представитель этого института приехал к Дмитриеву. Профессор от КГБ Белов задал ему чисто медицинский вопрос: «Ваше отноше-

ние к существующему в СССР государственному строю?» Ответ последовал незамедлительно: «Ненавижу!» И тут же был поставлен диагноз: ну, что же голубчик, вас придётся лечить.

25 апреля 1985 года, в тот самый день, когда после, как всегда, безвременной кончины очередного генсека - Черненко, началась так называемая перестройка, суд – без присутствия обвиняемого! – вынес ему приговор: направить на лечение в специальную психиатрическую больницу, или, как её короче называют в нашей стране, в психушку, находившуюся под Костромой.

В психушке Дмитриев полюбопытствовал, сколько же его здесь будут держать: год? или, может, два? Кто-то из начальства цинично ответил: зря волнуетесь, батенька, сроки у нас не мереные, иные и по 30 лет тут сидят, и ничего, не померли.

Самым страшным наказанием для Дмитриева, как и для многих обитателей этого заведения, была полная изоляция от внешнего мира: ни газет, ни радио, ни тем более телевидения. В стране происходили невиданные за последние 70 лет события, а заточённые сюда люди и не догадывались о них. О столь абсолютной информационной блокаде не мог мечтать никто из коммунистических или тем паче фашистских диктаторов.

Некоторые врачи относились к Ивану хорошо, понимая, что он стал жертвой коммунистической системы. Поэтому к нему не применяли самые суровые меры карательной медицины. Однако ж и умеренное советское лечение довело Дмитриева до того, что он стал инвалидом второй группы.

11 февраля 1989 года последнего, точнее, одного из последних политических заключённых СССР наконец-то освободили из психушки и депортировали на его историческую родину – в город Энгельс. А в 1993 году ему выдали справку о реабилитации. Заплатили, понятно, гроши, за два лагерных года. За время же, когда Дмитриева держали в психушке, платить отказались: больница, мол, не тюрьма, хотя, по мнению бывалых зэков, ещё неизвестно, что хуже.

Все эти годы Иван Дмитриев продолжает упорно добиваться, чтобы власти выплатили ему деньги за время пребывания в больнице. Один из чинов ФСБ с усмешкой сказал ему: «Вы до сих пор ищите справедливости», давая понять, что справедливости в этой стране не было, нет и не будет. Ни при коммунистических генсеках, ни при Ельцине, ни тем более при чекисте Путине.

37
Возмутитель коммунистического спокойствия

Его имя стало необычайно популярным в нашей стране в 1969 году, особенно среди большей и прекраснейшей половины советского человечества. В «Литературной газете» он опубликовал обзор писем читателей, большинство которых поддержали сенсационную по тому времени идею создать электронную службу брачных знакомств. В ответ ленинско-брежневская

«Правда» (видимо, по приказанию какого-то члена политбюро) выдала истерическую реплику «Сват электронной свахи». Караул! Пропаганда аморальных буржуазных нравов! Ни слова не сказано о любви – основе основ образцовой социалистической семьи! Советские люди не могут и никогда не будут торговать в брачных объявлениях своими достоинствами!

Однако далеко не все соцграждане оказались на моральной высоте главной коммунистической газеты. В редакцию «Литературки» хлынул бурный поток писем, авторы и авторши которых жаждали достичь желанной семейной гавани даже по буржуазно-электронной лоции.

Идейно-порочный обзор, так разгорячивший жрецов самого передового учения и самой стерильной морали, был написан Владимиром Эммануиловичем Шляпентохом - доктором экономических наук, автором многих научно-популярных книг. Шляпентох был одним из тех, кто в годы хрущевской оттепели начал возрождать социологию, убиенную при кремлёвском генералиссимусе. Что за дичь: какие-то общественные опросы, когда ЦК всё знает на тысячу лет вперёд, а ЧК всё и по всех выведывает и ведает! Даже скромные социологические исследования могли быть миной замедленного действия для монополии власти на информацию, на её право определять и выражать интересы всех групп всего советского народа.

А начинал Владимир Шляпентох свой научный путь в Саратове, куда он, выпускник Киевского университета, приехал в начале 1950-х годов. В своём родном городе – столице братской республики, где под интернациональные завывания и заклинания, песни и пляски бушевал антисемитский шабаш, он не имел ни малейшего шанса на преподавательскую и исследовательскую деятельность.

И, само собой, не мог даже и мечтать о заветной аспирантуре: «Не только в сталинские, но и в послесталинские времена она оказалась для меня абсолютно недоступной. И я ”по черному” завидовал тем моим знакомым, которые приобрели волшебный титул ”аспиранта”» [116].

В Саратове Шляпентох преподавал в зооветеринарном и сельскохозяйственном институтах. Защитил в памятном 1956 году кандидатскую диссертацию по эконометрике. Тогда это было новым словом в отечественной науке: предлагалось использовать в экономике не идейно-административные указания, а точные методы – математические и статистические.

Шляпентох никак не походил на кабинетного рассеянного учёного не от мира сего – чудаковатого персонажа советских фильмов и романов. Его худую высокую фигуру, увенчанную хаотичными рыжими волосами, можно было увидеть везде: и в любимой университетской библиотеке, откуда он уходил всегда последним, и на всех концертах в консерватории, и в театрах, и в кино. Он дружил с математиками, юристами, филологами, историками, журналистами, библиотекарями. Успевал мгновенно проглатывать все новинки русской и зарубежной литературы. Его, неформального лидера сара-

[116] *Шляпентох В. Э.* Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом. СПб., 2003. С. 64. В книге великолепно проанализированы идейные поиски автора и его друзей в 40-е – 80-е годы.

товской интеллигенции, кажется, знают все или почти все в городе. В комнате, которую он снимает в частном доме на Соколовой, гремят литературные и общественные споры. Достаточно лишь одного укоризненного взгляда или хмыканья Володи – и ты уже мчишься поскорее прочитать отложенные на неопределенное «потом» повесть, роман, сборник стихов.

Каждый новый знакомый для Шляпентоха – это новый мир, который он хочет досконально понять и изучить. Не потому ли через несколько лет социологические исследования станут главным делом его жизни?

Только городское начальство не очень жаловало талантливого ученого, не хотевшего и не умевшего лакействовать. Он не просил, а требовал положенную ему квартиру, слал одно за другим дерзкие послания в ЦК КПСС, громя местных самоуправцев. Один из них по-партийному мудро поучал Шляпентоха: «Ну зачем же вам нужна квартира, Владимир Эммануилович? Писал же Ленин свои гениальные труды в шалаше!» И тут же спохватился, увидав охотничий блеск в глазах Шляпентоха: «Вы и это используете против нас!»

Партначальство на сей раз ловко переиграло учёного. Ему, его жене и сыну дали, правда, не ленинский шалаш, а сорокаметровую комнату в самом центре, как раз напротив горисполкома. Вроде бы прекрасно – по 13,3 кв. метра на человеческую душу! Но комната-то в коммунальной квартире, в аварийном доме, несуразно вытянутая, с одним окном: никак не перегородишь, чтобы создать подобие кабинета для Шляпентоха. Но и жаловаться теперь некому и не на что: формально всё по советскому закону.

В 1962 году он уезжает с семьёй в Новосибирский академгородок, который в ту пору сравнивал с вольным ганзейским городом. В этом центре научной вольницы прошло первое знаменитое выступление Александра Галича, так испугавшее кремлевские власти.

В Новосибирске Шляпентох защищает докторскую диссертацию по эконометрике. Впервые ему дают нормальную (по нашим понятиям) квартиру. Потом – Москва, работа во вновь созданном институте социологии.

В 1979 году – эмиграция в США, где Шляпентох получает признание как выдающийся социолог, публикует много книг. Представляя его труд о советской социологии, американский профессор М. Розенберг писал: «Мы счастливы, что этот знающий и талантливый учёный влился в ряды социологов Запада. В данном конкретном случае… их потери стали нашим приобретением».

Наши потери – их приобретения… Не многовато ли потерь?

***

… 12 июля 1994 года профессор кафедры социологии Мичиганского университета, советник правительства США Владимир Шляпентох приехал в Саратов. На перроне его встречали друзья и … официальные лица – представители областной Думы и администрации. Летняя жарища, а они, вообразите, в пиджаках, как принято по коммунистическому ритуалу! Верные наследни-

ки той самой власти, которая когда-то так усердно выкуривала ученого из нашего города.

Кажется, он такой же, как три десятка лет назад. Та же юношеская порывистость, та же неистовая энергия, тот же неутолимый человеческий и профессиональный интерес к каждому собеседнику. Лишь рыжие волосы поредели и поседели.

Уже на перроне на встречающих обрушивается шквал расспросов. Шквал, не утихавший во время двухдневного пребывания Шляпентоха в Саратове. Даже из ванной он ухитряется что-то спросить и узнать. В нём парадоксально уживаются аналитик и мечтатель, алгебра и гармония, лед и пламень, дух Моцарта и Сальери, Ботвинника и Таля.

Мой первый вопрос – о первых всесоюзных опросах общественного мнения.

- Это впервые удалось в 1966 году. По моей программе по всей стране был проведён опрос читателей газеты «Известия», как вы относитесь к октябрьским страницам газеты (нельзя же было в ту пору просто узнать отношение к Октябрьской революции!), к передовым, к фельетонам и т. д. Сразу же выяснилось много неожиданного. Самой интересной для граждан была международная информация, самой скучной – информация о внутреннем положении, всегда победно-однообразная. На второе место вышли статьи о морали, популярностью пользовались фельетоны. Безнадежными аутсайдерами были статьи на экономические темы, о партийной работе, октябрьские страницы. Журналисты удивились, узнав, что кто-то читает передовые: директора, партработники, преподаватели искали в этих статьях ясные директивные указания.

- А полностью ли публиковались все материалы опросов?

- В брошюрах для служебного пользования, тираж – несколько сот экземпляров. Большего ожидать было нельзя от властей, маниакально подозрительных к любым нововведениям, панически опасавшихся непредсказуемости социологических исследований.

После опроса читателей «Литературной газеты» в 1967 году данные о популярности писателей были засекречены. Среди самых читаемых был назван полузапрещённый уже Александр Солженицын, а не верные помощники коммунистической партии. Популярность же Евгения Евтушенко в 1966-67 годах была астрономической – его предпочли 45 процентов читателей. Эти сведения были опубликованы только на Западе…

- … и передавались вражескими радиоголосами.

- После социологического исследования «Правды» (1968) вообще ничего не было напечатано. «Золотой век советской социологии» (так в книге, вышедшей уже за рубежом, я назвал это время) оказался, увы, очень недолгим. Кремлёвские идеологи, сделавшие ставку на консервацию политической и экономической системы,

не могли примириться с научными исследованиями, результаты которых подрывали любимый пропагандистский миф о монолитном единстве всего советского народа.

- А как власти относились к Вам?

- Как к любому учёному, который пытается отстоять свою независимость, свое право заниматься серьезной наукой, а не конъюнктурными подтасовками. Меня неоднократно приглашали на международные социологические конгрессы. И ни разу мне не дали визы! Я стал хронически невыездным. Это был сигнал о моей политической неблагонадёжности.

- Они как-то объясняли причины отказа?

- Что вы, разве они когда-нибудь и что-нибудь обязаны были объяснять? Отказ – и точка!

- А что Вы думали о социализме и об опыте его построения в Советском Союзе?

- Я и мои друзья уже к 1947 году твердо поняли, что СССР и есть воплощение «истинного социализма» и что другой социализм построить невозможно. Мы отказались от утверждения, что социализм в СССР был якобы извращен: эту точку зрения еще многие десятилетия разделяло множество разумнейших людей.

Но при всем нашем критицизме мы не смогли, однако, преодолеть самую по сути главную идею марксизма, что в соответствии с естественными законами истории именно социализм является будущим человечества. Нам казалось, что социалистический строй не может быть низвергнут и что вся надежда на его улучшение. Только много позже, когда марксистский историзм начал терять свою магическую силу, мог появиться знаменитый анекдот, как во времена первобытнообщинного строя в пещерах висел лозунг: «Да здравствует рабовладельческое общество – светлое будущее всего человечества!»

- А как Вы относились к советскому режиму?

- Когда мне было 22 года, я уже осознал, что это фашистский режим. Об этом я говорил со своим другом в Киевском университете. Ему было кое-что известно и об убийстве Кирова, и о политических процессах 30-х годов. Разумеется, в эти смертельно опасные разговоры мы никого не посвящали. 1956 год для нас не был неожиданностью.

Ленина мы никогда не обожествляли. Мы критически оценивали само марксистское учение: теорию прибавочной стоимости, идею гегемонии пролетариата. Маркс был великим социологом, но утопистом в истории, а как экономист он безнадёжно устарел, остался в середине XIX века.

- Ваши личные отношения с КПСС и с КГБ?

- В партии я никогда не был. Саратовские чекисты пытались меня завербовать в самом начале 1956 года, ещё до XX съезда. Побеседовали, просили звонить. Через месяц встречаю капитана (или майора) на улице: «Что же вы нам не звоните, Владимир Эммануилович?» Решил сразу развязаться: «Я сейчас сдавал желудочный сок. С вами так же приятно иметь дело, как с кишкой для взятия желудочного сока». Видимо, КГБ поняло мою глубокую к нему ненависть – меня больше не трогали, затаив, естественно, гнев и перекрыв всякие возможности поехать за границу.

- Что предопределило нелегкое для Вас и для Вашей семьи решение уехать из СССР?

- Национальная дискриминация, поднявшаяся после 1968 года волна шовинизма. Уже не было никаких шансов на нормальную социологическую работу. А для сына Дмитрия и дочери Саши были закрыты пути к научной деятельности – пятый пункт! В США же они защитили докторские диссертации: сын – по истории, дочь – по математике.

- Что самое привлекательное для Вас в Америке?

- Свобода научного творчества, которая в начале даже пьянит. Возможность проводить любые исследования без всяких ограничений.

- Ваши отношения с американскими советологами?

- До 1985 года большинство из них (в отличие от средств массовой информации и правительственных учреждений) относилось ко мне, как и другим эмигрантам-специалистам в общественных науках, с недоверием из-за критического отношения к советской системе. Местные либералы были очень лояльны к социализму, к советской экономической и политической системе, к Брежневу и Черненко.

Мои личные сражения с так называемыми ревизионистами достигли пика, когда я в 1986-88 годах (единственный в мире, чем горжусь) организовал две конференции (первая – американская, вторая – международная), посвящённых 50-летию «Большого террора». В 1986 году ревизионисты отрицали массовый террор 30-х годов. Я публично потребовал от них назвать число жертв. Тогда один из них заявил, что погибло несколько тысяч и, отвергая «миллионы» как вздор, напомнил, что как раз в эти годы Сталин указывал, что самым ценным для него являются «кадры», и, следовательно, нелепо предполагать, что автор такого высказывания будет уничтожать миллионы своих сограждан. Я не выдержал и прореагировал по-советски: сказал, что в СССР даже люди с неполным средним образованием не будут цитировать Сталина как аргумент против тех, кто насчитывает миллионы его жертв; чем вызвал скандал, для меня тем более неприятный, что я был руко-

водителем конференции и должен быть лояльным ко всем, кто принял моё приглашение участвовать в конференции.

Сегодня не только ревизионисты в советологии, но и все остальные либералы и особенно радикалы, исповедующие неомарксизм, оказались по сути в дураках. Их слепая защита равенства, централизованного планирования и усиления роли государства во всех сферах выглядит анахроничной, а они несмышлёнышами, которых не следует принимать всерьёз.

- В своих любопытнейших и полезнейших письмах с того берега океана, из другого мира: они публиковались в 1981-87 годах в американском еженедельнике «Время и мы», и в прошлом году под названием «Открывая Америку» напечатаны в журнале «Звезда», Вы рассказываете о сложных проблемах в США: преступности…

- Да, в Америке, как и в России, преступность – проблема номер один, хотя социальные причины иные.

- … этническая (или расовая) проблема (среди негров 50% безработных, 50% чёрных семей – без мужей), конфликт между общественными и частными благами и т.д.

Если какой-нибудь политический деятель в США провозгласит, что он торжественно обязуется к 1 сентября обеспечить всех одиноких женщин порядочными мужьями, к 1 октября – увеличить пенсии в два раза, к 1 ноября – ликвидировать безработицу, а к 1 декабря – полностью покончить с преступностью, как бы американцы отнеслись к столь заманчивым посулам?

- Конечно, никто бы ему не поверил.

- Ваши организационные и творческие замыслы?

- Готовлю конференцию «Новая элита в посткоммунистическом обществе», в которой примут участие представители России, Украины, Молдавии, приглашены Галина Старовойтова, Алла Ярошинская (только что вышла её книга, в которой опубликованы секретнейшие документы о чернобыльской трагедии) и другие учёные и общественные деятели.

Пишу книгу «Величие и гибель советского общества». Эпиграфом, может, возьму слова моей квартирной хозяйки, у которой я снимал комнату в Саратове: «Всё, что ни скажете о нашей стране – будет и правда и неправда». Настолько сложное переплетение положительных и отрицательных тенденций, что прогнозировать невозможно. Магазины полны самых разных товаров, исчезли очереди, многие стали лучше одеваться. Саратов, я его не видел 32 года, очень понравился: город похорошел, чище, чем раньше. Но стоят заводы, грозит массовая безработица, нет средств на развитие науки, на ремонт учреждений культуры.

Надеюсь, что положительные тенденции победят, что ничто не свернет Россию на прежний путь даже на короткий период.

Напомню: это говорил Владимир Шляпентох в 1994 году.

Да, прогнозировать исторические пути развития России воистину невозможно!

Подводя итоги

На этом заканчивается наша полувековая хроника инакомыслия в Саратове. Конечно, 1984 годом не завершается история сопротивления коммунистическому режиму; продолжается до самого августа 1991 года охота за идеологической ересью, не прекращаются судебные и внесудебные расправы над теми, кто отказывается думать и жить по кремлевской указке. Но это уже иной исторический виток, тот период, когда поток вольных мыслей и идей пробивается на страницы газет и журналов, на радио и телевидение, когда впервые после захвата власти большевиками открыто продаются на городских улицах независимые издания, когда правозащитные или политические

акции бунтарей-одиночек и оппозиционных групп перерастают в массовое демократическое движение, которое и сметет коммунистическую империю - империю убийц, грабителей, демагогов..

Автор благодарен Александру Романову, Льву Нетто, Анатолию Катцу, Сергею и Юрию Штернам, Виталию Азефу, Павлу Летувету, Владимиру Бойко, Борису Петрову, Мирре и Алле Ямпольским, Николаю Семенову, Галине Виноградовой, Анатолию и Владимиру Левиновским, Юрию Ошерову, Лидии Гусевой, Людмиле Герасимовой, Михаилу Исхизову, Сергею Боровикову, Виктору Бирюлину, Владимиру Пугачеву, Вадиму Парсамову, Иосифу Чернявскому, Валентину Израилевичу, Сталю Касовичу, Ефиму Водоносу, Любови Краваль, Владимиру и Юрию Давыдовым, Наталии Зотовой, Дмитрию Куликову, Ксении Федотовой, Ивану Дмитриеву, Андрею Деревянкину, Нине Ущевой, Анатолию Аврусу, Михаилу Рыскину, Маргарите Шмигельской Андрею Деревянкину, Наталии Ханецкой, Льву Дельцову, Михаилу Наместникову, Алексею Битюцкому, Гюльнаре Алтынбаевой, без большой и дружеской помощи которых эту хронику невозможно было бы написать. Выражаю признательность саратовскому ФСБ за сведения об одном из руководителей Норильского восстания Владимире Недоросткове и о тех, кого судили вместе с ним в 1947 году.

Буду рад, если читатели уточнят или дополнят сюжеты хроники, сообщат о неизвестных эпизодах политического или интеллектуального сопротивления советскому тоталитаризму в Саратове. Только общими усилиями мы сможем точнее и полнее воссоздать историю никогда не утихавшей борьбы за свободу и демократию, за право получать и распространять любую информацию, за право по-своему жить, думать, писать, творить.

Правозащитники, диссиденты, самиздатчики, все, кто им помогал или сочувствовал, оказались нравственно и духовно сильнее миллионов партийных пропагандистов и агитаторов, идеологов и надзирателей, палачей и вертухаев, сексотов и карателей.

Когда в середине 60-х годов американские войска вторглись в Доминиканскую республику, диссидент и поэт Юрий Галансков (через несколько лет он погибнет в лагере), автор знаменитого «Человеческого манифеста» - один! – стоял с плакатом у посольства США в Москве.

А когда в августе 1991 года рушился кремлевский режим, ни один (!) коммунист на одной шестой части суши не вышел на улицы с большим красным знаменем или хотя бы с крохотным красным флажком, никто из двадцати миллионов советских коммунистов не кинулся защищать так беззаветно любимые при жизни политбюро, партию и правительство, оборонять обкомовско-райкомовские идейные цитадели, партийные пайки и кормушки..

… Прошлое надо хорошо знать и крепко помнить не только потому, что это наши истоки, наша история. Если забудем свое прошлое, оно может сегодня или завтра обернутся нашим красно-коричневым будущим. Под иными лозунгами и иной демагогией, но с такой же лютой ненавистью к человеку и его правам, к Правде и Свободе.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

СПИСОК ОСУЖДЕННЫХ ПО ОБВИНЕНИЮ В АНТИСОВЕТСКОЙ АГИТАЦИИ И ПРОПАГАНДЕ САРАТОВСКИМ ОБЛАСТНЫМ СУДОМ В 1962-1972 годах

Фамилия	Имя	Отчество	Год рождения	Место рождения	Дата осуждения
1.БЕЛОХОВ	Валерий	Константинович	21.08.1947	ГДР, Берлин	06.12.72

2.БОБРОВ	**Виктор**	**Александрович**	**10.03.1946**	**Кировабад**	**16.01.70**
3.БОГДАНОВ	**Юрий**	**Михайлович**	**01.03.1938**	**Карельская АССР, г. Сегеж**	**18.05.63**
4.ГРЕЧКИН	**Петр**	**Тимофеевич**	**10.06.1900**	**Саратовская обл., Балашовский р-н, с. Красавка**	**18.05.63**
5.ИЛЯСОВ	**Павел**	**Иванович**	**1915**	**Саратовская обл., Балашовский р-н, с.Малый Мелик**	**21.08.62**
6.КИРИКОВ	**Валентин**	**Иванович**	**15.02.1942**	**Саратов**	**16.01.70**
7.КЛЕМЕНТЬЕВ	**Владимир**	**Александрович**	**1932**	**Ленинградская обл., г. Павловск**	**26.09.62**
8.КЛИМОВ	**Александр**	**Павлович**	**1931**	**Пензенская обл.,Даниловский р-н, с. Огаревки**	**16.08.62**
9.КОЗИНСКИЙ	**Юрий**	**Алексеевич**	**1929**	**Актюбинская обл., ст. Челкар**	**26.09.62**
10.КУЛИКОВ	**Дмитрий**	**Георгиевич**	**07.06.1942**	**Саратов**	**16.01.70**
11.МЕДВЕДЕВ	**Анатолий**	**Иванович**	**1939**	**Саратовская обл., Пугачевский р-н, с. Романово**	**27.03.63**
12.РОМАНОВ	**Александр**	**Иванович**	**03.11.1948**	**Саратов**	**16.01.70**
13.СЕНИН	**Олег**	**Михайлович**	**24.03.1947**	**Рязанская обл., г.Шацк**	**16.01.70**
14.ТАРАСОВ	**Валерий**	**Павлович**	**1941**	**Сахалинская обл., Оха**	**12.03.64**
15.ФОКЕЕВ	**Михаил**	**Георгиевич**	**03.11.47**	**Полтава**	**16.01.70**
16.ЧЕРСКИЙ	**Николай**	**Григорьевич**	**15.06.1946**	**Луганская обл., Свердловский р-н, с/х им. Калинина**	**26.02.69** **07.09.72**
17.ШАПОШНИКОВ	**Николай**	**Михайлович**	**1938**	**Московская обл., Серпуховской р-н, д. Прилуки**	**27.03.64**
18.ШКИЛОНЦ	**Юрий**	**Владимирович**	**1935**	**Ленинград**	**12.03.64**

Чёрные лики красных режимов

Московское издательство "Три века истории" в 1999 году выпустило "Чёрную книгу коммунизма". Подзаголовок: "Преступления, террор, репрессии". Её авторы - Стефан Куртуа, Николя Верт, Жан-Луи Панне, Анджео Пачковский, Карел Бартошек, Жан-Луи Марголен. Перевод с французского. Издание осуществлено в рамках программы Центрально-европейского университета "Books for Civil Society" при поддержке Центра по развитию издательской деятельности (OSI - Budapest), Института "Открытое общест-

во. Фонд содействия" (OSIAF - Moscow) и при содействии "Союза правых сил".

Книга переведена на многие языки. Как замечает во вступительной статье "Большевизм - социальная болезнь XX века" А. Н. Яковлев, "она серьёзна, масштабна, туго набита фактами, многие из них уникальны своей новизной, подчас невероятностью. Это своего рода исследование о раковой опухоли большевизма, которая беспощадно уничтожала поколение за поколением во всём мире и, прежде всего, в России".

Когда югославский публицист Михайло Михайлов в своих нашумевших очерках "Московское лето. 1964" сообщил как великую сенсацию, что первый концентрационный лагерь в советской России был создан в Холмогорах в 1921 году, отечественная интеллигенция не поверила ни своим глазам (те, кто смог прочесть очерки), ни своим ушам (те, кто слушал западные радиостанции). Как, ещё при самом человечном Ильиче? Ленин и концлагерь, как Ленин и Сталин, казались несовместимыми понятиями.

Действительно, Михайло Михайлов ошибся. Не в 1921 году, а за три недели до так называемого покушения Фанни Каплан (провокация, организованная чекистами), то есть ещё в 1918 году Ленин телеграфировал в Пензенский губисполком: "Необходимо произвести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев, сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города".

Концентрационные лагеря для военнопленных были во всех воюющих государствах, но концентрационные лагеря, ставшие лагерями смерти, для граждан своей же страны - это уж большевицкое изобретение 1918 года, позаимствованное позже германскими нацистами.

Если отбросить демагогическую завесу, то вся коммунистическая деятельность сводится к трём пунктам: убивать, грабить, лгать. "Чёрная книга коммунизма" - первое обобщающее исследование о коммунистическом терроре в России, в Испании (только победа генерала Франко избавила испанский народ от всех прелестей коммунистического рая), в центральной и юго-восточной Европе, в Китае, в северной Корее, Вьетнаме, Лаосе, Камбодже, на Кубе, в Никарагуа, Перу, Эфиопии, Анголе, Мозамбике, Афганистане.

Авторы книги, как и автор вступительной статьи А. Яковлев, - бывшие коммунисты, сумевшие избавиться от гипноза самого передового учения, сумевшие осмыслить грандиозный и трагический опыт ушедшего века. В книге приведены многочисленные свидетельские показания, напечатаны карты концлагерей, 32 страницы документальных фотографии.

Исторический эксперимент был поставлен максимально корректно, как говорят учёные: разные страны, разные континенты, различные коммунистические фракции, разные вожди. И везде один и тот же результат: массовый голод и массовые убийства. Ничего другого коммунизм не мог дать ни одному народу.

Узурпировав власть, большевики моментально объявили беспощадную войну не только капиталистам и помещикам, но и духовенству, купечеству, чиновничеству, мелким предпринимателям (так называемой мелкой буржуазии), всем политическим партиям. Никто не мог быть гарантирован, что его, если не сегодня, то завтра, не причислят к врагам народа. Тут, правда, возникает один небольшой вопрос: кто же был этим самым народом, якобы во имя которого большевики перебили неисчислимое множество народа? "И стал народ врагом народа..."

Парадокс в том, что первое в мире государство рабочих и крестьян, как именовали СССР его трубадуры, 70 лет воевало с рабочими и крестьянами.

По уверению коммунистов, они установили в СССР диктатуру пролетариата, клялись классом-гегемоном, славословили его величество рабочий класс, от его имени правили страной. На самом же деле, как предвидел один политический деятель в 1917 году, это была не диктатура пролетариата, а диктатура над пролетариатом. В так называемых их рабочих правительствах никогда не было ни одного всамделишного рабочего (как, впрочем, и ни одного крестьянина)!

В книге отлично показано, как рабочие любили свою же рабочую власть, и истинное отношение этой же народной власти к трудовому народу.

10 марта 1919 года 10 тысяч рабочих Путиловского завода приняли воззвание, осуждающее большевиков, чьё правительство "представляет собой диктатуру Центрального Комитета партии коммунистов и правит с помощью ЧК и революционных трибуналов". Воззвание потребовало перехода всей власти к Советам, свободных выборов в Советы и заводские комитеты, освобождения всех политических заключенных. Когда срочно прибывший в Петроград самозванный вождь мирового пролетариата попытался выступить на Путиловском заводе, захваченном бастующими, его, как и Зиновьева, встретили свистом и криками.

16 марта войска Петроградской чрезвычайки штурмовали и взяли Путиловский завод. Около 900 рабочих были арестованы; через несколько дней примерно 200 из них без суда были расстреляны в Шлиссельбургской крепости.

В те же дни Киров, будущий любимец партии (чуть ли не официальный советский титул), председатель временного военно-революционного комитета Астраханской губернии с невероятной жестокостью подавил выступление рабочих и присоединившегося к ним 45-го пехотного полка. Когда тюрьмы оказались переполненными, рабочих и красноармейцев погрузили на баржи и с привязанными на шею камнями сотнями бросали в Волгу. Всего за одну неделю было расстреляно и утоплено от 3 до 5 тысяч человек.

А уж как большевики яро ненавидели крестьянство - эту зловреднейшую мелкобуржуазную стихию, никак не желавшую подчиняться грабительским декретам и продотрядам. Чтобы сокрушить вооружённое сопротивление крестьян, коммунисты организовали массовый голод 1921-1922 года. Чтобы совершить великий перелом сельского хозяйства и загнать всех единолични-

ков в колхозные лагеря, власти провоцируют ещё более массовый голод в начале 30-х годов. Около 40 миллионов стали жертвой голода и лишений (в зону голода авторы позабыли включить Поволжье). Правительство народных комиссаров, организатор всех народных бедствий, не посовестилось выпустить циничный плакат: "Есть своего ребенка - варварство!"

Зря, кстати, сравнивают колхозное рабство с крепостным правом, а председателей колхозов - с помещиками. На барщине, почитавшейся в пору царизма самой тяжкой формой эксплуатации, крепостные работали на помещика только три дня в неделю (не выходили на работу, разумеется, в праздничные дни, которых была тьма-тьмущая), о такой эксплуатации лишь могли мечтать советские колхозники.

Наивные романтики-идеалисты создают в 1921 году Всероссийский комитет борьбы с голодом, не понимая, что голод - это и есть союзник новых властителей в борьбе с народом. Создатели комитета будут вскоре арестованы, приговорены к расстрелу, и только благодаря энергичному вмешательству Ф. Нансена смогут живыми выбраться за границу.

Врагами народа оказывались целые народы Советского Союза. В книге подробно исследуется, как проходила депортация немцев Поволжья, крымских татар, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, калмыков и всех прочих провинившихся перед НКВД и лично перед товарищем Сталиным народов. Против вольных чеченцев ещё в 1930 и 1932 годах специальные войска ОГПУ использовали артиллерию и авиацию. Как позже с таким же успехом продолжали заниматься этим же славным делом полководцы Ельцина и Путина.

В Испании, где под прикрытием так называемого республиканского правительства вовсю орудовала международная банда НКВД (все братские коммунистические партии, как ныне доказано, были по сути филиалами сего заведения), почти три года вылавливали и уничтожали всех инакомыслящих, всех, кто посмел усомниться в непогрешимости кремлевских директив.

Прогрессивнейший Луи Арагон, лучший друг СССР, ВКП(б) и ГПУ, в белых стихах воспел красных террористов:

Я славлю все ГПУ - они нигде и повсюду

Я требую ГПУ, чтобы покончить с этим миром.

В 30-е годы большевики выдумали мнимую альтернативу: либо фашизм, либо коммунизм, третьего не дано, на которую попались многие легковерные интеллигенты, особенно на Западе. Но, во-первых, эти режимы по сути почти зеркальное отражение один другого; а во-вторых, они могут объединяться для достижения своих экспансионистских целей, как с полуслова понимали друг друга почти два года коричневая Германия и красный СССР.

Авторы книги подводят предварительные итоги жертв коммунистических режимов:

СССР - 20 миллионов убитых;

Китай - 65 миллионов;

Вьетнам - 1 миллион;

Северная Корея - 2 миллиона;
Камбоджа - 2 миллиона;
Восточная Европа - 1 миллион;
Латинская Америка - 150 тысяч;
Африка - 1,7 миллиона;
Афганистан - 1,5 миллиона;
Международное коммунистическое движение и партии коммунистов, не стоящие у власти - 10 тысяч.

Цифры безумные, но и они не полностью передают масштаб вселенской катастрофы. По мнению А. Яковлева, в результате преступных действий большевистской власти только в нашей стране было погублено более 60 миллионов человек. По другим источникам лишь первоначальное построение социализма до 1941 года обошлось нашему народу в 67 миллионов жизней.

Коммунисты могут истреблять людей миллионами, могут - тысячами, могут - в кратковременные периоды либеральных потеплений и заигрываний - сотнями. Но совсем не убивать они никак не могут: натура не позволяет.

При Горбачеве - самом либеральном (ей-богу!) из всех коммунистических генсеков - расстреливали демонстрантов в Алма-Ате, Ереване, Тбилиси, Баку, Вильнюсе, Риге (я ничего не позабыл?). Литовские таможенники были убиты за три недели до падения советской власти.

* * *

Секретный доклад Н.С. Хрущева на XX съезде партии (впервые опубликован в СССР лишь 30 лет спустя), разоблачивший сталинские преступления, точнее, небольшую часть этих преступлений, при всей своей половинчатости, был юридическим документом, от которого открыто не посмели отречься даже неосталинисты, захватившие власть во время октябрьского переворота 1964 года.

После падения коммунистического режима в 1991 году никакого юридического акта, фиксирующего преступную суть большевицкой власти, так и не появилось. Не было суда над руководителями КПСС, не был даже предложен закон о люстрации. Партийные номенклатурщики второго эшелона (а кое-где и первого), правившие страной более 70 лет, остались у власти, ловко перепрыгнув в новые руководящие кресла, продолжая грабеж страны в таких масштабах и такими темпами, которые и не снились их предшественникам - ортодоксальным коммунистам. Торжествует по сути тот же самый тоталитарный режим, только на сей раз с новой риторики, такой же лживой и пустозвонной.

Оглавление

Вступление

1
До и после залпа «Авроры»
2
«Кто это лезет под ноги?
Кто мешает идти?»

3
Трижды судили, но не сломили

4
«В сталинских застенках»

5
«Мы шли в крестовые походы на Лебедева-Кумача!»

6
«Мальчишки рано чуют запах фальши…»

7
«Когда наш мудрый вождь умрет»

8
«И черный флаг с кровавою полоской
Осветит путь нам в праведной борьбе!»

9
«Долой правительство Маленкова-Молотова!»

10
«Кому быть живым и хвалимым,
Кто должен быть мертв и хулим…»

11
«Нам комиссары в семинаре не нужны!»

12
Битва «Бокса» со «Сталинцем»

13
Обком бьет в колокол

14
Ведьмы продолжают охоту

15
«Империи и кассы страхуя от огня,
вы видели в Пегасе троянского коня!»

16

Птицы и гончие

17
Приглашение на казнь

18
«Как вас пошли судить дезертиры…»

19
Жизнь и судьба Владимира Сандлера

20
«Левее кадетов, но правее эсеров»

21
Узник Гитлера-Сталина-Хрущёва-Брежнва

22
«Выхожу один я на дорогу…»

23
«Теплов когтил и свидетелей, и родителей, и нас»

24
«За горло взяла КГБ ручища… »

25
Большая идеологическая охота 1971 года

26
«Ваш страна особый случай»

27
«Мы из недовольных приготовим фарш»

28
Над пропастью во лжи

29
«Разбомбить и потопить!»

30
Вниз по матушке по Волге…

31
«Добьемся мы освобожденья!»

32
Учёный без идеологии

33
«Жить не по лжи!»

34
И тогда он сказал: «Нет!»

35
«Можешь выйти на площадь…»

36
Последний политический заключенный Советского Союза,
или
Портрет одного диссидента
на фоне четырех генсеков и двух президентов

37
Возмутитель коммунистического спокойствия

Подводя итоги

Приложение

Список осуждённых по обвинению в антисоветской агитации
и пропаганде Саратовским областным судом в 1962-1972 годах.

Чёрные лики красных режимов

Виктор Макарович Селезнёв

Кто выбирает свободу.
Саратов: хроника инакомыслия.
1920-1980-е годы.

Второе издание, исправленное и дополненное.

Научно-популярное издание.

Под редакцией кандидата исторических наук В. М. Захарова.

Корректор и технический редактор Е. О. Ишутинова

Подписано к печати …
Формат…
Усл. п. л. … Уч.-изд. л. …
Тираж – 100 экз.